

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
ECONOMIC SCIENCES**

УДК 141.333

**ОБРАЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА В РАБОТАХ Ю. ХАБЕРМАСА
THE IMAGE OF HOMO ECONOMICUS IN THE STUDIES
OF J. HABERMAS**

Козлова В.А., Ростовский (г. Ростов-на-Дону) юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, кандидат экономических наук

Kozlova V. A., the Rostov juridical institute (branch) of The Russian Law Academy of the Russian Federation Ministry of Justice, associate Professor of the chair of humanities and socio-economic science, candidate of economical Sciences

e-mail: valeria.kozlova@ra-interplay.ru

Аннотация: рассмотрены подходы Ю. Хабермаса к образу экономического человека в постиндустриальном обществе.

Annotation: The approaches of J. Habermas to imagine of homo economicus in postindustrial society are considered.

Ключевые слова: Ю. Хабермас, постиндустриальное общество, экономический человек.

Key words: J. Habermas, postindustrial society, homo economicus.

Юрген Хабермас – один из крупнейших социальных философов Западной Европы последней трети XX века, являющийся продолжателем традиций франкфуртской школы. Основным направлением исследования Хабермаса стало изучение предпосылок существования в обществе открытой и свободной коммуникации в привязке к рассмотрению подъема и упадка публичной сферы информации.

В отличие от многих критиков информационного общества, склонных к идеям неомарксизма, Хабермас подвергает систематической критике теорию Маркса. Однако целью такой критики, начавшейся в 60-е гг., являлось не разрушение концепции Маркса, а ее переосмысление и трансформация. Основные выводы, полученные Хабермасом, опубликовались в работе «К реконструкции исторического материализма», которые оживили

интерес к марксизму в социальных науках в 70-80 гг. Основным положением, подвергшимся критике, стало сведение человеческой рациональности к рациональной трудовой деятельности и редукция акта самосозидания человеческого рода к труду [3].

Хабермас, рассматривая теорию стоимости, отмечает, что в нее можно включить динамичный процесс накопления, который стал самодостаточным, в модель взаимоотношений, складывающихся между экономикой и государством, с одной стороны, и частной и общественной сферами, с другой. Данное изменение позволяет рассмотреть развитие общества не только с экономической точки зрения, а включить в изучение и политическую сферу капиталистического общества. Марксизм обладает рядом теоретических недостатков, не позволяющих использовать его наработки применительно к современной капиталистической системе. К таковым относятся аспекты государственного вмешательства, массовой демократии и государства всеобщего благоденствия.

Действительно, современная наука постепенно приходит к мнению, что использование модели, включающей лишь экономику и государство как две взаимодополняющие системы, делает экономическую теорию кризисов несостоятельной. На наш взгляд, такие экономические проблемы как экономическое неравновесие, кризисы, сопровождающие процесс развития экономического развития, могут корректироваться путем вторжения государства в пространства рынка. Такое функциональное замещение рынка государством возможно лишь при сохранении предпринимательских прав в сфере инвестирования. А при использовании власти для регулирования процесса производства экономическое развитие было лишено собственно капиталистической динамики. Государственное вмешательство не должно приводить к нарушению разделения труда между рыночной экономикой и государством.

Во всех основных сферах наблюдается косвенное воздействие государства на принятие решений частными предпринимателями. Оно предотвращает или смягчает действие побочных эффектов, возникающих в ходе реализации предпринимательских действий. Подобный ограниченный способ реализации административной власти диктуется механизмом хозяйствования. В результате мы видим, что человек в своей предпринимательской деятельности становится ограниченным, но не рамками рациональности или доступностью благ, а своей возможностью независимого выбора. Государство через свой административный аппарат создает такие условия, когда человек не способен совершать реальный выбор. Ему дана лишь возможность следовать тем путем, который выбран был для него государством.

По мнению Хабермаса, последствием этой структурной дилеммы стало административное воздействие на кризисные тенденции, а также перенос последних в административную систему. Второе последствие может принимать различные формы, такие как государственный долг, избыточное бюрократическое планирование, конфликты целей политики в сфере инфраструктуры и конъюнктуры. Но одновременно, это может привести к

формированию новых стратегий преодоления кризиса посредством переноса проблемы обратно в сферу экономики [5].

Несовершенной является и марксистская экономическая теория демократии, включающая две системы управления: властную и денежную. При сравнении двух методов управления, Хабермас делает вывод, что власти необходимы более глубокая институционализация, нежели управление деньгам. Денежная система возникает и укрепляется через институты частного буржуазного права. В этом случае теория стоимости отталкивается от договорных отношений в системе «наемный работник – владелец капитала». Но для осуществления властных полномочий недостаточным будет создание аналога организации управления, существующего в экономической системе. Необходимо также легитимировать господствующий порядок, что становится возможным лишь демократическими методами. Причина тому кроется в существовании рационального общества с высокой степенью индивидуализации субъектов. В нем существуют абстрактные и позитивные нормы, нуждающиеся в подтверждении, и традиции, размытые коммуникативно и рефлексивно в части требований, предъявляемых к власти.

В результате капитализм и демократия формируют тесную взаимосвязь, выливающуюся в противостояние, затрагивающее два противоположных принципа социальной интеграции. Общества сегодняшнего дня утверждают примат жизненного мира над подсистемами, которые выделились из их организационных структур. Смысл демократии в нормативном понимании сводится к формуле: сферы действия, интегрированные в системы, должны функционировать, не нарушая целостности жизненного мира. Динамика развития капитализма сохраняется до тех пор, пока процесс накопления будет активнее, чем процесс потребления. Защищающие жизненный мир ограничения и требования легитимации должны быть абстрагированы от хозяйственной системы и ее движущих механизмов. А внутренняя логика капитализма начинает подчиняться формуле, согласно которой системно интегрированные сферы действия в случае необходимости должны функционировать даже через технизацию жизненного мира [6].

Следовательно, учитывая высокий уровень индивидуализации общества, а также его технизация приводит к тому, что баланс между накоплением и потреблением постепенно начинает смещаться. Общество потребления, о котором писал Бодрийяр, характеризуется высокими показателями производства, что в купе с индивидуализмом Хабермаса дает возможность для постоянного роста объемов потребления. Современный человек отказывается от накопления в пользу потребления. Сегодня он уже в большей мере потребитель. И если мы учтем также и общие тенденции отказа от массового накопления, то приходим к выводу, что дисбаланс между потреблением и сбережением реально формируется, что приводит к постепенному нарушению функционирования рыночной системы, базируемой изначально на производственных отношениях.

Производственные отношения, рассматриваемые Марксом как реальный базис общества, а Хабермасом как институциональные рамки общества, не являются результатом

процесса труда. Видится, что в философско-историческом плане выделяются два процесса общественной эмансипации. В первую очередь, это эмансипация от внешнего природного принуждения, а во-вторых, это эмансипация от репрессий, уходящих своими корнями в человеческую природу. Два источника формируют два несовпадающих человеческих идеала. Это образ организации общества как механизма, возникающего под влиянием научно-технического прогресса, и образ, предполагающий перспективность роста публичной рефлексии. Второй путь предполагает растворение формы господства, сублимацию институциональных рамок и высвобождение потенциала коммуникативного воздействия. Основной целью такого развития становится формирование общества, основанного на публичной дискуссии, свободной от господства.

Разграничение языковой коммуникации и труда является принципиальной позицией Хабермаса в отношении экономического человека. Он рассматривает труд как инструментальное действие, подчиняющееся техническим правилам, основанным на эмпирическом знании. Коммуникативное действие же руководствуется intersubjectively значимыми нормами. Они и определяют взаимные поведенческие ожидания участников. Хабермас видит в коммуникативном действии один из факторов общественного развития, благодаря которому могут быть осуществлены качественные (радикальные) изменения в социальной сфере.

Необходимо отметить, что коммуникативная рациональность и коммуникативное действие приводят к изменению целей и ценностей человека. Формирование человека информационного общества должно сопровождаться обоснованием этих новых целей. Эмансипация, описанная выше, должна реализовываться по заранее определенной программе, основанной на действенности и эффективности новых видов связей между индивидами.

С момента возникновения человеческого общества процесс труда и межличностные отношения тесно связаны. Именно они определяют специфику человеческого общества и уровень его развития. Однако если первому уделялось огромное внимание в социальных науках, философии, то роль вторых практически не рассматривалась. Однако и коммуникативная деятельность, и коммуникативная рациональность являются тем элементом, которые направлены на преодоление противоречий, имеющих в современном обществе. Это универсальный компонент, преобразующий социальную реальность.

Коммуникативная рациональность индивида приводит к рассмотрению им существующих норм и ценностей. А общественные отношения, в которые он вступает, наполняются intersubjectively смыслом, координируются посредством достигнутых соглашений. На наш взгляд, данный подход к коммуникативным отношениям является оригинальным с точки зрения постановки вопросов, фундаментальности и конкретности социально-культурных проектов.

В своих работах Хабермас отмечает, что история выступает в качестве процесса рационализации общества. С одной стороны, она может быть описана как процесс роста

производительных сил через рационализацию средств и процесса выбора. С другой, история – это процесс рационализации действия, которое ориентируется на взаимопонимание. Следовательно, в последнем случае рационализация выступает как средство устранения отношений принуждения, встроенных в структуру коммуникации. Рост общественной рационализации приводит к преодолению систематических нарушений коммуникации.

Нормативные структуры, в этом случае, имеют свою внутреннюю историю, а не просто следуют за процессом материального воспроизводства. Развитие нормативных структур становится локомотивом социальной эволюции, так как принципы организации общества являются новыми формами социальной интеграции, которые создают основу для создания новых производительных сил.

Современная ситуация, анализируемая Хабермасом, раскрывает оспоримость наследия западного рационализма, который периодически переживает тяжелые кризисы. И в этом направлении нам необходимо понять, в какой мере модернизация, реализуемая в современном обществе, и, в частности, в России, может быть названа рациональной. Особенно, если мы будем рассматривать ее не с позиций экономической науки, а через призму культурной и социальной рациональности. Указанная нами выше стабилизация в капиталистическом обществе, достигнутая посредством компромиссов, не видится нам как нечто в полной мере рациональное. И в этом случае необходимо обращаться к типам рациональности М. Вебера, понятиям целерационального действия и инструментального разума.

По Хабермасу, анализ общества К. Маркса выполняется в рамках парадигмы инструментального разума, а коммуникативный разум не входит в состав исследования, что делает классическую критическую теорию ограниченной. В этом случае, теория общества должна использовать иную исследовательскую программу. В 60-е гг. Хабермас обращается к философской герменевтике Гадамера, которая, однако, не выступает в роли критической науки об обществе, так как в ней традиции реабилитируются в ущерб рефлексии.

Обращаясь к вопросу субъективности, Хабермас отмечает, что ее поступательное развитие сопровождалось утверждением, в том числе, и в экономической сфере жизни человека формального разума. Господствовавшее в философских системах древности представление о разуме как о начале, охватывающем и человека, и мир, сменилось автономизацией субъекта. Произошло дистанцирование человека от мира, что привело к возникновению формального рационализма. Сегодня разум понимается как инструмент, выступающий как формальный и абстрактный мыслительный механизм. Но он не есть характеристика действительности, а только свойство индивида.

На основании исследований Ю. Хабермаса можно прийти к выводу, что разум человека реализуется в соотношении целей, средств и методов. Индивид оценивает цели в привязке к собственным интересам. Рациональный, разумный человек – это тот, кто способен определить полезность той или иной цели. Но прогресс рациональности, наблюдаемый в капиталистической экономике, приводит к парадоксу. Субъективная

рациональность как подчинение существующего логическому формализму приводит к тому, что человек ограничивается повторением уже имеющегося. В процессе выбора человек репродуцирует уже имеющееся. Индивид, реализуя заданные программы, попадает под влияние индустрии культуры, которая манипулирует сознанием и поведением.

Личность с трезвым взглядом на мир, способная к саморефлексии, к контролю природных потребностей посредством разума может быть противопоставлена иррациональной личности. С рациональностью как субъективным разумом необходимо увязать и способ удовлетворения потребностей. Рациональный индивид, выступающий в качестве потребителя, будет избирательно относиться не только к способу удовлетворения материальных, но и идеальных потребностей. Следовательно, мы можем говорить не только о когнитивно-инструментальной, но и о морально-практической, эстетически-практической рациональности, иных видах рациональности, образующих рациональную направленность жизни человека в целом.

Постулаты и требования позднего капитализма трансформируются во внутренние законы поведения человека. Они навязываются насильственными методами, но они столь повседневны и привычны, а также всеобъемлющи, что уже не рассматриваются как насилие, принимая форму нерелексивного внутреннего побуждения [3].

В своих работах Хабермас выявил все усиливающиеся тенденции к превращению науки и техники, способствующих индустриализации общественного труда, во всеобщую форму жизнедеятельности людей [1]. Причем в этом процессе он видит огромное количество отрицательных черт. Проводя исследования, Хабермас обращается к известному тезису Г. Маркузе о том, что техника и наука взяли на себя функцию господствующей власти, стали идеологией. Произошло слияние техники и господства, рационального и угнетения. Он обращает внимание, на то, что здесь имеет место парадокс: экспансия не воспринимается как несвобода, так как она воспринимается как необходимое подчинение рациональному техническому аппарату.

Сам термин рациональность имеет тесную привязку к знанию, что особенно ярко проявляется в последние десятилетия. Но в телеологической сфере нормативные модели, опираются на мотивационный комплекс, предполагающий интуитивное понимание нормативных ценностей. Именно здесь рациональность выступает как результат взаимодействия между целью и средствами. И в условиях, когда цели и средства стали изменены, исчезли идеалы и идеологии, произошел кризис старой мотивации. Стоит обратить внимание, что данный кризис нельзя рассматривать только с позиций в сфере производства, с учетом лишь приоритетов материальных интересов. Необходимо понять, что модернизация, основанная только на экономической и административной рациональности, проникла в те сферы, которые основываются на коммуникативной рациональности. Для того чтобы современное общество имело возможность развиваться дальше, необходимо уделить большее внимание развитию самого человека, мотивы и мотивация действий которого может быть не только сознательной, но и бессознательной.

Осознанные мотивации являются более стабильными, они играют особую роль в жизни человека, формируя его свойства и способности. И в своем анализе Хабермас уделяет особое внимание именно осознанным мотивациям, которые наиболее важны для коммуникативной рациональности. Причина тому, на наш взгляд, кроется в том, что коммуникативная рациональность ориентируется не на внешние стандарты, а на внутренние факторы, которые и определяют мотивы человеческих поступков и действий. Выход из кризиса мотивации может быть найден через согласование потребностей и интересов, норм и ценностей человека, что затруднено в современных условиях разделения системы и жизненного мира.

Но в индустриально развитых странах с их высоким уровнем сциентизированной цивилизации, Хабермас не видит реальных ожиданий эмансипации общества и упрочнения разумности человеческих отношений, которые были бы инспирированы развитием науки и техники [2]. Он считает современные государства несостоятельными в решении социальных проблем в связи с невозможностью выявления духовно-нравственного потенциала и новых ценностных ориентиров. Следовательно, все применяемые меры не соответствуют подлинно человеческим потребностям.

Необходимо уточнить, что индивиду присущи три вида потребностей, которые можно обнаружить в работах Хабермаса 60-70 гг. Это технический, практический и эмансипационный интересы. Первые два интереса являются наиболее яркими, и именно их общественная наука раскрыла наиболее полно. Развитие техники и технологии трансформировало их, тем самым изменив и естественные потребности человека, его мотивы поведения, поступков и действий. Это вылилось в описанную выше инструментализацию человека, когда вырабатывается автоматизм поведения, а человек становится функционером [4].

Манипуляция людьми осуществляется по стандартному механизму. Воспитываемая реакция на ситуацию создает соответствующий тип потребителя на уровне бессознательного. Культурная индустрия исследует человеческие потребности, адаптируя их собственным целям и задачам. Далее идет продуцирование их на индивида, что делает потребителя дисциплилируемым и управляемым. Индивидуальность, полученная в результате выделения человека из рамок первобытного строя, сменяется псевдоиндивидуальностью.

Но только ли в сфере экономики проявляется манипулирование? Естественно, что управлением одной сферой ограничиться невозможно, в результате чего манипулирование начинает проявляться в сфере политики. На наш взгляд, при рассмотрении развития современного общества с позиций Хабермаса, можно прийти к выводу, что манипулирование общественным мнением становится необходимым. Общественное мнение становится выражением мнения общества, зачастую, не совпадающее с точкой зрения государственного аппарата, выражающего интересы системы. С одной стороны, общественное мнение, определенное посредством опросов, либо иных методов, является выражением общих интересов. И в этом случае, оно становится первым элементом на пути

формирования политического волеизъявления и основой легитимации. С другой же стороны, согласие – это результат легитимации, последним элементом при обеспечении лояльности масс. Лояльность индивида дает политической системе независимость от каких-либо ограничений, сформированных на базе автономии частной и общественной сфер жизни. Оба эти варианта не являются противопоставляемыми, а существуют параллельно, становясь лишь разными аспектами современной демократии. А партийная борьба оказывается фактором по отношению к процессу волеизъявления, выступающего в качестве результата, с одной стороны, интенсивного развития коммуникативных процессов формирования ценностей и норм, с другой стороны, организационных усилий политической системы.

Если мы обратимся к процессу формирования общественного мнения, то обнаружим, что оно, вместе с обеспечением лояльности индивидов, осуществляется конструктивным и селективным способами. Конструктивный способ предполагает построение социальных программ на уровне государства, а селективный – исключение из дискуссионной сферы определенных тем и сообщений. Второе направление осуществляется посредством социально-структурных фильтров доступа к формированию общественного мнения; посредством деформации структур общественной коммуникации с использованием бюрократических механизмов; либо через манипулирование потоками информации.

Подавление общественного мнения позволяет регулировать расхождения между представляемыми позициями политической элиты и реально принимаемыми политическими решениями в рамках системы. Экономический человек, выступающий в позиции избирателя, в процессе выбора определяет лишь персоналии, а мотивация данного выбора остается за пределами дискурсивного контекста, оказывающего воздействие на волеизъявление. Данный механизм ликвидирует возможности политического участия индивида в принятии решений.

Однако все усилия, прилагаемые для подавления воли индивидов, не способны полностью сформировать лояльность масс. Также деятельность государственных органов не искореняет бремя классового конфликта, имеющего особое влияние в частной сфере, но имеющее свои отголоски и в общественной сфере, политике. Даже ориентация граждан на потребление оказывает воздействие на принятие политических решений и развитие всей сферы деятельности государства.

Для придания легитимности собственным действиям государство вынуждено формировать собственные социальные программы. Развитая система государственной социальной защиты стала эффективным средством регулирования классового конфликта. Изменения в социальном и трудовом законодательстве позволило обеспечить необходимый уровень жизни наемным работникам, а также уравновесить позиции различных слоев. Социальная политика формирует у человека представления о ликвидации крайних диспропорций и незащищенности. Однако данные представления фактически не имеют значимой основы, так как стабильной остается структура неравенства собственности, власти и доходов. Более того, имеющиеся механизмы не дают возможности человеку освободиться от ориентации на потребление.

Даже в условиях, когда темпы роста промышленного производства увеличиваются ежегодно, а показатели обеспеченности достигли своих максимальных величин, по сравнению с предыдущими периодами, индивид оказался неспособным отказаться от ориентации на потребление. И здесь, на наш взгляд, проблема заключается не в том, что государство посредством воздействия своей политической сферы оказалось неспособным освободиться от данного факта, но и внутренние особенности человека в условиях экономической среды.

Подводя итог идеям Хабермаса, можно прийти к выводу, что современный человек живет в обществе, где прогрессируют разнонаправленные компоненты развития. Это снижение классовой напряженности, развитая система социальной защиты, капиталистический механизм хозяйствования, причем все это базируется на средствах кейнсианской модели. И важно отметить, что возникающие в этих условиях противоречия столь разнообразны и многогранны, что затрагивают практически каждый аспект поведения индивида. В этих условиях все большую «компромиссную роль» играет государство. Хабермас считает, что изменению подвергаются взаимодействия между системой и жизненным миром. В первый элемент входит экономика и государство, а во второй частная и общественная сферы. Все эти взаимодействия формируют социальные роли наемного работника и потребителя, а также гражданина государства и клиента бюрократической системы. В этих выводах прослеживается критика марксовского подхода к пониманию человека, сконцентрированном на процессе обмена рабочей силы на заработную плату, овеществлении в сфере общественного труда и отчуждении фабричного труда, где происходит распространение экономической модели на жизненный мир. В идеях Хабермаса видится отрицание данного подхода, разведение внешних и внутренних потребностей, материального и символического воспроизводства.

Литература

1. Фарман, И.П. «Для чего нужна философия?» (Ю. Хабермас) // Путь в философию. Антология. / под ред. С.Я. Ливитина. – М.: Университетская книга. – 2001. С. 376-385.
2. Фарман, И.П. Социально-культурные проекты Юргена Хабермаса. / И.П. Фарман. – М.: 1999. – 244с.
3. Фурс, В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. / В.Н. Шумилов. – Минск: Эконом-пресс. 2000.
4. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы. Пер. с нем. / Ю. Хабермас. – М.: Издательство «Весь Мир», 2002. – 267с.
5. Хабермас, Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства / Ю. Хабермас. – М.: Практикс. 2002. – 115с.
6. Хабермас, Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Thesis. - №2. - 1993. - С. 126-137.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ
SCIENCE OF LAW

УДК 343

ОНЛАЙН ГЕМБЛИНГ КАК ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР
СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ
ONLINE GEMBLING AS A DESTABILIZING FACTOR OF SOCIAL
DEVELOPMENT OF THE COUNTRY

*Аветисян Борис Рафаелович, прокуратура Ростовской области, помощник прокурора
Усть-Донецкого района, юрист 2 класса*

*Avetisyan Boris Rafayelovich, prosecutor's office of the Rostov region, assistant prosecutor
of the Ust-Donetsky area, lawyer 2 class,*

e-mail: boris.avetisyan@gmail.com

*Аннотация: Изучен онлайн гемблинг в качестве элемента разрушающего
целостность социального развития страны*

Annotation: online gambling is studied as social destroying element of country development.

*Ключевые слова: игорный бизнес, азартные игры, социум, онлайн гемблинг,
интернет-зависимость.*

Keywords: gaming, gamblings, society, online gambling, Internet dependence.

Азарт как социальное явление было и остается одним из противоречивых процессов для любого социума, ведь люди играли на деньги, уже начиная со времен Древней Греции и Рима.

Однако отношение государства к азартным играм было неоднозначно в историческом ракурсе: от легализации игры в карты в 1698 году (Англия) до полного закрытия игорных домов в XVIII-XIX вв. (Западная Европа)(1), С развитием социальных институтов и технологических возможностей стало понятно, что доходы с одной из самых прибыльных сфер экономики не могут оставаться вне внимания государственной казны. Как продолжение игорного бизнеса за реальным, физическим столом, начала вырастать в геометрических процессиях онлайн индустрия. Она практически непрерывно находилась в условиях, когда ее пытались запрещать – наверное не найдется ни одной более менее цивилизованной страны, правительство которой не пыталось бороться с азартом в интернете.

На сегодняшний день нет единого мнения о судьбе интернет онлайн игр, также как и нет решения того, каким образом следует взимать налог с этого вида бизнеса, и стоит ли

вообще этим заниматься на внутреннем законодательном уровне в рамках страны в условиях глобализации и интернационализации бизнеса. Также доказано что онлайн гемблинг имеет негативное влияние на социальную роль человека в обществе, однако не существует единого правильного решения этой проблемы.

Интернет ворвался в нашу жизнь как ничто иное до этого. Без него сейчас сложно представить жизнь человека. Ученые даже выделяют несколько основных типов интернет-зависимости:

1. Навязчивый веб-серфинг - паттерн информационного поведения, обусловлен формированием навязчивой, непреодолимой потребности в постоянном, но поверхностном, скачкообразном поиске и потреблении сетевой информации.
2. Страсть к виртуальному общению и виртуальным знакомствам большие объемы переписки, постоянное участие в чатах, веб-форумах, избыточность знакомых и друзей в сети.
3. Игровая зависимость - навязчивое увлечение компьютерными играми в сети.
4. Постоянная финансовая потребность в сети Интернет - постоянное участие в он-лайн-аукционах, бесконтрольные покупки в интернет-магазинах (интернет-шопинг), навязчивые игры на бирже.
5. Киберсексуальная зависимость - непреодолимое желание обсуждать сексуальные темы эротических чатах и телеконференциях, навязчивый влечение к посещению порносайтов и занятий киберсексом, виртуальные ухаживания и свидания.

То есть, на фоне азарта, развитию интернет-казино и онлайн игр способствует и вседоступность интернета. Во многих странах интернет-зависимость признается болезнью. В России и Украине диагностирование больных интернет-зависимостью осуществляется на основе МКБ-10, а именно в соответствии с блоком «Расстройства зрелой личности поведения у взрослых» (F 60-69), где сгруппированы большинство видов нехимической адикции [2].

В частности, в разделе F 63.0 «Патологическая склонность к азартным играм» выделены следующие критерии диагностики патологической склонности к азартным играм:

- 1) повторные эпизоды азартных игр в течение не менее года;
- 2) эти эпизоды возобновляются, несмотря на отсутствие материальной выгоды, субъективное страдание и нарушения социальной и профессиональной адаптации;
- 3) невозможность контролировать интенсивное влечение к игре, прервать ее волевым усилием;
- 4) постоянная фиксация мыслей и представлений на азартной игре и всем, что с ней связано.

Итак, вместе развитием интернета он провоцирует и предлагает новые технологии для развития так называемого гемблинга или лудомании.

Лудомания (лат. ludo — <я> играю + др.-греч. μανία — страсть, безумие, лечение), игромания, игровая зависимость, гемблинг-зависимость (англ. gambling — игра на деньги) —

патологическая склонность к азартным играм; заключается в частых повторных эпизодах участия в азартных играх, которые доминируют в жизни человека и ведут к снижению социальных, профессиональных, материальных и семейных ценностей: такой человек не уделяет должного внимания своим обязанностям в этих сферах [3]. В системе кодирования болезней МКБ-10 имеет код F63.0.

Не секрет, что проблема азартных игр приобретает исключительно важное значение в связи с повсеместным распространением денежных игровых автоматов, открытием множества казино[4]. Так, ещё в 1970-х годах в Англии возникла проблема низкой посещаемости кинотеатров, вплоть до необходимости их закрытия, за счёт возрастающей популярности залов игровых автоматов. В США, по данным Р. Фольберг (Volberg, 1996), количество «проблемных игроков» — аддиктивных игроков, настолько зависимых от игровых автоматов, что их жизнь оказывается полностью подчинённой этой страсти, — достигает 5 % населения. Данные других исследователей (Ladouceur et al., 1999) свидетельствуют о том, что только за первую половину 1990-х годов число проблемных игроков выросло в Канаде более чем на 75 % [5].

Относительно последствий интернет-зависимости следует отметить, что, хотя по сравнению с алкогольной и наркотической зависимостями, данная аддикция меньшей степени вредит здоровью человека, однако в большей степени ее последствия имеют социально-психологическую окраску. В этом смысле существенным является влияние этой болезни на отношения человека с окружением, а именно - осложняет отношения между родителями и детьми, супругами, друзьями. Поэтому все больше и чаще эта болезнь фигурирует во время судебных процессов по разводу, трудовых конфликтов и даже уголовных преступлений.

Вместе с тем сразу после принятия закона о запрете игорного бизнеса стали появляться так называемые интерактивные клубы. Фактически это были те же игровые залы, но вместо автоматов в них размещались компьютеры. Принципиальным же отличием от старых залов была полная легальность. В 2011 г. законодатель наконец запретил и эту деятельность. В том же году была установлена уголовная ответственность за занятие игорным бизнесом.

Однако такие строгие меры вовсе не означали, что любители азартных игр остались без возможности лишиться своих денег. С одной стороны, никто не запрещал лотереи, количество киосков по продаже которых начала стремительно увеличиваться после запрета казино. Кроме этого, появились игровые автоматы, которые реализуют те же лотереи. Вне контроля остаются и азартные игры в Интернете. В том, насколько они распространены, может убедиться каждый: достаточно написать в поисковике слово «казино». Не следует забывать и об игровых залах, которые работают хотя и незаконно, но у всех на глазах. Милиция регулярно отчитывается об их закрытии, но вряд ли эти меры могут существенно изменить ситуацию.

В денежном эквиваленте интерес пользователей исчисляется суммами с бесконечным количеством нулей, не удивительно, что многие хорошо зарабатывают азартными играми, некоторые получают доход от умелой игры, а другие получают огромные суммы за предоставление пользователям интернет пространства для игр в своих casino online [6]/ Сейчас наиболее популярными формами виртуального гемблинга являются покер, игры в онлайн казино и тотализатор. Игроки желающие разбогатеть чаще всего выбирают невероятно популярный онлайн покер, сейчас в мире множество профессиональных покеристов, которые просто живут в сети. Легкие деньги, возможность разбогатеть, слава – это основные причины из-за которых новые игроки приходят в мир азарта.

Азартные пользователи, для которых не привлекателен покер, выбирают для себя другое хобби – онлайн тотализатор. В интернете можно найти множество букмекерских контор, в которых можно совершать ставки на всевозможные виды спорта. Чтобы успешно пробовать себя на тотализаторе, нужно иметь хорошие знания в выбранном виде спорта, шансы на выигрыш букмекерские конторы предлагают разные, поэтому прежде, чем делать ставку познакомьтесь с рейтингом букмекеров. А некоторые просто ждут момента, когда выигрывают в лотерею, некоторым это все же удается.

Те, кто много времени сидит в интернете, и имеют собственный сайт, тоже могут зарабатывать, приобщившись к данному виду развлечений. Чтобы получать ежемесячный доход таким пользователям достаточно разместить у себя на сайте, посвященному гемблингу, баннер казино или покеррума и получать стабильную прибыль. Для этого пользователю просто нужно иметь персональный сайт и стать участником партнерской программы казино в сети, букмекерской конторы или покеррума.

Мировые эксперты, прогнозируют индустрии азартных развлечений дальнейший рост, так что финансовое будущее профессиональных игроков и организаторов азартных игр обещает быть светлым. В покер будут приходить всё новые и новые игроки, которых просто будет обыгрывать профи, а у онлайн казино и покеррумов будет больше сайтов партнеров. Доля прибыли онлайн казино и тотализаторов будет увеличиваться, и бить установленные рекорды [7]

Соответственно, с точки зрения законодателя, нужно регулировать и управлять таким хаотическим развитием многомиллионного рынка, а еще лучше – заставить обе стороны (игрока и организатора игры) платить за возможность испытать судьбу с азартными играми. На современном этапе в мировой практике существуют три модели правового регулирования деятельности субъектов игорного бизнеса [8]. Первая модель - это частичная легализация деятельности операторов игорного рынка, предусматривает создание специальных игровых зон по пределами населенных пунктов (Россия, Великобритания). Вторая, характерная для стран с высоким влиянием религии на общественные отношения, - это полный запрет деятельности таких субъектов (Узбекистан, Израиль). Третья модель предполагает полную легализацию игорного бизнеса, но исключительно в рамках строгого государственного

контроля и создания особых лицензионных русловий для этой индустрии (большинство стран ЕС).

Однако, эти модели слабо подходят для онлайн-гемблинга. В современном мире этот бизнес образовался и получил развитие в виде гигантского нелегального сектора, специально приспособленного к существованию в условиях перманентного запрета, благо сама форма его жизни всячески этому способствует. [9]

Поэтому, в разных местах борьба с этим явлением фактически сходит на нет – в одних случаях гемблинг пробивает себе дорогу и становится законным делом как в Европе, а в других антигемблинговое законодательство просто перестают применять по прямому назначению, а начинают его использовать лишь время от времени как повод для законодательного преследования совершенно конкретных операторов, подозреваемых в крупных финансовых преступлениях. Наглядным примером последнего служит американский закон UIGEA, [10] который выборочно применяют к тем крупным гемблинговым сетям, которые подозреваются в отмывании средств в оффшорах и то только в том случае, если просматривается перспектива эти самые средства конфисковать. Власти США давно поняли, что лавину интернет-гемблинга остановить все равно нельзя. В России же до настоящего времени никакой масштабной активной антигемблинговой деятельности не велось. Однако Российское антиигорное законодательство вполне допускает преследование такой деятельности. Например, совсем недавно прозвучала идея обязать интернет-провайдеров блокировать сайты гемблинговых операторов по IP- адресам.[11].

Однако, наше мнение такого, что подобные действия на самом деле совершенно недейственны против онлай гемблинга, что давно уже показала мировая практика. Операторы, находящиеся в оффшорных зонах совершенно не подвластны российскому законодательству, и к тому же они успели накопить гигантский опыт работы в тех странах, где эта индустрия находится под формальным запретом.

На территории России, а так же других стран СНГ, равно как и в Турции или США подавляющее большинство оффшорных операторов давно работает в условиях активного «подполья». Поэтому практика законодательного запрета онлайн гемблинга совершенно неэффективна.

Многие эксперты заверяют, что онлайн-гемблинг сцена поменяется кардинально именно в 2013 году. Одним из самых крупных аргументов является тот факт, что всё больше стран пытаются применить законы по отношению к азартным играм в интернете, чтобы легализовать онлайн казино. Это ситуация естественно является выигрышной для всех любителей казино, так как игроки смогу беззаботно играть в любом доступном казино, не думая о его надёжности и других факторах, которые отпугивают новых игроков в онлайн казино. Государственные инстанции понимают, что при легализации онлайн казино, в казну поступят дополнительные средства, и при этом все казино доступные гражданам их страны будут самыми надёжными. Лицензию онлайн казино, к счастью, не может купить любое

казино, потому что оно должно отвечать некоторым критериям и прежде всего это делается для обеспечения безопасности средств всех игроков в онлайн казино.

Выводы. Итак, очевидно, что от онлайн-гемблинга страдает социум Люди все больше страдают от зависимости от азартных игр в интернете на фоне беспомощности действий правительств стран в попытках обуздать как финансовую так и социальную стороны этого бизнеса. Иного выхода как повышения культуры населения и легализация бизнеса онлайн казино многие страны просто не видят, однако от вопроса вседоступности интернета вряд ли удастся избавиться. Поэтому, нужно искать другой путь в преодолении зависимости от азартных игр в интернете.

Литература

1. Radziszewski H. Nauka skarbowo[ci : wykBad skarbowo[ci paDstwowej i gminnej/ Henryk Radziszewski : Monografia. – Warszawa : Wydaw. M. Arcta, 1919. – 544 s.
2. Юрьева Л. Н., Больбот Т. Ю. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика. Днепропетровск: Пороги, 2006. – 196 с. Монография [Электронный ресурс]. <http://phtiziatr.ru/library/knigi/?lib=1559>
3. Международная классификация болезней МКБ-10. Режим доступа: <http://www.mkb10.ru/> .
- 4.<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F>
- 5.<http://ludoman.info/>
- 6.<http://iamgambler.com/casino/online-gambling/>
7. <http://selectorgame.com/ru/news/articles/8414.html>
- 8.Study of gambling services in the internal market of the European Union. /Final report / Swiss Institute of Comparative Law. European Commission. – 2006. – 55 p.
9. Миф о блокировке онлайн гемблинга в Рунете/ Режим доступа: <http://selectorgame.com/ru/news/articles/8414.html> - Название с экрана
10. Unlawful Internet Gambling Enforcement Act of 2006/ Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Unlawful_Internet_Gambling_Enforcement_Act_of_2006 - Название с экрана
- 11.Где гемблингу жить хорошо? Режим доступа: <http://selectorgame.com/ru/news/articles/14541.html> - Название с экрана

УДК 343

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ИЛИ ПРАВОВОЕ БЕСКУЛЬТУРЬЕ
(НА ПРИМЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ)
LEGAL CULTURE OR LEGAL LACK OF CULTURE (ON THE EXAMPLE OF THE
REALIZATION OF THE RIGHT OF LEGISLATIVE INITIATIVE)**

Артамонов А.Н., заместитель начальника Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Ростовской области

Artamonov A.N., Rostov-on-Don, Deputy Chief of Administration of the Justice Department of the Russian Federation, Rostov Region Branch

e-mail: artamonov_mj@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с законодательным процессом в регионах Российской Федерации, на примере реализации права законодательной инициативы делаются выводы о необоснованности наделения им отдельных субъектов, о необходимости большей ответственности в вопросах законотворчества.

Annotation: The article discusses the issues involved in the legislative process in the regions of the Russian Federation, on the example of the realization of the right of legislative initiative draws conclusions about the unreasonableness of the vesting of certain entities of the need for greater responsibility in matters of lawmaking.

Ключевые слова: законодательная инициатива, законотворчество, законодательный процесс, органы местного самоуправления.

Keywords: the legislative initiative, legislation, legislative process, and local authorities.

Современное российское общество характеризуется множеством различных противоречий, среди которых наблюдается и такое, как причудливое переплетение, с одной стороны, тотального правового нигилизма, а с другой - наивного правового идеализма. Как ни странно, оба эти явления, казалось бы, разновекторные и несовместимые, мирно уживаются и образуют вместе общую безрадостную картину юридического бескультурья [1]. Большинство из нас охотно позволяет себя вовлечь в мир иллюзий, придумывая или соглашаясь с предложениями выхода из трудных ситуаций, устранения негативных проявлений в отношениях между людьми или с государством, через механизмы, которые не дают положительного эффекта, при этом сами механизмы нам, зачастую, намного важнее результата. Например, мы часто объясняем несовершенства действующего законодательства его недостаточностью: необходимо принять определенное количество нормативных правовых актов и те или иные общественные отношения неизбежно изменятся к лучшему. Жизнь не всегда подтверждает подобный оптимизм.

В последние годы в сфере, связанной с вопросами нормотворческой деятельности, вводятся различные новые механизмы и целые институты, которые на практике не дают бесспорного положительного эффекта, а если его нет или его сложно определить сразу и безоговорочно – необходимо вести разъяснительную работу, убеждать людей, в первую очередь, участвующих в их реализации, в нужности и важности продолжения данного вида деятельности. В противном случае, отсутствие или неопределенность цели и ощутимых результатов приводят к утрате интереса к предмету занятий, что, на наш взгляд, происходит в настоящее время с институтом антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, особенно с ее независимым блоком.

Рассмотрим некоторые примеры реализации права законодательной инициативы в региональных парламентах Российской Федерации.

Большинство авторов, изучающих сферу законотворчества и законодательный процесс, предлагают признавать основными формами законодательной инициативы законопроект и законодательное предложение. Процессуально-правовым последствием официального внесения в законодательный орган законодательного предложения и законопроекта является то, что они в равной степени определяют собой начало стадии законодательной инициативы, которым служит факт передачи соответственно законопроекта или законодательного предложения о его разработке на рассмотрение законодательного органа. Развитие каждой из названных инициатив, тождественное по процедуре внесения в законодательный орган, различается в процессе их дальнейшей реализации [2].

На наш взгляд, существенный и единственный признак права законодательной инициативы – это возможность его субъектов самостоятельно разрабатывать проекты законов и вносить их на рассмотрение в парламент.

В чем смысл наделения правом законодательной инициативы? Применительно к федеральному нормотворчеству и наделению этим правом субъектов Российской Федерации, Г.Р. Симонян высказывает мысль, что на региональном уровне быстрее обнаруживаются острые социальные проблемы, раньше и эффективнее выявляются недостатки и проблемы в законодательном регулировании общественных отношений [3].

Речь идет о том, что субъекты права законодательной инициативы видят окружающую их действительность и знают необходимость регулирования общественных отношений той сферы, которой они занимаются или в которой они находятся, изнутри, наблюдают фактические изменения этих отношений или знают причины необходимости их корректировки. То же может относиться к участию в законодательном процессе регионов органов местного самоуправления по вопросам, связанным с муниципальным уровнем общественных отношений.

И здесь на первый план выходит вопрос практической реализации подобного участия, т.е. фактического его воплощения в принятый закон.

По опыту участия органов местного самоуправления в законотворческой деятельности субъектов Российской Федерации Южного федерального округа можно говорить о том, что разрабатываемые на уровне муниципальных образований проекты региональных законов носят, в основном технический характер, т.е. направлены, например, на уточнение границ муниципальных образований, объектов недвижимости и их характеристик.

Для иллюстрации приведем пример из законотворческой деятельности Законодательного Собрания Ростовской области 2010 года по проекту областного закона «О внесении изменений в Областной закон «О местном самоуправлении в Ростовской области», подготовленному и внесенному в региональный парламент Собранием депутатов Талловеровского сельского поселения Кашарского района Ростовской области (нижеприведенная информация взята из пояснительной записки к указанному проекту).

Областным законом от 15.03.2007 № 666-ЗС «О внесении изменения в Областной закон «О местном самоуправлении в Ростовской области» был утвержден перечень объектов недвижимого имущества, подлежащего передаче из собственности муниципального образования «Кашарский район» в муниципальную собственность входящих в его состав поселений. В данном перечне были допущены технические ошибки в адресах и площади объектов недвижимого имущества, переданного из муниципальной собственности муниципального образования «Кашарский район» в муниципальную собственность муниципального образования «Талловеровское сельское поселение».

Согласно данным отдела архитектуры Администрации Кашарского района здание сельского дома культуры в х. Платов расположено по ул. Платовская под номером 26, а не под номером 3; здание сельского дома культуры в с. Усть-Мечетка расположено по ул. Центральная под номером 4, а не под номером 6.

Также согласно технической документации площадь здания сельского дома культуры, расположенного по адресу: х. Платов, ул. Платовская, д. 26, составляет 243,7 кв.м., а не 275,0 кв.м.; площадь здания сельского филиала центральной библиотеки составляет 217, 6 кв.м., а не 58,0 кв.м.

Внесение данных изменений позволит Талловеровскому сельскому поселению зарегистрировать право собственности на указанные объекты с целью дальнейшего осуществления полномочий, предоставленных поселению Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Приведенный текст пояснительной записки, на наш взгляд, вызывает массу вопросов и эмоций: откуда берутся и куда исчезают площади объектов недвижимого имущества в 30 и даже 160 квадратных метров; кто занимался подготовкой или проверкой данных, включенных ранее в текст указанного Областного закона, в который требуется теперь вносить изменения; и какое наказание понесли эти специалисты; не говоря уже о правовом статусе данных объектов имущества – кто, как и на основании чего ими управлял все это время?

Но это предмет исследования совершенно другой, связанный с законодательным процессом субъектов Российской Федерации очень условно. Наша задача была передать суть разрабатываемых и вносимых в региональный парламент законодательных инициатив органов местного самоуправления, а таких, например, в Ростовской области в 2009 году было 12 проектов, 2010 их было 15, 2011 -38, за 10 месяцев 2012 года – 33.

Приведенные данные одновременно подтверждают магическую силу цифр, странным образом проявляющуюся в нормотворчестве: из года в год число разрабатываемых проектов должно возрастать, даже если они не становятся далее нормативными правовыми актами. Брака среди проектов законов регионального уровня большое количество, особенно это проявляется в примерах внесенных законодательных инициатив отдельных субъектов данного права.

Так представительные органы местного самоуправления Волгоградской области за 2009-2012 годы разработали и внесли в Волгоградскую областную Думу 24 проекта закона, из которых рассмотрено на заседаниях последней 12, и только 9 из них стали законами, что составило 35% от разработанных. Такая же результативность работы в Думе Астраханской области настоящего созыва, куда представительные органы местного самоуправления внесли 3 проекта, из которых законом стал только один. Достойные показатели качества участия в региональном законотворчестве муниципальных представителей в республиках Калмыкия – 85% и Адыгея – 100% проектов стали законами, при этом обращает на себя внимание небольшое количество данных проектов: 7 в Республике Калмыкия и 5 в Адыгее, что, возможно, связано с незначительным в сравнении со многими другими субъектами Российской Федерации числом муниципальных образований, однако это отражается и на качестве их законотворческой работы. Такой же стопроцентный показатель законотворчества имеют представительные органы местного самоуправления Краснодарского края в 2012 году, при минимальном количестве реализованных законодательных инициатив (1 законопроект, ставший законом).

Интересный повод к размышлению предоставляет сопоставление цифр статистики разработанных проектов региональных законов, проектов, вынесенных на рассмотрение заседаний законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации, и принятых региональных законов. Например, в упомянутом выше Краснодарском крае за 2007-2012 годы это соотношение составляет 2090, 1858, 1266; в Волгоградской областной Думе за 2009-2012 годы – 882, 666, 604; в Республике Калмыкия в 2008-2012 годах – 406, 381, 380; а, например, в Адыгее Государственный Совет – Хасэ Республики V созыва (2011, 2012 годы) имеет результаты 139, 138, 137.

Есть и другие данные законодательного процесса в субъектах Российской Федерации Южного федерального округа. Так в Республике Адыгея из 7 субъектов права законодательной инициативы реализовывали его 6, в Калмыкии – 7 из 9; в Краснодарском крае – 8 из 13; в Волгоградской области – 10 из 17; в Ростовской области за 4 года

действующего созыва Законодательного Собрания из 8 субъектов 4 активно пользуются правом, остальные или вообще его не реализуют, или использовали его единичное количество раз.

Из приведенных выше примеров реализации права законодательной инициативы попробуем сформулировать свои предположения. На наш взгляд, обоснованна возможность участия в законодательном процессе региональных парламентов органов местного самоуправления (их некачественная работа в этом направлении связана в основном с низким уровнем подготовки специалистов, что отражается на всех видах нормотворчества муниципального уровня), точно так же, как необходима возможность донести свою законодательную инициативу от субъекта Российской Федерации в федеральный парламент. При этом, целесообразность предоставления возможности самостоятельно разрабатывать проекты региональных законов и вносить их на рассмотрение в законодательные (представительные) органы вызывает сомнения в отношении субъектов данного права, представляющих более высокий уровень власти (члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы Федерального Собрания) или наделенных контрольно-надзорными полномочиями, возможностями принятия обязательных для исполнения решений, в том числе для законодательных органов власти (органы прокуратуры, Минюста, суды). Какую цель должно выполнять предоставление данного вида права указанным субъектам? Например, на фоне неисполнения в разные годы до 40-50% решений Конституционного Суда Российской Федерации, в том числе и федеральным парламентом, что может решить возможность разработать и внести на рассмотрение в Государственную Думу проекта федерального закона (данное право предусмотрено Конституцией Российской Федерации)?[4]

Безусловно, от уровня правовой культуры носителя прав зависит степень и качество их реализации, а лучшие ее примеры в свою очередь способны порождать стремление остальных к повышению и своего культурного уровня, что в конечном счете может привести и к созданию гражданского общества, и к построению правового государства.

Литература

1. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. М.: Юристъ, 2004.
2. Абрамова А.И. Право законодательной инициативы: проблемы обеспечения и защиты // Журнал российского права. 2006. № 3. С. 16.
3. Симонян Р.Г. Механизм обеспечения интересов субъектов Российской Федерации в деятельности федеральных органов государственной власти // Журнал российского права. 2006. № 3. С. 50.
4. Зырянов В.Н., Цыганаш В.Н. Судебные средства общественного регулирования: генезис и особенности // Мировой судья. 2012. № 6. С. 15 - 17.

УДК 343

О НОВОМ УРОВНЕ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ A NEW LEVEL OF ANTI-DRUG ACTIVITIES

Биккинин И.А., Ростовский (г. Ростов-на-Дону) юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», заведующий кафедрой предпринимательского права гражданского и арбитражного процесса, доктор юридических наук, профессор.

Bikkinin I.A., Rostov (Rostov-on-Don) Law Institute (branch) of VPO «Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation», the head of business law and civil arbitration, Doctor of Law, Professor.

e-mail: info@rui-rpa.ru

Аннотация: В статье рассмотрены проблемы профилактики незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ

Abstract: This article deals with the problem of preventing the illicit use of narcotic drugs and psychotropic substances

Ключевые слова: наркотики, профилактика, незаконное потребление наркотических средств

Keywords: drugs, prevention, illegal consumption of drugs

Принятый 7 июня федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам профилактики незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ» [1] выводит на новый уровень антинаркотическую деятельность, вводя понятия «профилактика незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ» и «раннее выявление незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ».

В России в 2012г. в результате употребления наркотиков умерли 150 тыс.человек. Директор ФСКН России В. Иванов в своих выступлениях отмечал, что действующая система права не решала задачу воспрепятствования воспроизводству наркомании и спросу на наркотики, и, по сути, безучастна к процессу фатального превращения наркопотребителей в преступников. Такая система может быть охарактеризована как своего рода правовые жернова. Соответственно и современную антинаркотическую политику России нельзя признать достаточно эффективной. Она не обеспечивает снижения уровня наркотизации населения, в том числе, уровня потребления наркотических средств, уменьшения числа лиц, допускающих немедицинское потребление наркотиков. Достижение этой цели отражено в

Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г. Согласно п.4 разд. II генеральной целью Стратегии является существенное сокращение незаконного распространения и немедицинского потребления наркотиков, масштабов последствий их незаконного оборота для безопасности и здоровья личности, общества и государства [2].

В своем поздравлении с профессиональным праздником – Днем работника органов наркоконтроля Президент России В.В. Путин говорил о важности внедрения новых подходов к профилактике наркозависимости и реабилитации граждан, оказания поддержки людям, чьи близкие оказались заложниками наркотиков[3].

В докладе директора ФСКН России на итоговой (по итогам 2012 года) Коллегии ФСКН России отмечалось, что дальнейшая интенсификация мер полицейского характера исчерпывает себя как основной метод борьбы с наркоманией. Одновременно поднаказанием за правонарушения, связанные с наркотиками, находится свыше полумиллиона российских граждан. Диспропорция здесь отражается в том факте, что количество привлекаемых к уголовной ответственности в десять раз превышает число проходящих социальную реабилитацию. Директор ФСКН России на заседании коллегии определил задачу: ближайшие два-три года должны стать временем решительного перелома наркоситуации, безусловного снижения уровня наркомании и наркопотребления. Необходимо приложить максимум усилий по созданию и развитию Национально системы реабилитации и ресоциализации наркопотребителей в Российской Федерации. Проект Государственной программы «Комплексная реабилитация и ресоциализация потребителей наркотических средств и психотропных веществ» разработан. Главной задачей данной программы должно стать масштабное увеличение числа излечившихся наркопотребителей, прошедших социальную реабилитацию и вернувшихся в общество полноценными гражданами - с нынешних 20-25 тыс.человек до 150 тыс.человек ежегодно, а также повышение эффективности освобождения от наркотической зависимости как минимум до 30% стойкой длительной ремиссии, с сегодняшних 3% [4].

У нас нет ни малейшего сомнения в том, что поставленная задача будет выполнена. Особо следует отметить, что впервые перед спецслужбой, основной задачей которой была силовая борьба с наркотрафиком, и численный состав которой сокращен до 35 тысяч единиц, Президентом России ставятся принципиально новые, можно сказать глобальные ориентиры. Однако корреспонденты газеты «Ведомости» напоминают: «Нулевой цикл» - так называлась статья Е. Гайдара и В. Ярошенко, опубликованная в августе 1988 г. в журнале «Коммунист». Речь шла о характерной особенности позднесоветской экономической политики – крайнему пристрастию к капитальному строительству. Проблема в том, что постоянное финансирование капитальных мегапроектов отвлекает средства от обеспечения завершающих фаз, в результате массивные инвестиции не дают или дают минимальную отдачу, в то время как макроэкономическая ситуация планомерно ухудшается. Сегодня мы видим в определенном смысле ренессанс экономики нулевого цикла[5]. Нечто подобное

можно отметить и в различных социальных проектах. Так, Концепция реформы ФСИН России, рассчитанная до 2020 года, задуманная и утвержденная правительством России в 2009 году, признана экспертами проваленной, противозаконной и изначально невыполнимой. Кроме того, на ее реализацию — например, на переделку почти 500 колоний в тюрьмы — необходимо 1,8 трлн рублей, которых нет в бюджете. Не хотелось бы, чтобы такая судьба постигла данную программу.

Анализ проекта Программы показывает, что необходимо дальнейшее его обсуждение. Для начала отметим только три момента.

1. Вызывает вопросы юридическая чистота документа, который предлагается утвердить указом главы государства. Документ настолько всеобъемлющ, что здесь потребуется вся сила государства. Обращу внимание на этот аспект, сославшись на выдержку из пункта Проекта 8.1 «Включение наркопотребителей в программы комплексной реабилитации и ресоциализации»: По решению суда для наркопотребителей, совершивших административные правонарушения в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, в качестве альтернативы наказанию может быть предоставлена возможность пройти курс комплексной реабилитации и ресоциализации[6].

2. Очевидно, что необходима доработка основных понятий, и в частности ст. 2 Раздела 2, где определяется, что Национальная система комплексной реабилитации и ресоциализации потребителей наркотических средств и психотропных веществ (Национальная система) – совокупность организационных, материальных и прочих ресурсов, а также механизмов, существующих и создаваемых с целью реализации в Российской Федерации настоящей Государственной межведомственной программы. Т.е. Национальная система приносится в жертву настоящей программы.

3. Гвоздем и самой большой проблемой любой реальной программы является раздел, который здесь стоит под номером 7 -Объемы и источники финансирования Государственной межведомственной программы. Необходимо учесть, что Распоряжением Правительства РФ от 4 марта 2013 г. №294-р утверждена государственная программа Российской Федерации «Противодействие незаконному обороту наркотиков». Программа включает следующие подпрограммы: «Комплексные меры противодействия незаконному обороту наркотиков»; «Координация антинаркотической деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». Государственная программа Российской Федерации «Противодействие незаконному обороту наркотиков» реализуется в один этап в 2013–2020 годах. Общий объем финансирования – 212,16 млрд рублей. Объем финансирования в 2013 г. – 23,42 млрд. рублей, в плановом периоде 2014 и 2015 годов – 23,27 млрд. рублей и 23,09 млрд. рублей соответственно[7]. Основное мероприятие «2.6 Участие ФСКН в разработке национальной системы реабилитации и ресоциализации» выделение средств из федерального бюджета не предусматривает. Все кладется на плечи регионов.

По плану из бюджета для проекта нужно выделить 150 млрд. рублей. Сумма рассчитана до 2020 года – по 20 млрд ежегодно[8]. Однако, вероятно, проект придется отложить. В Министерстве финансов на запрос выделить 150 млрд рублей ответили: денег нет. И предложили приходиться через несколько лет.

Повлечет ли данное обстоятельство изменение приоритетов федеральной службы наркоконтроля России?

Литература

1. Федеральный закон от 7 июня 2013 года №120-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам профилактики незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ» – URL: <http://kremlin.ru/acts/18280> (дата обращения: 08.06.2013).
2. Указ Президента РФ от 09.06.2010 N 690 "Об утверждении стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года" – URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1285491> (дата обращения: 30.01.2013).
3. Президент России Владимир Путин поздравил сотрудников наркоконтроля с профессиональным праздником – Днем работника органов наркоконтроля – URL: http://fskn.gov.ru/includes/periodics/events_right/2013/0311/103922829/detail.shtml (дата обращения: 13.03.2013).
4. Тезисы доклада директора ФСКН России на итоговой Коллегии ФСКН России – URL: http://fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_fskn/2013/0312/164322865/detail.shtml (дата обращения: 15.03.2013).
5. Рогов К. Возвращение в нулевой цикл // Ведомости. 2013. 25 февраля. С. 6 – 7.
6. ПРОЕКТ 25-01-2013. Государственная межведомственная программа «Комплексная реабилитация и ресоциализация потребителей наркотических средств и психотропных веществ» – URL: <http://fskn.gov.ru/files/Gspr24-12-2012.pdf>. (дата обращения: 13.03.2013).
7. Государственная программа Российской Федерации «Противодействие незаконному обороту наркотиков» – URL: <http://правительство.рф/docs/23124/> (дата обращения: 06.03.2013).
8. 15 марта 2013 года в ФСКН России под руководством председателя Государственного антинаркотического комитета, директора ФСКН России Виктора Иванова прошло заседание Комитета – URL: <http://fskn.gov.ru/includes/periodics/events/2013/0315/162322914/detail.shtml> (дата обращения: 16.03.2013).

УДК 347.2/3

**ИСТРЕБОВАНИЕ ИМУЩЕСТВА ИЗ ЧУЖОГО НЕЗАКОННОГО ВЛАДЕНИЯ В
СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ISSUE OF VINDICATION TAKING INTO ACCOUNT THE AMENDMENTS
TO THE CIVIL CODE OF RUSSIAN FEDERATION**

Бычкова Е.Ю., РЮИ (филиал) РПА Минюста России, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук.

Bychkova E.Y., Rostov-on-Don, Rostov Legal Institute (the Branch of Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation), the docent of civil law Chair, Candidate of Legal Sciences

e-mail: by4kova@mail.ru

Аннотация: Указанная статья посвящена некоторым теоретическим и практическим проблемам, возникающим при истребовании имущества у добросовестного приобретателя.

Annotation: This article examines some theoretical and practical issues of vindication real estate from bona fide purchaser.

Ключевые слова: виндикация, добросовестный приобретатель, недвижимое имущество, проект Гражданского кодекса РФ.

Keywords: vindication, bona fide purchaser, real estate, Civil Code draft.

Виндикационный иск занимает основное место среди гражданско-правовых способов защиты права собственности и является традиционным способом защиты права собственности, известным еще со времен римского частного права.

Проблема ограничения виндикации в пользу добросовестного приобретателя и поиска баланса между интересом собственника, утратившего имущество, и лицом, добросовестно приобретшим такое имущество у неуправомоченного отчуждателя, является одной из наиболее дискуссионных в научной литературе.

Действующий ГК РФ (ст.302) сохраняет имущество за добросовестным приобретателем при соблюдении ряда условий, касающихся, в первую очередь, выбытия имущества из владения бывшего собственника. В то же время было очевидно, что имеющихся норм недостаточно для урегулирования всех правоотношений, складывающихся между бывшим собственником и добросовестным приобретателем в процессе истребования имущества из чужого незаконного владения.

В рамках реформы гражданского законодательства была утверждена Концепция развития гражданского законодательства (далее - Концепция)[1], в которой было уделено внимание возникшим на практике проблемам, связанным с коллизией правовых норм. На основе Концепции в дальнейшем был разработан проект ГК РФ[2]. Предлагаемые в указанных актах законодательные новации заставляют обратиться к анализу как существующих проблем и пробелов в законодательстве, так и новелл, которые могут быть внесены в ГК РФ и иные нормативные акты.

Одной из них является вопрос об определении правового режима недвижимого имущества, находящегося у добросовестного приобретателя, в виндикации которого отказано, и проблема государственной регистрации прав на такое имущество.

Согласно п.1 ст.302 ГК РФ виндикация имущества собственником ограничивается в тех случаях, когда имущество, приобретенное добросовестным приобретателем, выбыло по возмездной сделке из владения собственника не помимо его воли (не похищено, не утеряно и т.п.). Ст. 302 ГК РФ дает легальное определение добросовестного приобретателя как лица, которое не знало и не должно было знать о том, что имущество приобретается у лица, которое не имеет права его отчуждать.

Таким образом, добросовестное приобретение недвижимого имущества предполагает выяснение правовых оснований владения отчуждаемым имуществом, проверку правового титула продавца, подтверждение его свидетельством о государственной регистрации права собственности или иным документом. Как отмечается в научной литературе, современная система государственной регистрации строится на принципах обязательности внесения записей в Единый реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее - ЕГРП), формальной гласности и открытости сведений, содержащихся в ЕГРП, и их публичной достоверности[3].

В то же время нельзя не отметить, что наличие системы регистрации (по крайней мере, на данном этапе ее развития), к сожалению, не исключает возможности приобретения, в том числе и добросовестного, имущества от неуправомоченного отчуждателя. Это связано с тем, что государственная регистрация до настоящего времени не может считаться единственным подтверждением возникновения права собственности, поскольку в соответствии со ст.6 Федерального закона от 21.07.97 г. № 122-ФЗ "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним"[4] (далее - ФЗ «О регистрации прав на недвижимое имущество») признаются и ранее возникшие права на недвижимость. Таким образом, подтверждением права собственности помимо свидетельства о государственной регистрации может быть свидетельство о праве на наследство, нотариально заверенный договор, а также как это отмечается некоторыми авторами, и судебное решение [5].

Кроме того, согласно ФЗ «О регистрации прав на недвижимое имущество», собственники не обязаны осуществлять регистрацию ранее возникших прав в какие-то определенные сроки. Следствием указанного положения является тот факт, что Единый

государственный реестр прав на недвижимость и сделок с ним (далее - ЕГРП) содержит далеко не полные сведения об объектах недвижимости, лежащих на них ограничениях, обременениях и совершенных сделках. Таким образом, ЕГРП может просто не содержать записи об имеющемся праве другого лица.

Другой стороной проблемы представляется тот факт, что запись в ЕГРП может оказаться недостоверной, внесенной, например, на основании договора или сделки, признанной впоследствии недействительными. Представляется, что именно этим обстоятельством и объясняется тот факт, что законодателем допущена возможность оспаривания в судебном порядке зарегистрированного права (ст.2 ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество»). Однако, как отмечает К.И.Скловский, «наличие таких записей (регистрационных – Е.Б.) само по себе создает устойчивую добрую совесть на стороне приобретателя, даже когда запись не отражает действительных прав, и позволяет ему надеяться на надежность совершаемой сделки»[6]. Аналогичная точка зрения высказывалась и другими учеными[7]. С приведенными высказываниями нельзя не согласиться, поскольку в указанной ситуации добросовестный приобретатель предпринял все необходимые меры, чтобы выяснить управомоченность отчуждателя.

Дискуссионным в настоящее время остается вопрос о праве, возникающем у добросовестного приобретателя в отношении имущества. Как представляется, у добросовестного приобретателя вещи от неуправомоченного отчуждателя возникает право собственности на приобретенное имущество. В указанном случае возникает именно право собственности, а не владение для давности, поскольку в течение установленного для приобретения по давности промежутка времени действует презумпция, что собственник может появиться и заявить свои права на вещь. В описанной ситуации притязания собственника не могут быть удовлетворены в соответствии с п.1 ст. 302 ГК РФ.

Поскольку речь идет о недвижимом имуществе, то право на него должно быть зарегистрировано, поскольку в соответствии со ст. 223 ГК РФ в тех случаях, когда отчуждение имущества подлежит государственной регистрации, право собственности у приобретателя возникает с момента такой регистрации, если иное не установлено законом. Важно отметить, что Федеральным законом от 30 декабря 2004г. «О внесении изменений в статью 223 части первой Гражданского Кодекса Российской Федерации и Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» N 217-ФЗ[8] в пункт 2 статьи 223 ГК РФ были внесены изменения, вступившие в силу с 1 января 2005г. П.2 ст. 223 ГК РФ был дополнен абзацем следующего содержания: «Недвижимое имущество признается принадлежащим добросовестному приобретателю (пункт 1 статьи 302) на праве собственности с момента такой регистрации (государственной – прим. мое – Е.Б.), за исключением предусмотренных статьей 302 настоящего Кодекса случаев, когда собственник вправе истребовать такое имущество от добросовестного приобретателя». До внесения изменений в ГК РФ подобное предложение было

сформулировано в п. 25 Постановления Пленума ВАС РФ от 25.02.1998 г. № 8 «О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»[9].

По нашему мнению, дополнение положений ГК РФ нормой о том, что у добросовестного приобретателя недвижимого имущества право собственности возникает с момента государственной регистрации, отчасти снимает существующие споры. Законодательно установлено, что у добросовестного приобретателя возникает именно это право, а не какое-либо иное, а также установлен момент его возникновения в отношении недвижимого имущества.

Установление момента возникновения права у одного лица и, как следствие, прекращения права у другого лица является очень важным. Согласно ст. 210 ГК РФ собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законом или договором. Поэтому ситуации правовой неопределенности приводят к тому, что собственник обладая «голым» правом, которое он не может реализовать, вынужден нести на себе бремя содержания имущества (в частности, уплачивать налоги и т.п.).

В то же время, на наш взгляд, указанное положение ГК РФ имеет ряд существенных недостатков.

Как отмечает А.Эрделевский, «иное грамматическое и логическое толкование п.2 ст.223 ГК РФ в его новой редакции (первое возможное толкование – п.2 ст. 223 ГК РФ устанавливает новое основание возникновения права собственности – прим. мое – Е.Б.) возможно путем принятия во внимание того обстоятельства, что сама ст.223 не устанавливает основания возникновения права собственности, а лишь определяет момент возникновения такого права у приобретателя имущества по договору. Однако при таком варианте толкования правило ст. 223 «недвижимое имущество признается принадлежащим добросовестному приобретателю (пункт 1 ст.302) на праве собственности с момента такой регистрации, за исключением предусмотренных ст. 302 настоящего Кодекса случаев, когда собственник вправе истребовать такое имущество от добросовестного приобретателя» приводило бы к абсурдному выводу о том, что в случаях, когда имущество не может быть истребовано у добросовестного приобретателя, оно признается принадлежащим ему с момента государственной регистрации права собственности, а в случаях, когда имущество может быть у него истребовано, оно признается принадлежащим ему на праве собственности с какого-то другого момента»[10]. Приведенный А.Эрделевским вариант толкования п.2 ст.223 ГК РФ наглядно иллюстрирует, сколь неудовлетворительна формулировка введенного дополнения, которое порождает ряд новых вопросов, а не дает ответы на уже существующие. Далее, из названия ст.223 ГК РФ следует, что данная статья определяет момент возникновения права на вещь у приобретателя *по договору*. В то же время сделка, заключенная между приобретателем имущества и продавцом является недействительной вследствие неуправомоченности отчуждателя. В соответствии со ст.167 ГК РФ

недействительная сделка не влечет никаких юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что сделка по отчуждению имущества между приобретателем и неуправомоченным отчуждателем не может породить права собственности на имущество. Следовательно, добросовестный приобретатель не может требовать государственной регистрации права собственности на недвижимую вещь на основании договора об ее отчуждении.

Важно отметить, что теоретическая конструкция приобретения права собственности добросовестным приобретателем от неуправомоченного отчуждателя строится на том, что основанием возникновения права собственности в этом случае является сложный фактический состав[11]. В указанный состав входят такие элементы как возмездная двусторонняя сделка по отчуждению имущества, которая имеет только один порок – неуправомоченность отчуждателя, фактическая передача вещи от продавца к покупателю, добросовестность приобретателя, соблюдение определенного порядка выбытия вещи (выбыла по воле собственника, а не похищена или утеряна). Совокупность всех этих юридических фактов и является основанием для возникновения права собственности у добросовестного приобретателя при неуправомоченности отчуждателя.

В связи с изложенными выше обстоятельствами, представляется неверным включение нормы о моменте возникновения права собственности на недвижимое имущество у добросовестного приобретателя в ст.223 ГК РФ. Наличие договора между сторонами предполагает производный способ приобретения права собственности и наличия воли собственника на отчуждение имущества. В то же время нельзя не согласиться с Б.Б.Черепахиным, что «приобретение права собственности от лица, не управомоченного на его предоставление, является первоначальным способом, а не производным, поскольку право приобретателя не зависит от права отчуждателя (он его не имеет) и от права бывшего собственника (он его не отчуждает)»[12].

Далее, ст.223 ГК РФ ничего не говорит о движимых вещах. Соответственно, вопрос о моменте возникновения у добросовестного приобретателя права собственности на движимые вещи остается нерешенным. В ст.223 ГК РФ речь идет только о недвижимом имуществе. В других статьях гл. 14 и 15 ГК РФ такого основания возникновения права собственности как приобретение имущества (любого) от неуправомоченного отчуждателя добросовестным приобретателем прямо не предусмотрено. Систематическое толкование указанных выше норм приводит к выводу о том, что на недвижимое имущество у добросовестного приобретателя возникает право собственности, а на движимые вещи - нет. Подобная ситуация представляется нелогичной, но для иных выводов в действующем законодательстве нет правовых оснований.

Согласно абз. 2 п.2 ст. 223 ГК РФ положению закона право собственности на недвижимое имущество у добросовестного приобретателя возникает с момента государственной регистрации. В то же время остается открытым вопрос о документе,

который в данном случае будет служить основанием для регистрации права государственным регистрирующим органом. Перечень документов, которые могут служить основанием для государственной регистрации права содержится в ст. 17 ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество». Из всего перечня документов, перечисленных в указанной статье возможными основаниями могут выступать договор об отчуждении недвижимости и судебное решение, иные документы касаются других способов возникновения права на недвижимость и служить основанием в рассматриваемой ситуации не могут.

Как уже было отмечено ранее, сделка по отчуждению имущества является ничтожной. Следовательно, добросовестный приобретатель не может требовать государственной регистрации права собственности на вещь на основании ничтожной сделки - договора об отчуждении недвижимого имущества.

Судебное решение, подтверждающее право собственности того или иного лица, (как и любые другие документы, представляемые на государственную регистрацию) должно соответствовать требованиям, указанным в ст. 18 ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество». «Очевидно, что регистрация права на основании судебного решения может быть осуществлена надлежащим образом лишь при условии, что решение содержит прямо названные в указанной статье необходимые сведения, позволяющие учреждению юстиции (а) точно идентифицировать объект недвижимости, права на который установлены решением суда, (б) определить, какое вещное право должно быть зарегистрировано на данный объект недвижимости, и (в) идентифицировать лицо (правообладателя), за которым признано вещное право на объект недвижимости»[13].

Представляется, что решение суда об отказе в виндикационном иске собственнику может являться документом, который констатирует сложный юридический состав, наличие которого и будет основанием возникновения права собственности на имущество. Необходимо отметить, что пунктами 4, 6, 9 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного суда РФ № 126 от 13.11.2008 г. [14] «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения» арбитражным судам предписывается при применении ст. 302 ГК РФ исследовать вопрос о возмездности совершенной сделки; о том, передавалось ли фактическое владение от одного лица к другому; существовали ли обстоятельства, сопутствующие совершению сделки, которые ставили под сомнение управомоченность продавца на распоряжение данным объектом и, как следствие, порочат добросовестность приобретателя.

На первый взгляд, на основании судебного решения об отказе в виндикационном иске возможна регистрация права собственности за добросовестным приобретателем при условии соблюдения вышеуказанных требований об идентификации объекта недвижимости, правообладателя и права, подлежащего регистрации.

В то же время нельзя не отметить некоторые противоречия, которые неизбежно возникнут в данном случае. Арбитражный суд, суд общей юрисдикции рассматривают дело в

пределах требований, заявленных истцом. Если собственником был заявлен виндикационный иск, то насколько правомерно будет в решении суда об отказе в виндикационном иске указать на право, возникающее у добросовестного приобретателя и подлежащее регистрации? Как представляется, в отсутствие статьи в ГК РФ, которая бы прямо указывала на отдельное основание приобретения права собственности добросовестным приобретателем (таким основанием, как представляется, должен являться сложный юридический состав), такое указание действительно может быть расценено как выход суда за исковые требования, поскольку истец требования определить право добросовестного приобретателя не заявлял. С другой стороны, отсутствие указания на право добросовестного приобретателя делает судебное решение не соответствующим ст.18 ФЗ «О регистрации прав на недвижимое имущество» и, соответственно, на основании такого судебного акта регистрирующий орган не сможет осуществить государственную регистрацию возникшего права.

Выход из указанной коллизии видится во внесении соответствующих изменений в гражданское законодательство. В связи с этим особый интерес вызывают предложения, высказанные в п. 3.4.5. Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, подготовленной на основании Указа Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 года № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации»[15] (далее - Концепция) указано на необходимость «сформулировать полноценные правила о *приобретении права собственности добросовестным приобретателем*».

Согласно п. 3.4.5. Концепции данную норму в отношении добросовестного приобретателя недвижимого имущества предлагается сформулировать следующим образом: «Добросовестный приобретатель признается собственником приобретенного им по сделке недвижимого имущества с момента государственной регистрации его права собственности, если не доказано, что собственником является иное лицо».

Положительно можно отметить стремление авторов Концепции ввести новое основание возникновения права собственности – приобретение имущества добросовестным лицом от неуправомоченным отчуждателя, поскольку потребность в определении правового режима вещей, находящихся у добросовестного приобретателя, назрела давно.

В то же время предложенная формулировка окончания данной нормы «если не доказано, что собственником является иное лицо» представляется не вполне удачной по следующим причинам. Прежде всего, не ясно, о какого рода доказательствах того факта, что собственником является другое лицо, идет речь. В соответствии со ст. 2 ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество» именно государственная регистрация является единственным доказательством существования зарегистрированного права. Таким образом, если в ЕГРП зарегистрировано право за добросовестным

приобретателем, то сложно представить сложившуюся на практике ситуацию, когда будет «доказано, что собственником является иное лицо».

Кроме того, не понятен порядок подобного доказывания. Можно только предположить, что авторы Концепции имеют в виду судебный порядок: заинтересованное лицо будет обращаться в суд с иском о признании своего права или об оспаривании права добросовестного приобретателя. Однако если указанное предположение верно, то окончание анализируемой нормы должно было бы выглядеть как «если иное не установлено вступившим в законную силу решением суда».

Нельзя не отметить, что формулировка нормы, содержащаяся в настоящее время в ст. 223 ГК РФ (при всей высказанной автором настоящего сообщения критике в ее адрес) – «за исключением предусмотренных статьей 302 настоящего Кодекса случаев, когда собственник вправе истребовать такое имущество от добросовестного приобретателя» - представляется гораздо более корректной.

По нашему мнению, безусловно, при грядущем реформировании Гражданского кодекса РФ должна быть учтена насущная потребность гражданского оборота в определении правового режима недвижимого имущества, приобретенного добросовестным лицом от неуправомоченного отчуждателя.

Указанная норма должна формулировать основание возникновения права собственности у добросовестного приобретателя на основании сложного фактического состава как самостоятельное. Как представляется, она может быть сформулирована следующим образом: «Добросовестный приобретатель признается собственником приобретенного им по возмездной сделке недвижимого имущества с момента государственной регистрации его права собственности на основании решения суда, которым установлены факт выбытия имущества из владения собственника не помимо его воли, факт добросовестности приобретателя, наличие фактической передачи имущества добросовестному приобретателю».

Литература

1. Одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11. С. 6-100.
2. В статье исследуется проект № 47538-6 Федерального закона "О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012)// <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=94778>
3. Петров Е.Ю. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним в гражданском обороте недвижимости. Автореф. ис...канд.юр.наук. Екатеринбург.2001. с. 10,21 и др.

4. Собрание законодательства РФ.1997. № 30. Ст. 3594.
5. Гришаев С.П. Комментарий к ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». М.: 2003. С. 22
6. Скловский К.И. Замечания на проект закона о возникновении права собственности у добросовестного приобретателя недвижимости// Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2003., № 2. С. 88/
7. Богатырев Ф.О. Публичная достоверность реестра прав на недвижимость и признание добросовестного приобретателя собственником// Законодательство.2004.№ 4. с. 41;
Трепицын И.Н. Приобретение движимостей в собственность от лиц, не имеющих права на их отчуждение. Варшава. 1907. С. 528 и др.
8. Собрание законодательства Российской Федерации 03.01.2005 г. № 1 (часть 1). Ст. 43
9. СПС «КонсультантПлюс»
10. Эрделевский А. Об истребовании имущества у добросовестного приобретателя// Хозяйство и право.2005.№ 4. с. 7-8
11. Лисаченко А.В. Приобретение права собственности. Автореф. дисс....к.ю.н., Екатеринбург, 2002. с. 8
12. Черепяхин Б.Б. Виндикационные иски в советском праве // В кн. Черепяхин Б.Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут. 2001. с. 224
13. Маковская А.А. Судебный акт как основание государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним// Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.2003. № 4 с. 115.
14. СПС «КонсультантПлюс».
15. <http://www.gazeta-yurist.ru>

**ПРОБЛЕМЫ ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ ОБ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОНТРАБАНДУ ВО ВРЕМЕНИ
PROBLEMS ACTIONS OF CRIMINAL LAW ON LIABILITY
FOR SMUGGLING IN TIME**

Вазагов Владимир Викторович, и.о. руководителя следственного управления по Юго-Западному округу г. Москвы, соискатель кафедры уголовного права Российской академии правосудия

*Vazagov Vladimir, Acting head of the investigation department of the South-Western District of Moscow, the applicant of the Criminal Law of the Russian Academy of Justice
e-mail: 11081975@list.ru*

Аннотация: Статья посвящена вопросам действия уголовно-правовых норм об ответственности за контрабанду во времени. Автор подробно исследует проблему обратной силы данных норм.

Annotation: The article deals with the action of criminal law on liability for smuggling in time. The author examines in detail the problem of retroactivity of these rules.

Ключевые слова: уголовное право, контрабанда, обратная сила

Key words: criminal law, smuggling, retroactive

В связи с декриминализацией экономической контрабанды (ст. 188 УК РФ) и конструированием самостоятельных уголовно-правовых норм об ответственности за контрабанду предметов, ограниченных или изъятых их оборота, в теории и правоприменительной практике возник целый ряд проблем, связанных с применением новых статей в свете правил действия уголовного закона во времени.

Согласно ч. 2 ст. 9 УК РФ временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий. Применительно к составу контрабанды данное законодательное положение требует уточнения, связанного с характеристикой объективной стороны преступления.

В теории уголовного права принято считать, что в формальных составах преступления временем совершения преступления считается время исполнения общественно-опасного деяния; в материальных составах - время совершения общественно опасного деяния (действия или бездействия), независимо от времени наступления преступных последствий. В усеченных составах преступления время совершения преступления определяется выполнением той стадии неоконченного преступления, на которую законодатель перенес

момент окончания преступления, т.е. стадией приготовления или покушения. Временем совершения дящихся преступлений считается исполнение общественно опасного деяния (действия или бездействия), с которых начинается последующее длительное невыполнение обязанностей, возложенных на виновного под угрозой уголовного преследования, независимо от того, когда будет прекращено данное преступное состояние. Время совершения продолжаемых преступлений связано со временем выполнения последнего из числа нескольких тождественных деяний, объединенных единым умыслом. Если преступление совершено в соучастии, то для каждого из соучастников действует закон времени исполнения им своей юридической роли[1].

Конструкция состава контрабанды, определяющая время окончания деяния, имеет существенные особенности, связанные со способом перемещения предмета через государственную или таможенную границу; направлением перемещения предметов; правовой характеристикой предметов как ограниченных или запрещенных к перемещению. В частности:

- 1) При ввозе любых предметов составы преступлений, предусмотренных ст. 226.1 и 229.1 УК РФ, являются формальными. В данном случае время совершения контрабанды совпадает с выполнением всех необходимых действий по перемещению предметов через государственную или таможенную границу и непосредственно перемещением через нее, а, следовательно, временем совершения контрабанды является момент ввоза предметов, ограниченных или изъятых из оборота, на территорию РФ, совпадающий с моментом пересечения границы.
- 2) При вывозе предметов, вывоз которых ограничен с территории РФ, совершенном помимо таможенного контроля, контрабанда окончена с момента фактического пересечения таможенной либо государственной границы РФ (состав преступления формальный). В данном случае временем совершения преступления следует признавать момент фактического вывоза предметов с территории РФ.
- 3) При вывозе предметов, вывоз которых ограничен с территории РФ, совершенном с пороком таможенного декларирования или пороком оформления таможенной документации, контрабанда будет считаться окончанным преступлением с момента подачи таможенной декларации или совершения иных действий, непосредственно направленных на реализацию намерения вывезти предмет преступления. Состав преступления остается при этом формальным, а временем совершения контрабанды следует признавать момент подачи таможенной декларации или окончания совершения иных действий, направленных на реализацию намерения вывезти предмет.
- 4) При вывозе предметов, запрещенных к вывозу, окончанным преступление следует признавать с момента начала выполнения деяния, непосредственно направленного на незаконное перемещение соответствующих предметов. Состав преступления в этом случае

следует считать усеченным, а временем совершения преступления – признавать время начала незаконного перемещения.

Время совершения преступления имеет принципиальное значение при решении проблем применения положений УК РФ об обратной силе закона, устанавливающего ответственность за контрабанду предметов, ограниченных или изъятых из оборота.

По общему правилу, установленному в ст. 10 УК РФ, уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость. Уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

Эти положения закона нуждаются в особом комментировании и понимании.

Преступность деяния устраняется, как известно, различными путями: исключением его из числа уголовно наказуемых; внесением изменений в Общую часть Уголовного кодекса России; введением дополнительных условий уголовной ответственности; изменением содержания бланкетного законодательства.

Смягчается наказание внесением изменений как в Общую, так и в Особенную части Уголовного кодекса. Это достигается в результате: снижения минимального и максимального размера наказания; уменьшения размера удержания из заработка при исправительных работах; замены в санкции вида наказания на более мягкий; исключения из так называемой альтернативной санкции наиболее строгого вида наказания либо дополнительного наказания, введения в нее более мягкого вида дополнительного наказания и т.д.

Иным образом улучшить положение лица, совершившего преступление, можно, например, изменением режима исполнения наказания, условий освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей и т.д.[2].

Важные рекомендации относительно понимания сути и пределов обратной силы уголовного закона можно почерпнуть из анализа Постановления Конституционного Суда РФ от 20.04.2006 № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К.

Айжанова, Ю.Н. Александрова и других» [3]. В частности в Постановлении отмечается: наказание лицам, осужденным по ранее действовавшему уголовному закону и не отбывшим наказания, приводятся в соответствие с Уголовным кодексом Российской Федерации в тех случаях, когда назначенное им судом наказание является более строгим, чем установлено верхним пределом санкции соответствующей статьи Уголовного кодекса Российской Федерации; закон, улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу и подлежит применению в конкретном деле независимо от стадии судопроизводства, в которой должен решаться вопрос о применении этого закона, и независимо от того, в чем выражается такое улучшение - в отмене квалифицирующего признака преступления, снижении нижнего и (или) верхнего пределов санкции соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, изменении в благоприятную для осужденного сторону правил его Общей части, касающихся назначения наказания, или в чем-либо ином; положение части второй статьи 10 УК Российской Федерации о сокращении наказания в пределах, предусмотренных новым уголовным законом, в системной связи с частью первой той же статьи означает, что при приведении приговора в соответствие с новым уголовным законом - независимо от того, в какой процессуальной стадии решается данный вопрос, - подлежат применению все установленные Уголовным кодексом Российской Федерации в редакции этого закона правила, как общие, так и специальные, в соответствии с которыми вопрос о наказании разрешается при постановлении приговора, включая правила назначения наказания ниже низшего предела, при наличии смягчающих обстоятельств, а также при рецидиве преступлений и т.д.

Эти, на первый взгляд, вполне понятные положения многократно осложняются в рассматриваемом нами случае, поскольку контрабанда предметов, ограниченных или изъятых из оборота, была, с одной стороны, исключена из УК РФ, но в тоже время, вместо нее в законе появились две новые уголовно-правовые нормы, устанавливающие уголовную ответственность фактически за те же деяния, что были криминализованы в ч.2 ст. 188 УК РФ.

Вследствие этого возникает целый ряд вопросов. Прежде всего, надо решить, можно ли считать изменения, внесенные законодателем в УК РФ, декриминализацией преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 188 УК РФ. Ведь очевидно, что если это так, то осужденные по данной статье должны быть освобождены от уголовной ответственности в виду того, что принят уголовный закон, устраняющий преступность деяния.

Изучение данной проблемы осложняется тем, что законодатель, описывая признаки составов новой контрабанды, не стал повторять в точности диспозицию ст. 188 УК РФ и отказался от указания на способы совершения данного преступления. Эту проблему отмечает О. С. Капинус, которая пишет: «Не столь однозначным является ответ на поставленный вопрос об обратной силе положений указанного Федерального закона об исключении из

Уголовного кодекса РФ ч. 2 ст. 188 и дополнении его самостоятельными статьями - ст. 226.1 и ст. 229.1. На первый взгляд принципиальных изменений здесь не произошло. Вместо контрабанды специальных предметов, предусмотренной ч. 2 ст. 188 УК РФ, в Кодексе появились две самостоятельные указанные статьи. Казалось бы, чисто техническая операция... И тем не менее вопрос о сравнительной "строгости" или "мягкости" "старых" и "новых" рассматриваемых статей УК РФ (ч. 2 ст. 188 и ч. 1 ст. 226.1 и ч. 1 ст. 229.1) является непростым. В особенности в связи со спецификой определения законодателем таких признаков состава преступления, как способ, место и предмет совершения указанных преступлений в качестве признаков их объективной стороны»[4].

На наш взгляд, при разрешении поставленного вопроса следует руководствоваться тем, что законодатель Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», как исключил из уголовного закона ст. 188 УК РФ, так и добавил две новые уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за контрабанду, что свидетельствует лишь о создании им новой редакции уголовно-правовых норм об ответственности за контрабанду предметов, ограниченных или изъятых из оборота, но ни в коем случае не об отказе от уголовной ответственности за рассматриваемые деяния.

Однако в связи с отказом от указания на способы совершения контрабанды в диспозиции новых статей закона возникает иной вопрос: а не происходит ли в данном случае дополнительная криминализация ранее не преступных деяний. По сути, отказ от указания на конкретные способы совершения преступления влечет за собой возможность привлечения к уголовной ответственности при любом способе совершения контрабанды. Подобное законодательное решение традиционно признается одним из способов криминализации[5]. Представляется, что в рассматриваемом нами случае для правильного решения вопроса необходимо обратиться к бланкетному, таможенному законодательству. В Таможенном кодексе Таможенного союза под незаконным перемещением через таможенную границу понимается перемещение товаров через таможенную границу вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с недостоверным декларированием или недекларированием товаров, либо с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам средств идентификации, равно как и покушение на такое перемещение.

На наш взгляд, увязка таможенным законодательством признака незаконности перемещения предметов со способом совершения преступления может свидетельствовать о том, что несмотря на имеющуюся редакцию новых диспозиций законодатель фактически не расширил перечень способов совершения контрабанды, а, следовательно, дополнительной криминализации ранее некриминализованных деяний не произошло.

Однако при этом возникают иные проблемы.

Во-первых, ввиду принятия Таможенного кодекса Таможенного союза была существенно расширена таможенная территория. Следовательно, произошло территориальное расширение действия УК РФ, что свидетельствует и о расширении границ криминализации.

Во-вторых, законодатель при конструировании диспозиции уголовно-правовых норм об ответственности за контрабанду установил в качестве альтернативного признака состава преступления перемещение соответствующих предметов либо через таможенную границу, либо через государственную границу РФ. До вступления Российской Федерации в Таможенный союз государственная и таможенные границы, в основной своей части, совпадали. Принятие Таможенного кодекса Таможенного союза привело к необходимости расширения сферы действия уголовно-правовых норм об ответственности за контрабанду за счет конкретизации места совершения преступления. В итоге появился новый признак состава контрабанды. В действующем законодательстве перемещение предметов через государственную границу РФ не связывается со способом совершения контрабанды. Таким образом, если ранее незаконное перемещение через государственную границу могло быть совершено только определенными способами, то в действующей редакции речь идет о любом способе. Следовательно, применительно к перемещению предметов через государственную границу следует говорить о расширении границ криминализации деяний, связанном с увеличением объема объективной стороны состава контрабанды.

Данный вопрос мог бы не возникнуть, если бы законодатель в диспозиции уголовно-правовых норм об ответственности за контрабанду предусмотрел способы ее совершения, но этого, как известно, не произошло.

Таким образом, применительно к незаконному перемещению предметов через таможенную границу, несмотря на отказ законодателя от указания на способы совершения контрабанды, не следует говорить о расширении криминализации, тогда как в случае незаконного перемещения предметов через государственную границу, произошла дополнительная криминализация общественно опасных деяний.

В этой связи возникает вопрос, можно ли в целом признать новые уголовно-правовые нормы об ответственности за контрабанду расширяющими пределы уголовной ответственности и, как следствие, не имеющими обратной силы. Представляется, что нет. В случае совершения контрабанды, связанной с перемещением предмета через таможенную границу расширения оснований уголовной ответственности не происходит, а, следовательно, необходимо дополнительно рассматривать санкции закона на предмет того, смягчает ли новый уголовный закон наказуемость деяния и не улучшает ли он положение осужденного иным способом.

Санкция статьи об ответственности за контрабанду предметов, ограниченных или изъятых из оборота, предусмотренная ч.2 ст. 188 УК РФ указывала на следующие виды наказаний: лишение свободы на срок от трех до семи лет со штрафом в размере до одного

миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до одного года либо без такового. За квалифицированные виды контрабанды, указанные в ч. 3 ст. 188 УК РФ (лицом с использованием должностного положения, с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный контроль) предусматривались следующие виды наказаний: лишение свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до полутора лет либо без такового. По части 4 ст. 188 УК РФ: лишение свободы на срок от семи до двенадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

В действующем УК РФ контрабанда предметов, ограниченных или изъятых из оборота размещена в двух самостоятельных составах преступлений, имеющих специфику в части наказания за их совершение. В этой связи вопрос об обратной силе следует рассматривать дифференцированно.

В ч. 1 ст. 226.1 УК РФ и в ч. 1 ст. 229.1 УК РФ в качестве наказания предусмотрено лишение свободы на срок от трех до семи лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет или без такового и с ограничением свободы на срок до одного года или без такового. Санкция рассматриваемой статьи повторяет санкцию ч. 2 ст. 188 УК РФ. Следовательно, ч. 1 ст. 226.1 и ч. 1 ст. 229.1 УК РФ не имеют обратной силы по отношению к ч. 2 ст. 188 УК РФ. В ч. 2 ст. 226.1 УК РФ в санкции статьи указано: лишение свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет или без такового и с ограничением свободы на срок до полутора лет или без такового. Санкция данной статьи также полностью повторяет санкцию квалифицированных составов контрабанды с аналогичными признаками, что влечет за собой отсутствие возможности применения положений об обратной силе по отношению к ч. 3 ст. 188 УК РФ.

В ч. 2 ст. 229.1 УК РФ, хотя и предусмотрено такое же наказание, что и в ч. 3 ст. 188 УК РФ, тем не менее в ней указан лишь один ранее известный квалифицирующий признак – совершение преступления должностным лицом с использованием служебного положения. Два других признака (совершение преступления группой лиц по предварительному сговору и совершение преступления в отношении наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в значительном размере) не были указаны в ст. 188 УК РФ, что свидетельствует о расширении оснований

уголовной ответственности. Таким образом, в рассматриваемом случае ст. 229.1 УК РФ также не имеет обратной силы.

Санкция ч. 3 ст. 226.1 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок от семи до двенадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового. Таким образом, в данном случае наказание по ч.3 ст. 226.1 УК РФ не является более мягким по отношению к ч. 4 ст. 188 УК РФ, следовательно, обратной силы рассматриваемая уголовно-правовая норма не имеет.

В ч. 3 ст. 229.1 УК РФ также указан квалифицирующий признак, не предусмотренный ранее в ст. 188 УК РФ, связанный с контрабандой наркотических средств, психотропных веществ в крупном размере. Данное обстоятельство свидетельствует о расширении оснований уголовной ответственности.

В ч. 4 ст. 229.1 УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового или пожизненное лишение свободы

Таким образом, наказание за контрабанду наркотических средств и психотропных веществ, совершенную организованной группой или с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль строже, чем за аналогичные деяния, ранее предусмотренные ч. 2 ст. 188 УК РФ, что свидетельствует об отсутствии у нового законоположения обратной силы.

Еще один квалифицирующий признак, предусмотренный ч. 4 ст. 229.1 УК, связанный с совершением контрабанды указанных предметов в особо крупном размере, также не был ранее указан в ст. 188 УК РФ. Следовательно, в данном случае расширяются границы оснований уголовной ответственности, а новая норма не имеет обратной силы.

Таким образом, сравнение санкций ст. 226.1 и 229.1 УК РФ с санкцией ст. 188 УК РФ показало, что за аналогичные деяния в новых статьях, устанавливающих ответственность за контрабанду, наказание за данные деяния либо более строгое, либо осталось неизменным. Следовательно, ст. 226.1 и 229.1 УК РФ не имеют обратной силы по отношению к ч. 2 ст. 188 РФ.

Литература

1. Уголовное право. Часть Общая / Под ред. И. Я. Козаченко. М., 2008. С. 80-81.
2. Уголовное право. Часть Общая / Под ред. А. И. Рагога. М., 2009. С. 35.

3. Постановления Конституционного Суда РФ от 20.04.2006 N 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других» // СЗ РФ. 2006. № 18. Ст. 2058
4. Капинус О. С. Проблема обратной силы уголовного закона в связи с отменой ст. 188 УК РФ // Уголовное право. 2012. № 5. С. 63-65.
5. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология. Томск, 2005.

УДК 343

ПРАВОВАЯ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ КОРРУПЦИИ
LAW AND CRIMINOLOGICAL ESSENCE OF CORRUPTION

Гончаренко Г.С., РЮИ РПА Минюста России, доцент кафедры теории и истории государства и права, кандидат юридических наук, доцент

Goncharenko G.S., the associate professor of the Theory and History of State and Law Department of Rostov Law Institute (the branch) of the Russian Law Academy of the RF Ministry of Justice, the candidate of jurydicial science, associate professor.

e-mail: skgi_institut@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены различные определения понятия коррупции. Кроме того, автор предлагает свой собственный подход к определению коррупции как социально-незаконного явления.

Annotation: The different approaches to the definition of the notion of corruption are considered in this article. The author also proposes his own approach to the definition of corruption as a social-illegal phenomenon. Its main characteristics, which are the basis for the definition of corruption criminality, are defined in this article.

Key words: corruption, abuse of oficial position, corruption actions, a social-negative phenomenon, counteractions to corruption, corruption relations, corruption crime.

Ключевые слова: коррупция, злоупотребление официальным положением, коррупционных действий, социально-негативных явлений, противодействия коррупции, коррупция отношений, коррупционное преступление.

Слово «коррупция», особенно в последнее время, широко используется российскими средствами массовой информации, и даже Толковый словарь относит его к «книжной» лексике, определяя «коррупцию» как «подкуп взятками, продажность должностных лиц, политических деятелей»[1]. В научной, учебной и общественно-публицистической литературе России сегодня существуют различные определения коррупции. В большинстве своем они в той или иной степени дополняют статью 1 Федерального закона РФ «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года №273 ФЗ[2], где используется следующее определение коррупции: это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных

прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами[3].

Международные публичные нормативные документы коррупцию обозначают по-разному. В материалах ООН о международной борьбе с коррупцией определение «коррупция» – это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях. Из него видно, что коррупция выходит за пределы взяточничества. Это понятие включает в себя и взяточничество (дачу вознаграждения для совращения лица с позиций долга), непотизм (покровительство на основе личных связей) и незаконное присвоение публичных средств для частного использования. Аналогичная идея заложена в Руководстве[4], подготовленном секретариатом ООН на основе опыта разных стран, которое включает в себя: кражу, хищение и присвоение государственной собственности должностными лицами; злоупотребления служебным положением для получения неоправданных личных выгод (льгот, преимуществ) в результате неофициального использования официального статуса; конфликт интересов между общественным долгом и личной корыстью.

В проекте Федерального закона РФ «О борьбе с коррупцией» 1995 года коррупция понимается как не предусмотренное законом принятие имущественных и неимущественных благ и преимуществ лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, или лицами, приравненными к ним, с использованием своего статуса и связанных с ним возможностей (продажность), а также подкуп указанных лиц путем противоправного предоставления им физическими и юридическими лицами этих благ и преимуществ[5]. В проекте Федерального закона 1997 года «О противодействии коррупции», коррупция определяется как правонарушение, совершенное путем активного или пассивного подкупа, равно вступление в коррупционные отношения указанных в статье 2 предлагаемого Федерального закона субъектов коррупционных правонарушений (проступков) и иных лиц (физических и юридических) с целью достижения каждой из сторон своих личных, групповых, корпоративных корыстных целей[6].

Следует также привести характеристику понятия коррупции, данную А.И.Долговой, которая наиболее полно отражает сущность этого явления. В своей монографии она указывает: «Термин «коррупция» происходит от латинского *corruptio*. В словаре иностранных слов приводятся термины «коррумпировать, коррумпировать (лат. *corrumpere*) – подкупать кого-либо деньгами или иными материальными благами»[7]. Более позднее толкование данного слова в русском языке носило многозначный характер: переводилось и как подкуп, и как порча»[8], и как разложение, и даже как злоупотребление служебным положением в корыстных целях»[9]. Однако чрезмерно широкое толкование коррупции практически означало объединение под одним термином очень разных по своей криминологической характеристике явлений: и хищений, и должностных преступлений, и коррупции в собственном смысле слова, как подкупа, продажности. Их криминологические,

криминалистические характеристики различаются, соответственно, не являются идентичными и меры реагирования на них[10].

Чаще всего в узком толковании под коррупцией понимается злоупотребление общественным доверием для личной выгоды. Наиболее характерные из них: сознательное подчинение общих интересов государственного деятеля личным интересам; секретность исполнения решений; присутствие взаимных обязательств между теми, кто принимает государственные решения, и теми, кому это выгодно; взаимодействие между теми, кому нужно принятие определенного решения, и теми, кто может на принятие такого решения повлиять; попытка скрыть акт коррупции каким-нибудь юридическим обоснованием; выполнение двойственных функций – государственных и частных теми, кто совершает эти акты. Уровень коррупции определяется, с одной стороны, масштабами вмешательства государства в экономику, с другой, зрелостью гражданского общества, глубиной и тщательностью проработки механизмов его контроля за функционированием государства.

Коррупция – это социально-противоправное явление. Как социальное явление, коррупция разлагающе влияет на процессы социального управления, способствует подрыву авторитета власти, дестабилизирует и нарушает основные принципы экономического развития. Как явление противоправное, коррупция рассматривается в двух аспектах. Во-первых, как противоправное использование субъектами власти и управления своего служебного положения вопреки интересам службы в корыстных целях для прямого собственного обогащения (воровство). Во-вторых, как противоправное предоставление субъектам власти и управления материальных или иных преимуществ иными физическими и юридическими лицами за действия (бездействия), совершаемые в их пользу с использованием своего служебного положения (подкуп).

Следовательно, коррупции как социально-противоправному явлению в современный период присущи следующие характерные черты: системный характер, заключающийся в возникновении коррупционных иерархий, стабильности и множественности коррупциогенных источников, совершенствовании механизма реализации коррупции; распространенность и обыденность коррупции, связанная с тем, что коррупция оказывается столь обычной и ожидаемой, что отказ от нее воспринимается как нарушение общепринятого порядка взаимоотношений; всепроникающее свойство коррупции, выражающееся в «способности ее заполнять» имеющиеся коррупциогенные «дыры» в законодательстве, нормотворчестве, коррупциогенные ниши в организационно-управленческой деятельности, вклиниваться во взаимоотношения административных структур с населением.

На сегодня понятие коррупции является больше социально-криминологическим, поскольку она предусматривает не только уголовно-правовые деяния, но и нарушения дисциплинарных норм, норм административного и гражданского законодательства, а также такие деяния, которые создают условия для коррупции. Коррупция может рассматриваться в качестве определенного сектора, так называемого криминального рынка – оборота того, что

запрещено к обороту вообще либо к открытому обороту в нарушение установление специальных правил. Криминальный рынок – это не только незаконный оборот наркотиков, оружия, людей, человеческих органов. Это еще незаконный оборот должностей, голосов избирателей, полномочий и возможностей, связанных определенными социальными позициями людей, а также значимых решений (об определении победителя соревнований и т.п.)[11].

Говоря о понятии коррупции, мы невольно связываем ее с организованной преступностью, которые в совокупности являются наибольшим социальным злом в обществе, эти явления дестабилизируют общественное устройство. Корыстные моменты в осуществлении, как организованной преступности, так и коррупции являются схожими по мотивам совершения этих деяний. Организованная преступность формирует коррупционные связи в целях обеспечения собственной безопасности от воздействия со стороны государственных и муниципальных органов. Однако имеются внутренние расхождения в целях и задачах, которые ставят перед собой подкупаемый коррупционер (со стороны государственных органов) и подкупающий корруптер (со стороны организованной преступности). У одного мотивом совершения преступления является прямое личное обогащение, у второго же обеспечение своей преступной деятельности, которая приносит личное обогащение. В связи с этим затраты на подкуп чиновников уменьшают общий преступный результат, за счет так называемого «общака», который создается преступной группировкой, в том числе и для подкупа должностных лиц.

Таким образом, определение коррупции, данное в статье 1 Федерального закона «О противодействии коррупции», содержание которой приводилось выше, нуждается в более расширительном толковании с оценкой ее сущности: коррупция – это негативное социальное явление, принимающее в современных условиях масштабы, угрожающие национальной безопасности государств, связанное с противоправным использованием лицами, занимающими определенное служебное положение в государственных, негосударственных и коммерческих структурах, своих полномочий в корыстных целях, а также противоправное предоставление им материальных или иных преимуществ (подкупа) физическими и юридическими лицами за действия (бездействия), совершаемые в их пользу с использованием служебного положения.

Важность такого определения, как и принятие соответствующего антикоррупционного пакета, заключается в том, чтобы: «...не подменять вопрос о борьбе с коррупцией, как и с преступностью вообще, вопросом только об уголовно-правовом воздействии на них. Борьба с данными явлениями включает общую ее организацию (информационную, аналитическую и другую деятельность), предупреждение и правоохранительную деятельность в ее карающем и праввосстановительном аспектах»[12].

Исходя из представленного определения коррупции как социального явления можно выделить характеризующие ее основные признаки:

1) использование служебного положения в личных целях;

- 2) корыстный характер деяния;
- 3) участие в преступлении иных заинтересованных физических или юридических лиц;
- 4) наличие в действиях сторон подкупа;
- 5) получение или передача предмета подкупа.

Перечисленные признаки, а также сформулированное автором понятие коррупции является основой для определения коррупционной преступности, которая включает в себя совокупность преступлений с признаками коррупции и, которые легли в основу предлагаемой в статье криминологической и уголовно-правовой классификации различных видов коррупционных преступлений.

Исходя из определенной сущности коррупции и коррупционной преступности, заключающихся в передаче и получении подкупа (взятки, коммерческого подкупа), и наличия этого признака в составе деяния, а также уголовно-правовую классификацию, основанную на объективной стороне коррупционных преступлений, которые можно разделить на следующие группы коррупционных преступлений:

Первая группа преступлений – это собственно коррупционные, когда в уголовно-правовой норме присутствуют все пять признаков, и они отражаются в составе этих преступлений (ст.ст.184, 204, 290, 291, 291.1 УК РФ).

Вторая группа преступлений – это частично коррупционные, когда хотя бы в одной из частей статьи УК РФ присутствуют все признаки коррупционного преступления, что отражается либо в диспозиции, либо в квалифицирующих признаках преступлений (часть 2 ст. 141, части 1, 3 ст. 183 УК РФ) и др.

Третья группа преступлений – это сопутствующие коррупционным, когда в составе преступлений присутствуют отдельные (из первых трех указанных признаков) признаки коррупционного преступления (как правило, это использование своего служебного положения в личных корыстных целях). Коррупционными в собственном смысле их назвать нельзя, поскольку в их составе отсутствует основа коррупции – подкуп (взятка). В этом случае лицо использует свое служебное положение для получения прибыли, преимуществ только в личных целях. И хотя «продажность» лица, занимающего служебное положение, здесь отсутствует, факт «расхитительства, воровства» здесь налично, а отсюда и повышенная общественная опасность разложения чиновников, подрыва авторитета власти. Эти преступления автор назвал сопутствующими коррупционным потому, что лица, использующие служебное положение в личных интересах, практически готовы использовать его (служебное положение) и в интересах третьих лиц, но, опять же, для личного обогащения, но в этом случае не «напрямую», поскольку не все возможности служебного положения можно использовать в личных интересах. Кроме того, во многих случаях сам подкуп в этих деяниях остается латентным (не выявленным), а собственное обогащение связывается с использованием служебного положения только в личных целях (п. «б» ч. 3 ст. 174, п. «б» ч. 2 ст. 174-1, ст.ст. 285, 289 УК РФ) и др.

Перечисленные признаки, а также сформулированное понятие и сущность коррупции являются основой для определения коррупционной преступности, которая включает в себя совокупность преступлений с признаками коррупции, для анализа которой требуется дополнительное исследование.

Таким образом, продолжающийся в стране процесс криминализации экономических отношений требует своевременной корректировки и не только гуманизации законодательной базы, внесения изменений в стратегию и тактику деятельности контролирующих и правоохранительных органов, в федеральные программы борьбы с преступностью. Нельзя держаться за старые правовые формы и отдельные акты «милосердия» в виде не до конца выверенных амнистий, нужны комплексные специальные законы, которые затем будут развиваться, и дополняться, образуя, может быть, новые, нетрадиционные отрасли законодательства. А для повышения эффективности применения уголовного законодательства и понимания уголовного права необходимо на этапе правотворчества и при формулировании дефиниций в науке уголовного права в достаточной степени учитывать обыденное сознание, а скорее «дилетантские ассоциации». [13]

Литература

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.1999. С.552-553.
2. СЗ РФ. 2008. №52 (Ч.1). Ст. 6228.
3. <http://www.rg.ru/2008/12/30/korrupcia-fz-dok.html>.
4. Практические меры борьбы с коррупцией. Руководство, подготовленное Секретариатом ООН. А/CONF. 144/8. 29 May 1990. P.4
5. Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 13 июня 2001 г. № 1623-III ГД «О проекте федерального закона № 99097368-2«О борьбе с коррупцией». Проект был отклонен
6. Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 20 ноября 2002 г. № 3326-III ГД «О проекте федерального закона № 148067-3 2. <http://www.rg.ru/2008/12/30/korrupcia-fz-dok.html>. «О противодействии коррупции». Проект был принят в первом чтении.
7. Долгова А.И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. //Российская криминологическая ассоциация. 2011. С.430.
8. Волженкин Б.В. Коррупция. СПб. 1998. С.5. Криминология /под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. СПб. 1999. С.404.
9. Государственный служащий должен принимать решения исходя из целей, установленных правом (Конституцией, законами и другими нормативными актами) и общественно одобряемых культурными и моральными нормами. Коррупция начинается тогда, когда эти цели подменяются корыстными интересами должностного лица,

воплощенными в конкретных действиях. Этому условия достаточно, чтобы характеризовать такое явление, как злоупотребление служебным положением. Между этим явлением и коррупцией грань весьма размытая. Россия и коррупция: кто кого? Аналитический доклад рабочей группы регионального общественного фонда «Информатика для демократии» под руководством Г.А. Сатарова. М.1998. С.1.

10. Долгова А.И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. //Российская криминологическая ассоциация. 2011. С.431.

11. Долгова А.И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М., 2011. С.433.

12. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. Российская криминологическая ассоциация. М. 2003. С. 446.

13. Саруханян А.Р. К вопросу об учете обыденного сознания в уголовном праве //Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. Ставрополь. 2013. - №2(6). - С. 173.

**К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ СТАТУСЕ ПОТЕРПЕВШЕГО В
РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
TO THE QUESTION ABOUT THE PROCEDURAL STATUS OF THE VICTIM
IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS: THEORY AND PRACTICE**

Гринеv В.А., Ростовский юридический институт (филиал) Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук

Grinev V.A., Rostov legal institute (branch) of the Russian legal academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, associate professor of criminal trial and criminalistics, the candidate of jurisprudence

E-mail: grinev77@mail.ru

Аннотация: В данной статье приведена подробная классификация прав потерпевшего в российском уголовном судопроизводстве, с учетом анализа новейшей судебной практики.

Abstract: This article provides a detailed breakdown of the rights of the victim in Russian criminal proceedings, taking into account the analysis of the latest court practice.

Ключевые слова: участник уголовного процесса, процессуальный статус, потерпевшее лицо, уголовное преследование, права потерпевшего.

Key words: participant of the criminal proceedings, the procedural status of the injured person, the criminal prosecution, the victim's right.

Обозначенная проблема данного исследования является в настоящее время очень важной и актуальной, так как в отличие от большинства других субъектов уголовно-процессуальных отношений в юридической литературе потерпевшему уделялось и уделяется недостаточно внимания. Сравнительно немногочисленные публикации основываются на предписаниях ранее действовавшего УПК РСФСР и не учитывают внесенных УПК РФ новаций, относящихся к судебным и досудебным стадиям уголовного процесса. В подтверждение вышесказанного можно привести пример новейшей судебной практики, в частности Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 года №19, в пункте № 10 которого говорится, что: «...При защите от общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия....., обороняющееся лицо вправе причинить любой по характеру и объему вред посягающему лицу...» [1].

Необходимо подчеркнуть, что Верховный Суд РФ в словосочетание «обороняющее лицо», в первую очередь вкладывает понятие потерпевшего лица.

Естественно все вышеперечисленные изменения (дополнения) в уголовной политике и новейшей судебной практике побудило автора подготовить предлагаемую статью, в которой на базе действующего уголовно-процессуального законодательства рассматривается процессуальное положение потерпевшего в российском уголовном судопроизводстве.

Итак, в соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ, потерпевшим - является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда.

Признание потерпевшим физического лица не зависит от его возраста, физического или психического состояния, а также от его дееспособности. Если лицо, признанное потерпевшим, не обладает в полной мере дееспособностью, то в деле должен участвовать законный представитель или представитель потерпевшего, который и осуществляет защиту его интересов при производстве по уголовному делу (ч. 2 ст. 45 УПК РФ).

По уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего переходят к одному из его близких родственников (ч. 8 ст. 42 УПК РФ). Круг близких родственников определен п. 4 ст. 5 УПК РФ. К ним закон относит: супруга, супругу, родителей, детей, усыновителей, усыновленных, родных братьев и сестер, дедушку, бабушку, внуков. Близкий родственник должен признаваться именно потерпевшим, а не представителем потерпевшего. Это положение Закона распространяется и на случаи, когда потерпевший умер по другой причине.

УПК РФ предусматривает возможность признать потерпевшим юридическое лицо. Юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде, имеет самостоятельный баланс или смету (ст. 48 ГК РФ).

Основанием для признания юридического лица потерпевшим является факт причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. При этом права и обязанности юридического лица, признанного потерпевшим, осуществляет представитель, полномочия которого должны быть подтверждены доверенностью, либо ордером, если интересы юридического лица представляет адвокат. Когда в судебном заседании участвует руководитель предприятия, учреждения (организации), его полномочия должны быть удостоверены доверенностью или другим документом [2].

Уголовно-процессуальный закон предусматривает так же необходимые условия для защиты потерпевшими своих интересов в уголовном деле. Потерпевший вправе лично или

через своего представителя участвовать в уголовном преследовании обвиняемого наряду и одновременно с должностными лицами, уполномоченными осуществлять уголовное преследование от имени государства (ст. 22 УПК РФ).

Потерпевший вправе требовать возмещения ему имущественного вреда, а также компенсации морального вреда, причиненного преступлением, путем предъявления гражданского иска (ч. 3 и 4 ст. 42 УПК РФ). Потерпевший, предъявивший гражданский иск, признается одновременно гражданским истцом и пользуется его правами (ст. 44 УПК РФ).

Конечно отдельные высказывания известных процессуалистов Джелали Т.И., Короленко И.И. [3,4] , Уваровой И.А. и Перетяцько Н.М. [5] о государственных гарантиях реализации основных прав потерпевшего дают представления о наличии реальных правоприменительных проблемах. Однако проведенное исследование комплекса прав потерпевшего дает возможность для проведения их классификации по следующим основаниям (критериям):

- 1) по степени значимости (важности) и форме правового закрепления;
- 2) по субъектам реализации;
- 3) по целям.

По степени значимости (важности) и форме правового закрепления права потерпевшего можно подразделить на международно-правовые, конституционные и отраслевые (уголовно-процессуальные).

Наиболее существенные права потерпевшего закреплены в ряде *международно-правовых актов*, принятых и ратифицированных Российской Федерацией.

В то же время права, закрепленные в международных документах, находят свое отражение в отечественной правовой системе, в том числе и в уголовно-процессуальном законодательстве. Это связано, прежде всего, с процессом поиска путей строительства правового государства, а также с использованием в российском законодательстве наиболее важных правовых институтов и механизмов, сложившихся в международном сообществе, направленных на обеспечение прав и свобод человека.

К числу *конституционных* прав потерпевшего относятся следующие:

- 1) право на жизнь (ч. 1 ст. 20 Конституции РФ);
- 2) право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ);
- 3) право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ);
- 4) право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение э го права допускается только на основании судебного решения (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ);
- 5) право на получение от государственных органов информации, непосредственно затрагивающей права и свободы гражданина, если иное не предусмотрено законом (ч. 2 ст. 24 Конституции РФ);
- 6) право обжалования в суд решения и действия (или бездействие) должностных лиц (ч. 2 ст. 46

Конституции РФ);

7) право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ч. 2 ст. 26 Конституции РФ);

8) право обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты в соответствии с международными договорами (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ);

9) право на получение квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст. 48 Конституции РФ);

10) право на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции РФ);

11) право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53 Конституции РФ);

12) право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ);

13) право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников (ч. 1 ст. 51 Конституции РФ).

К *отраслевым* можно отнести такие права потерпевшего, как право:

1) знать о предъявленном обвиняемому обвинении (п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ);

2) давать показания (п. 2 ч. 2 ст. 42 УПК РФ);

3) отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ. При согласии потерпевшего дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от этих показаний (п. 3 ч. 2 ст. 42 УПК РФ);

4) представлять доказательства (п. 4 ч. 2 ст. 42 УПК РФ);

5) заявлять ходатайства и отводы (п. 5 ч. 2 ст. 42 УПК РФ);

6) давать показания на родном языке или языке, которым он владеет (п. 6 ч. 2 ст. 42 УПК РФ);

7) пользоваться помощью переводчика бесплатно (п. 7 ч. 2 ст. 42 УПК РФ);

8) иметь представителя (п. 8 ч. 2 ст. 42 УПК РФ);

9) участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо ходатайству его представителя (п. 9 ч. 2 ст. 42 УПК РФ);

10) знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания (п. 10 ч. 2 ст. 42 УПК РФ);

11) знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта в случаях, предусмотренных частью второй ст. 198 УПК РФ (п. 11 ч. 2 ст. 42 УПК РФ);

12) знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела, выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме, снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств. В случае, если в уголовном деле участвует несколько потерпевших, каждый из них вправе знакомиться с теми материалами уголовного дела, которые касаются вреда, причиненного данному

потерпевшему (п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ);

13) получать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, признании его потерпевшим или об отказе в этом, о прекращении уголовного дела, приостановлении производства по уголовному делу, а также копии приговора суда первой инстанции, решений судов апелляционной и кассационной инстанций (п. 13 ч. 2 ст. 42 УПК РФ);

14) участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй и надзорной инстанций (п. 14 ч. 2 ст. 42 УПК РФ);

15) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда (п. 18 ч. 2 ст. 42 УПК РФ);

16) ходатайствовать о применении мер безопасности в соответствии с частью третьей ст. 11 УПК РФ (п. 21 ч. 2 ст. 42 УПК РФ) [2];

17) знакомиться с заключением эксперта, с постановлением о назначении судебной экспертизы, заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении (ч. 2 ст. 198 УПК РФ);

(нижеследующие права относятся к судебным стадиям)

18) участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй и надзорной инстанций;

19) выступать в судебных прениях;

20) поддерживать обвинение;

21) знакомиться с протоколами судебного заседания и подавать на него замечания;

22) обжаловать приговор, определение, постановление суда;

23) осуществлять иные полномочия, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством.

Классификация прав потерпевшего по субъектам реализации:

1. Права, которые могут быть осуществлены исключительно самим потерпевшим: право давать показания, отказаться свидетельствовать против себя самого, своего супруга (своей супруги) и других родственников, давать показания на родном языке или языке, которым он владеет, и т.д. Данные права потерпевшего неотделимы от его процессуального статуса.

2. Права, которые могут быть реализованы как самим потерпевшим, так и его законным представителем.

Права потерпевшего могут быть реализованы как им самим — путем дачи показаний, предоставления доказательств, обращения с заявлениями и ходатайствами, обжалования действий и решений органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, и суда, — так и с помощью законного представителя. Данное решение зависит только от личного волеизъявления потерпевшего.

Классификация прав потерпевшего по целям:

1. Права, обеспечивающие участие потерпевшего в доказывании, а также право влиять на всестороннее, полное исследование обстоятельств дела.

К ним относятся: право представлять доказательства (п. ч. 2 ст. 42 УПК РФ), право заявлять

ходатайства и отводы (п. ч. 2 ст. 42 УПК РФ), право участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо по ходатайству следователя (п. ч. 2 ст. 42 УПК РФ) и т.д.

2. Права, направленные на обеспечение безопасности потерпевшего и компенсацию вреда.

Данные права могут быть реализованы путем: заявления ходатайства о применении мер безопасности в соответствии с ч.3 ст.11 УПК РФ (п. 21 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), путем заявления гражданского иска (ст. 44 УПК РФ) и пр.

3. Права, направленные на обеспечение функции обвинения и отстаивания своих интересов.

К ним относятся: право знать о предъявленном обвиняемому обвинении (п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), право знать о принесенных по уголовному делу жалобах и представлениях и подавать на них возражения (п. 20 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), право знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами дела, любыми сведениями и в любом объеме, снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств (п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), право поддерживать обвинение (п. 16 ч. 2 ст. 42 УПК РФ) и т.д.

Законодатель в ч. 3 ст. 11 УПК РФ предусмотрел меры безопасности для потерпевшего, свидетеля и иных участников уголовного судопроизводства, а также их близких родственников, родственников и близких лиц и основания их применения. Отсюда вытекает, что меры безопасности, предусмотренные ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186 и ч. 8 ст. 193 УПК РФ, при наличии предусмотренных в законе оснований вправе применить к потерпевшим в пределах своей компетенции суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель.

В соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК РФ участие потерпевшего, его представителя и свидетеля на предварительном следствии под псевдонимом заключается в не указании в протоколе следственного действия, участниками которого они являются, данных об их личности. При принятии решения об использовании псевдонима следователь с согласия руководителя следственного органа выносит постановление, в котором излагаются причины принятия решения о сохранении в тайне этих данных, указывается псевдоним участника следственного действия и приводится образец его подписи, которые он будет использовать в протоколах следственных действий, произведенных с его участием.

Постановление, в котором указаны подлинные данные лица, участвующего в процессе под псевдонимом, помещается в конверт, который после этого опечатывается и приобщается к уголовному делу.

Следует учитывать, что использование псевдонима потерпевшим ограничено обстоятельствами, при которых сведения о потерпевшем были известны преступнику до совершения преступления (например, совершение преступления в кругу знакомых, должностного преступления).

При реализации права ходатайствовать об участии на предварительном следствии под

псевдонимом (п. 21 ч. 2 ст. 42 УПК РФ) потерпевшему должно быть разъяснено, что его подлинные данные могут быть раскрыты сторонам по решению суда в стадии судебного разбирательства на основании ч.6 ст. 178 УПК РФ.

Значительным шагом в решении проблем обеспечения мер безопасности, принимаемых в отношении потерпевшего, стало принятие Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [6], который вступил в силу с 1 января 2005 года. Указанный Федеральный закон устанавливает систему мер государственной защиты потерпевших, его законные представители и представители, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, включающую меры безопасности и меры социальной поддержки указанных лиц, а также определяет основания и порядок их применения.

Следует отметить положение названного ФЗ о том, что меры государственной защиты могут быть также применены до возбуждения уголовного дела, в том числе в отношении заявителя или жертвы преступления (ч. 2 ст. 2).

Решение о государственной защите принимают суд (судья), прокурор, начальник органа дознания или следователь, в производстве которого находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело, если иное не предусмотрено УПК РФ (ч. 2 ст. 3).

Законодатель специально оговаривает, что меры безопасности в отношении защищаемых лиц по уголовным делам, находящимся в производстве суда или прокуратуры, осуществляются по решению суда (судьи) или прокурора органами внутренних дел Российской Федерации, органами Федеральной службы безопасности, таможенными органами Российской Федерации или органами по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, расположенными по месту нахождения защищаемого лица (ч. 4 ст. 3).

В отношении защищаемого лица могут применяться одновременно несколько либо одна из следующих мер безопасности:

- 1) личная охрана, охрана жилища и имущества;
- 2) выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности;
- 3) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице;
- 4) переселение на другое место жительства;
- 5) замена документов;
- 6) изменение внешности;
- 7) изменение места работы (службы) или учета;
- 8) временное помещение в безопасное место;
- 9) применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое (ч. 1 ст. 6).

Меры безопасности, указанные в п. 4-7, осуществляются по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях.

В части 1 ст. 16 Федерального закона предусмотрены основания применения мер безопасности. Ими являются данные о наличии реальной угрозы убийства защищаемого лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве, установленные органом, принимающим решение об осуществлении государственной защиты.

В заключение необходимо отметить, что применение всех вышеперечисленных рекомендаций и выводов в значительной степени повышает процессуальный статус потерпевшего в Российском уголовном судопроизводстве, что являлось первоочередной задачей данной научной статьи.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. 2012. 03 октября. № 227;
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 (в ред. от 09.02.2012) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 2010. 07 июля. № 147;
3. Уголовный процесс Российской Федерации: 100 экзаменационных ответов / Т.И. Джелали, И.И. Короленко.- Учебное издание.- Ростов-на-Дону: МарТ, 2003. С. 167-171;
4. Короленко И.И., Сараев Н.В. Криминализация несовершеннолетних: состояние и проблемы профилактики. – Ростов-на-Дону: РЮИ РПА Минюста России, 2011. С. 55-56;
5. Правовые и криминалистические основы предварительного расследования: учебное пособие / И.А. Уварова, Н.М. Перетяцько. Под общей ред. П.П. Сергуна; ГОУ ВПО «РПА Минюста России». – М.; Саратов, 2011. С. 67;
6. Федеральный закон РФ от 20 августа 2004 г. № 199-ФЗ (ред. от 30.11.2011) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Российская газета. 2004. 25 августа. № 182.

УДК 343

**СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ТРИБУНАЛОВ НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ВОСТОЧНЫЙ ТИМОР)
THE MODERN HISTORY OF THE INTERNATIONAL TRIBUNALS
ON THE AFRICAN CONTINENT (THE REPUBLIC OF EAST TIMOR)**

*Дамбаев Ц.Д.-Ж, К.ю.н., следователь по особо опасным преступлениям,
Миссия ООН в Восточном Тиморе, гр-н Австралии*

*Киселев А.К., заведующий кафедрой истории и теории государства и права
Северо-Кавказского социального института, доктор исторических наук, доцент
Dambaev TS.D.-ZH., Ph.D., an investigator for particularly serious crimes,
the UN Mission in East Timor, Australian citizen*

*Kiselev A.K., Head of Department of History and Theory of State and Law,
North Caucasus social institution, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
e-mail: akiselev2@yandex.ru*

*Аннотация: В статье раскрывается история деятельности международных
трибуналов на африканском континенте (на примере республики Восточный Тимор).*

*Annotation: The article deals with the history of international tribunals on the African
continent (The Republic of East Timor).*

*Ключевые слова: международный трибунал, африканский континент, Восточный
Тимор.*

Key words: international tribunal, African continent, The Republic of East Timor.

С окончанием Второй мировой войны сообщество государств в лице Организации Объединенных Наций признало необходимость учреждения международного уголовного суда для преследования за такие преступления, как геноцид, военные преступления и преступления против человечества и человечности.

Только по истечении полувека в июле 1998 года в Риме 120 государств — членов ООН заключили договор для учреждения впервые за всю историю постоянного *Международного уголовного суда*. [2] Этот договор вступил в силу 1 июля 2002 года, после подписания и ратификации его 60 странами-участницами. Кстати, Российская Федерация не является участником данного договора. Перед подписанием договора бывший Генеральный Секретарь ООН Кофи Аннан (1997-2006) с большим воодушевлением высказался по поводу создания Международного Уголовного Суда: «Создание Международного Уголовного Суда вселяет надежду на торжество справедливости во всем мире. Это простая и благородная

мечта. Мы близки к ее достижению. Мы сделаем все, что от нас зависит, для того чтобы она в полной мере воплотилась в жизнь. Мы просим вас внести свой вклад в эту борьбу, направленную на обеспечение того, чтобы ни один правитель, ни одно государство, ни одна хунта и ни одна армия, где бы то ни было, не могли нарушать права человека безнаказанно. Лишь тогда невинные жертвы войны и конфликтов в далеких уголках мира будут знать, что они также могут жить спокойно, находясь под защитой правосудия; что они тоже имеют права и что те, кто нарушает эти права, будут наказаны». [6]

Международный уголовный суд («Суд») является независимым судебным учреждением, уполномоченным осуществлять юрисдикцию в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность мирового сообщества, указанные в настоящем Статуте, и дополняет национальные системы уголовного правосудия. Согласно статье 4 Римского Статута, Суд обладает международной правосубъектностью и обладает такой правоспособностью, какая может оказаться необходимой для осуществления его функций и достижения его целей. В части 2 этой же статьи говорится, что Суд может осуществлять свои функции и полномочия, как это предусмотрено в настоящем Статуте, на территории любого государства-участника и, по специальному соглашению - на территории любого другого государства.

Исходя из положений Римского Статута, международный уголовный суд не заменяет национальные судебные органы, он имеет юрисдикцию в случаях, если национальная судебная система не способна осуществлять свои функции. В соответствии со статьей 5 Римского Статута Суд обладает юрисдикцией в отношении следующих преступлений: преступление геноцида, преступления против человечности, военные преступления, преступление агрессии.

Особые дебаты у заинтересованных стран, в частности представителей США, Китая, Израиля вызвал вопрос о юрисдикции и полномочиях международного уголовного суда по расследованию агрессии и о дефиниции «агрессия». На очередной конференции по обзору Римского Статута Международного уголовного суда, проходившего с 31 мая по 11 июня 2010 в г. Кампале, были приняты поправки и включена статья 8-бис, устанавливающая ответственность за агрессию. [1] Часть 1 статьи 8-бис дает определение агрессии, которое означает планирование, подготовку, инициирование или осуществление лицом, которое в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими или военными действиями государства, акта агрессии, который в силу своего характера, серьезности и масштабов является грубым нарушением Устава ООН. В статье 15-бис оговариваются условия юрисдикции Международного уголовного суда по преступлениям агрессии. Например, что Суд осуществляет юрисдикцию в отношении агрессии в соответствии с этой статьей согласно решению, принятому после 1 января 2017 года тем же самым большинством государств-участников, которое требуется для принятия поправки к Статуту, т.е. фактически вступление в силу статьи 8-бис откладывается до 2017 года.

Следующее положение, что Суд может осуществлять юрисдикцию в отношении агрессии, совершенной государством-участником, если только государство-участник ранее не заявило о непризнании такой юрисдикции, а в отношении государств, не являющихся участником Римского Статута, Суд вообще не будет осуществлять свою юрисдикцию по агрессии, совершенному гражданами этого государства или на его территории. Совершенно очевидно, в соответствии со статьей 15-бис, в отношении стран-агрессоров, не признавших юрисдикцию или не являющихся участниками Римского Статута, Международный уголовный суд не будет иметь юрисдикции, что, конечно же, впоследствии, как нам представляется, будет препятствием уголовному судопроизводству.

В ежегодном докладе 2013 года за 2011-2012 года о деятельности Международного Уголовного Суда отмечается, что Суд добился значительного прогресса, включая следующее: вынесение первого решения и приговора; одно дело находится на стадии подтверждения обвинений; два новых дела находятся на стадии разбирательства; и четыре новых ордера на арест. Число государств-участников договора об учреждении Суда - Римского статута - увеличилось со 115 до 121.

В докладе также отмечается, что по прошествии десяти лет своего существования Суд нуждается в более масштабной и весомой политической поддержке для того, чтобы он мог выполнять свой мандат. Это включает в себя выполнение просьб Суда о сотрудничестве, в частности в отношении неисполненных ордеров на арест, выявления и замораживания активов, выделения надлежащих ресурсов, публичной и дипломатической поддержки деятельности Суда и других форм помощи, особенно в отношении защиты потерпевших и свидетелей. [3]

До создания и начала функционирования Международного Уголовного Суда, в практике ООН применялось создание *международных уголовных трибуналов (ad hoc tribunals)* по расследованию геноцида, военных преступлений и преступлений против человечности (Нюрнбергский трибунал по расследованию военных преступлений, совершенных во время второй мировой войны; Трибунал по расследованию преступлений, совершенных на территории бывшей республики Югославия (International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, ICTY); Трибунал по расследованию преступлений совершенных на территории Руанды (International Criminal Tribunal for Rwanda, ICTR). Два последних трибунала действуют и по сегодняшний день). В частности, широко известна работа Гаагского международного трибунала и Специальных судов по расследованию преступлений против человечества и человечности. Среди них – Специальный суд для Сьерра-Леоне. Этим судом экс-президент Либерии Чарльз Тейлор в апреле 2012 года был приговорен к 50 годам тюремного заключения. 26 апреля суд признал экс-диктатора виновным по всем 11 пунктам обвинения. Среди них – причастность к военным преступлениям и преступлениям против человечности. Его признали также виновным в помощи повстанцам в Сьерре-Леоне во время гражданской войны, унесшей жизни 50 тысяч человек. [8] Слушания по делу Тейлора проходили в Гааге, куда они были перенесены из Сьерра-Леоне в 2006 году по соображениям

безопасности. [7] Один из соавторов данной статьи участвовал в качестве офицера гражданской полиции ООН в сопровождении Тейлора в международном аэропорту города Монровии - столицы Либерии.

Создание и функционирование таких трибуналов является относительно дорогостоящим мероприятием, да и юрисдикция таких трибуналов во многом зависит от мандата, в котором четко прописаны территориальные и временные рамки действия трибунала (В данном случае под временными рамками понимается расследование преступлений, совершенных в определенный промежуток времени).

Еще одной разновидностью международного уголовного трибунала являются *гибридные или смешанные уголовные трибуналы*, где судопроизводство осуществляется консилиумом международных и национальных судей и прокуроров, каковыми являются трибуналы в Камбодже и в Восточном Тиморе.

В соответствии с распоряжением Специального представителя Генерального Секретаря ООН в Восточном Тиморе 6 июня 2000 года был создан специальный гибридный трибунал (Special Panel for Serious Crimes) по расследованию преступлений, совершенных индонезийскими военными и про-индонезийскими незаконными вооруженными формированиями на территории Восточного Тимора в период с 1 января 1999 по 25 октября 1999 года. [4] Мандат гибридного трибунала по Восточному Тимору де-юре, и, как оказалось, де-факто, имел весьма ограниченное действие, так как был утвержден по сути как внутренний документ Миссии ООН в Восточном Тиморе, что не давало данному трибуналу всю полноту полномочий по осуществлению следственных и судебных мероприятий на территории других государств вовлеченных в конфликт (Мандат Миссии ООН в Восточном Тиморе был одобрен резолюцией Совета Безопасности ООН № 1272 от 25 октября 1999 года. В мандате были обозначены ключевые задачи миссии: обеспечение безопасности населения, восстановление общественного порядка и восстановление государственных институтов власти и др. UN Security Council Resolution 1272, UN Doc S/Res/1272, 25 October 1999).

Мандат гибридного трибунала по Восточному Тимору в корне отличается от мандатов международных трибуналов по Югославии (ICTY) и Руанде (ICTR). Во-первых, мандаты международных трибуналов по Югославии и Руанде утверждались резолюцией Совета Безопасности ООН, что, несомненно, придавало данным трибуналам большую значимость и легитимность, а во-вторых, более широкие полномочия в плане проведения следственных действий, и самое главное - это задержание и экстрадиция подозреваемых и обвиняемых с территории других государств, вовлеченных в конфликт.

С самого начала функционирования трибунала по Восточному Тимору руководство Миссии ООН столкнулось с проблемами в организации и обеспечении работы трибунала вследствие финансовых, логистических, технических проблем, а также нехватки квалифицированных сотрудников. Большинство национальных судей, которые входили в состав консилиума гибридного трибунала, не имели должного опыта работы в расследовании

сложных, многоэпизодных криминальных дел, не имели должного знания международного гуманитарного права. Во время индонезийской оккупации Восточного Тимора судьями, прокурорами и адвокатами были назначенцы индонезийской национальности, которые в 1999 году покинули территорию Восточного Тимора. Собственных квалифицированных юристов в том количестве, которое требовалось для организации трибунала, конечно же, не было, приходилось приглашать бывших иммигрантов тиморской национальности с юридическим образованием из Португалии, Мозамбика, Кабо-Верде, либо вчерашних выпускников юридических факультетов без должного опыта работы.

Документооборот гибридного трибунала в Восточном Тиморе осуществлялся параллельно на четырех языках: бахаса (индонезийском), английском, тетуме (тиморский) и португальском, два последних являются официальными языками Восточного Тимора. Недостаточный уровень профессионализма переводчиков создавал проблемы неаутентичности перевода документов с одного языка на другой, где, как говорится, каждая запятая имеет процессуальное значение. По этой причине неоднократно откладывались судебные заседания, а в некоторых случаях судья отклонял доказательства ввиду этой самой неаутентичности перевода документа. Другой серьезной проблемой является защита свидетелей и потерпевших во время и после судебного разбирательства. Опять же, ввиду недостатка финансовых, материальных и людских ресурсов, обеспечение безопасности свидетелей и потерпевших было и остаётся весьма проблематичным. Были случаи, когда свидетели и потерпевшие добирались до столицы, где находился трибунал на одном автобусе с подозреваемыми, также были случаи открытых угроз и давления на свидетелей и потерпевших со стороны подозреваемых и их родственников и соплеменников.

К июню 2005 года прокуратурой трибунала по Восточному Тимору было предъявлено обвинение 391 человеку, 339 из которых находились на территории соседней Индонезии. Прокуратура трибунала Восточного Тимора неоднократно посылала официальные запросы индонезийским властям по аресту и экстрадиции обвиняемых и подозреваемых лиц, находящихся на территории Индонезии, на что правительство Индонезии открыто заявляло, что не будет сотрудничать с правительством Восточного Тимора и трибуналом по вопросам ареста и экстрадиции обвиняемых в преступлениях против человечности. Открытое игнорирование решений трибунала наглядно *показало пробелы в международно-правовом регулировании*, недостаточную политическую волю лидеров государств, в том числе представителей ООН по обеспечению объективного и независимого правосудия в соответствии с международными стандартами.

В соответствии с соглашением по вопросам правового и юридического сотрудничества (Memorandum of Understanding) между администрацией ООН и властями Индонезии в Джакарте был создан аналог трибунала (*Ad hoc Human Rights Court*) по расследованию преступлений, совершенных индонезийскими военными и членами незаконных вооруженных формирований на территории Восточного Тимора. [5] В период с 2002 по 2003 год 18 подозреваемым, в основном офицерам индонезийской армии, были

предъявлены обвинения за различные преступления против человечности, но только шестеро из них были признаны виновными, включая генерала Адама Дамири. Впоследствии и с оставшихся шестерых все обвинения были сняты. Конечно же, говорить в этом случае об объективности решений индонезийского суда говорить не приходится, на лицо был фарс и спектакль, сыгранный для «мировой общественности». Коллегия судей данного Суда состояла только из лиц индонезийской национальности.

В свете последних конфликтов в странах Северной Африки и Ближнего Востока, Ливии, Мали, Сирии, Алжире и многих других, в ходе которых погибли десятки тысяч человек, в большинстве своем мирных граждан возрастает роль Международного Уголовного Суда, ООН и других международных организаций, вовлеченных в расследование геноцида, военных преступлений.

Конечно же, можно ставить под сомнение эффективность и результативность работы Международного уголовного суда и международных уголовных трибуналов, но на сегодняшний день нет других действенных механизмов по расследованию и привлечению к ответственности лиц, совершивших преступления против человечности.

Хотелось бы надеяться, что в дальнейшем при осуществлении правосудия по преступлениям против человечности правительства, а также представители Совета Безопасности ООН будут проявлять большую политическую волю с тем, чтобы каждый виновный независимо от его ранга был привлечен к ответственности и понес справедливое наказание.

Литература

1. Конференция по обзору Римского Статута Международного уголовного суда. Официальные отчеты. Кампала, 31мая-11 июня 2010.
2. United Nations, Treaty Series, Volume 2187, 2854, Rome Statute of the International Criminal Court, 1 July 2002.
3. UN General Assembly, A/67/308, Report of the International Criminal Court to the United Nations for 2011-2012.
4. UNTAET Regulation 2000/15, On the establishment of Panels with Exclusive Jurisdiction over Serious Criminal Offences, UN doc UNTAET/ REG/2000/15, 6 June 2000.
5. Memorandum of Understanding between The Republic of Indonesia and the United Nations Transition Administration in East Timor regarding Cooperation in Legal, Judicial and Human Rights related matters, 6 April 2000.
6. Сайт ООН [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.un.org. 03.08.1998.
7. <http://ru.euronews.com/2012/05/30/liberia-s-charles-taylor-gets-50-year-sentence/>
8. <http://ru.euronews.com/2013/01/22/charles-taylor-appeals-war-crimes-in-the-hague/>

УДК 343

**СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
SOCIAL PARTNERSHIP IN THE RUSSIAN FEDERATION:
CURRENT STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT**

Касьяненко Т.С., Ростовский юридический институт ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин

Kasyanenko T.S, Senior lecturer Department of Civil Law Disciplines, The Russian Law Academy of the Russian Federation Ministry of Justice, FSBEI HPO, Rostov-on-Don Juridical Institute (affiliated branch)

e-mail: info@rui-rpa.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена рассмотрению некоторых вопросов, связанных с развитием института социального партнерства в России, и исследованию отдельных принципов института социального партнёрства.

Annotation: The present article is dedicated to the analysis some question, which connect with developing social partnership in the Russian Federation, and researching some king of principles of social partnership institute.

Ключевые слова: социальное партнерство, перспективы развития, принцип добровольности.

Key words: social partnership, prospects of development, principle of voluntariness.

Отношения наемного труда на протяжении всей истории своего развития регулировались различными способами. В современных условиях преобладающим становится способ достижения договоренности между трудом и капиталом, получивший наименование «социальное партнерство» [1]. Развитие договорного (как коллективного, так и индивидуального) регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений, обусловлено рядом новаций: законодательным признанием регулятивной роли коллективных договоров и соглашений, расширением возможностей социальных партнеров, частичном отказе государства от централизованного регулирования ряда вопросов.

История трудового законодательства, как справедливо отмечает профессор К.Н. Гусов – это история поисков наиболее правильного сочетания государственного и локального регулирования трудовых отношений в интересах субъектов этих отношений [2]. На государственном уровне закрепляются основные права и обязанности сторон трудового правоотношения и гарантии их реализации, государственный уровень включает в себя установление минимальных стандартов в области трудового права. На коллективно-

договорном уровне они конкретизируются и дополняются, устанавливая более благоприятные условия труда, льготы и иные гарантии. Индивидуально-договорное регулирование носит вспомогательный характер.

В научной литературе последних лет исследованию вопросов коллективно-договорного регулирования трудовых отношений посвящено достаточное количество исследований [3]. Намечился и ряд вопросов, связанных с дальнейшим развитием социального партнерства в РФ: сохранение в обозримый период времени значения государственных актов в качестве основных регуляторов, законодательное установление пределов коллективно-договорного регулирования, определение правил разрешения коллизий между нормативно-правовыми и коллективно-договорными актами; недопустимость императивного вмешательства государства в процесс осуществления коллективно-договорного регулирования [4].

Фундаментом правового института социального партнерства являются его принципы, призванные обеспечить единство, сущность и общую направленность развития взаимоотношений между работниками и работодателями по урегулированию социально-трудовых отношений [5]. Впервые эти принципы были закреплены в Уставе МОТ (1919г.) и Филадельфийской декларации о целях и задачах МОТ (1944г.) с последующим развитием их в Конвенциях и рекомендациях МОТ и национальном законодательстве.

Рассмотрим подробнее принцип добровольности принятия сторонами на себя обязательств. Рекомендация МОТ №94 «О консультациях и сотрудничестве между предпринимателями и трудящимися на уровне предприятия» закрепляет принцип добровольности принятия обязательств. Консультации, согласно рассматриваемой Рекомендации, должны облегчаться путем поощрения добровольных соглашений между собой. Цитируемое положение делает акцент на характере самой процедуры коллективных переговоров, последующем заключении коллективных договоров и соглашений и последующем их исполнении.

Принцип добровольность имеет ряд ограничений. Таковым является, например ст. 36 ТК РФ, отражающая обязанность представителей сторон, получивших предложение о начале переговоров, в течение 7 дней вступить в переговоры.

Рассматривая вопрос добровольности принятия сторонами социально-партнерских отношений на себя обязательств, необходимо отметить еще одно существенное ограничение – ст. 48 ТК РФ. В научной литературе последних лет развернулась оживленная дискуссия относительно признания положений ст. 48 ТК РФ, в силу которых действие федеральных отраслевых соглашений может быть автоматически распространено на не участвовавших в переговорах работодателей отрасли, несоответствующими принципу добровольности принятия сторонами обязательств. Так, К.А.Бондаренко, приходит к выводу о противоречии принципа добросовестности принятия сторонами обязательств и ст. 48 ТК РФ. Указанный

порядок, как полагает, Бондаренко К.А. не соответствует договорному методу регулирования, установленному для социального партнерства [6].

Другой представитель науки трудового права М.А. Жильцов, говоря о соотношении принципа добровольности и положений ст. 48 ТК РФ, приходит к выводу, что такое соотношение есть антиномия, т.е. логическое противоречие между нормами федерального закона [7]. Профессор Ю.П. Орловский также указывает на существующее противоречие и необходимость приведения нормы ст. 48 ТК РФ в соответствие с принципом добровольности принятия обязательств [8].

Однако полагаем, что данный вопрос нельзя рассматривать с одной стороны. Безусловен, тот факт, что в случае распространения действия соглашения принцип добровольности принятия обязательств ограничивается. Однако механизм распространения действия соглашений построен на демократических началах, т.е. возможность отказа от присоединения к отраслевому соглашению у работодателей имеется в случае выполнения установленных законом процедур (направление мотивированного отказа, учет мнения профсоюза и т.д.) Полагаем, что ст. 48 ТК РФ является частным случаем ограничения свободы социальных партнеров и принципа добровольности принятия обязательств.

Кроме того, такая односторонняя позиция ученых о противоречии ст. 24 ТК РФ и ст. 48 ТК РФ спорна, поскольку в случае, если действие таких соглашений не будет распространено на всех работодателей отрасли, то это положение будет противоречить принципу запрета недобросовестной конкуренции. Статьей 4 ФЗ «О защите конкуренции» под недобросовестной конкуренцией понимаются любые действия хозяйствующих субъектов, направленные на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречащие законодательству РФ, обычаям делового оборота, требованиям добросовестности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам - конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации [9]. Другими словами те работодатели, которые не принимают на себя дополнительные социальные обязательства получают преимущество при осуществлении предпринимательской деятельности по сравнению с работодателями, на которых распространяются указанные положения. Получение преимуществ выражается, например, в возможности снижения цены на товары (работы, услуги) за счет снижения расходов на оплату труда работников, предоставления им дополнительных гарантий и компенсаций.

Кроме того, международные акты МОТ, как представляется, предполагают возможность распространения действия соглашений. Так, разделом 4 Рекомендации МОТ №91 «О коллективных договорах» предусмотрено, что в случаях необходимости и с учетом действующей системы коллективных переговоров должны приниматься меры, определенные законодательством каждой страны и отвечающие существующим в ней условиям для распространения всех или некоторых положений коллективных договоров на всех

предпринимателей и трудящихся, входящих по производственному и территориальному признаку в сферу действия договора.

Полагаем, что под «мерами» в смысле Рекомендации №91 и являются положения ст. 48 ТК РФ, которые отражают возможность распространения действия соглашения по территориальному признаку и производственному признаку, поскольку в рассматриваемой статье идет речь о распространении действия федеральных отраслевых соглашений.

Сравнительный анализ ст. 5 вышеуказанной Рекомендации МОТ №91 и ст. 48 ТК РФ позволяет говорить о соответствии данных положений. Так, п «в», ч.2 ст. 5 Рекомендации говорит о инициативной стороне – инициатива в распространении соглашений должна исходить от одной или нескольких участвующих в договоре сторон. Абз. 7 ст. 48 ТК РФ содержит аналогичное положение об инициативной стороне «по предложению сторон заключенного на федеральном уровне отраслевого соглашения..». Далее российский законодатель закрепляет правило, что руководитель федерального органа исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно – правовому регулированию в сфере труда, имеет право после опубликования соглашения предложить работодателям, не учувствовавшим в заключении данного соглашения, присоединиться к нему. Указанное положение с некоторой конкретизацией аналогично п.п. «а», п.2 ст. 5 Рекомендации МОТ №91, поскольку отражает обусловленность такого распространения в связи с необходимостью установления стандартов трудовых прав внутри отрасли.

Пункт «с», п. ст. 5 Рекомендации МОТ №91предусматривает, что предпринимателям и трудящимся, на которых предстоит распространение коллективного договора, должна быть предоставлена возможность предварительно высказать свои замечания. Эти положения нашли свое развитие в абз.9 ст.48 ТК РФ позволяющей работодателям отрасли ознакомиться с отраслевым соглашением и в 30-ти дневный срок либо присоединится к нему, либо направить мотивированный отказ. Если же работодатель отрасли не коим образом не проявит свою позицию, то тогда оно считается распространенным на данного работодателя. Интересной является позиция А.Б. Иванова полагающего целесообразным внести в ст.48 ТК РФ возможность для работодателей отказаться как присоединения ко всему отраслевому соглашению, так и от его части [10]. Полагаем, что такое право возможно, но с условием о поэтапном присоединении работодателя к таким соглашениям. Полагаем, что в обозримом будущем перспектива исключения рассматриваемой нормы ст. 48 ч.8 ТК РФ будет нецелесообразной.

Развитие института социального партнерства немыслимо без учета интересов социальных партнеров, поскольку именно посредством их совместных усилий и исполнении принятых на себя обязательств будет способствовать стабильности трудовых отношений. При этом государственное вмешательство в этот процесс, в том числе путем установления ряда ограничений, необходимо в целях реализации задач трудового законодательства,

предусмотренных ст.1 ТК РФ, а именно достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений, интересов государства.

Литература

1. Трудовое право России: учебник / под ред. С.П Маврина, Е.Б. Хохлова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.:Норма,2007. – С. 169.
2. Гусов, К.Н. О роли индивидуального договорного регулирования труда на современном этапе // Материалы VIII Международной научно-практической конференции «Сочетание государственного и договорного регулирования в сфере наемного труда и социального обеспечения» / под ред. проф. К.Н. Гусова. – М., 2012. – С. 100.
3. См.: Бондаренко, К.А. Договорное регулирование как особенность метода трудового права : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Бондаренко Ксения Александровна. – Москва, 2009.; Собянина, М.Д. Принципы институтов российского трудового права // Собянина Мария Дмитриевна: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. – Пермь, 2006 и т.д.
4. Нуртдинова, А.Ф., Чиканова, Л.А. Основные направления развития трудового законодательства // Журнал российского права. – 2010. – №5. – С. 15.
5. Орловский, Ю.П. Основные направления совершенствования трудового законодательства в современных экономических условиях // Актуальные проблемы трудового законодательства в условиях модернизации экономики. Отв. ред. докт. юрид. наук, проф., Ю.П. Орловский. – М.,2012. – С. 7.
6. Бондаренко, К.А. Договорное регулирование как особенность метода трудового права: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Бондаренко Ксения Александровна. – Москва, 2009. – С. 142.
7. Жильцов, М.А. Дефектные нормы // ЭЖ-Юрист. – 2008.– № 53. – С. 41.
8. Орловский, Ю.П. Реформа трудового законодательства // Трудовое право. – 2012. – №5. – С. 54.
9. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 06.12.2011) «О защите конкуренции» // Российская газета. – 2006. – 27 июля.
10. Иванов, А.Б. Незнание отраслевого соглашения не освобождает от ответственности за его невыполнение // Трудовое право. – 2011. – №3. – С. 85-88.

УДК 343

**К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРАВА НА ТРУД В ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ
TO THE HISTORY OF THE RIGHT TO WORK IN FEUDAL RUSSIA**

Лещенко А.Х., Аспирант Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права

Leschenko A.Kh., Graduate student of the Tyumen State Academy of World Economics, Management and Law

e-mail: leshanya@list.ru

Аннотация: В статье раскрывается история развития права на труд в феодальной России.

Annotation: The article deals with the history of the right to work in feudal Russia.

Ключевые слова: право на труд, феодализм, Российская империя.

Key words: right to work, feudalism, Russian empire.

История развития отечественного института права на труд разнообразна и содержательна.

Что касается отечественного законодательства эпохи Киевской Руси, периода феодальной раздробленности и построения единого централизованного Московского государства, то там можно встретить лишь единичные нормы, так или иначе связанные с осуществлением трудовой деятельности.

Наиболее ранним упоминанием о трудовых правоотношениях следует считать норму «Закона судным людям» князя Владимира, по которой в случае если кто во время голода пойдет в услужение из-за корма, то он ни в коем случае не обращался в рабство и мог быть свободным, когда захочет, заплатив за прокорм три гривны и отслужив даром определенный срок.

Одна из статей Пространной редакции Русской Правды закрепляла разграничение статуса холопа от срочного работника, имевшего особый правовой статус. Так указывалось, что «срочный работник не холоп, и не должно обращать в холопство ни за прокорм, ни за приданое. Если работник не дослужит до срока, он обязан вознаградить хозяина за то, чем тот одолжил его; если же он дослужит до срока, то ничего не платит».[6]

Несколько расширена правовая регламентация общественных отношений в сфере труда была в статьях 39-41, 103 Псковской Судной грамоты. Указанные нормы закрепляли основы взаимоотношений «наймитов» (наемных работников) и «государей» (господ, хозяев) (ст. 39), содержали указание на случаи тех или иных нарушений при осуществлении

трудовой деятельности (ст. 40), а также отражали порядок разрешения споров при неисполнении трудовых обязательств (ст. 51 Псковской Судной грамоты). [2]

С переходом к формированию централизованного Московского государства совершенствовались и нормы о труде. Так, можно привести в пример норму Судебника 1497 г. о так называемой «бобыльской порядной», которая отражала заключавшиеся договоры между крестьянами – бобылями и господином. По данной «порядной» землевладелец предоставлял бобылю жилье или участок, а бобыль обязан был уплачивать за это установленный договором денежный оброк, либо обрабатывать пашню хозяина. Кроме того, Судебник 1497 г. содержал санкцию за невыполнение оговоренной работы наймитом (ст. 54), которая предусматривала неуплату вознаграждения.

Судебник 1550 г. дополнял вышеуказанную норму возможностью уплаты суммы по договору в двойном размере наймиту при доказанности вины «государя» (хозяина, нанимателя) (ст. 83).

Соборное уложение 1649 г., полностью прикрепившее крестьян к земле, в главе XI «Суд о крестьянех» содержало нормы о полном праве феодалов на крестьянский труд, что само по себе исключает возможность нормативного отражения субъективного права на труд и тем более его гарантий в этот период развития отечественного права. В ст. 275 главы X вводился институт принятия на работу под поручительство: «по себе даст поруки». Постановлением Московского Собора 1667 г. была впервые запрещена работа в воскресные и праздничные дни.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что законодательство допетровской Руси содержало лишь отрывочные нормы, касающиеся некоторых вопросов осуществления трудовой деятельности. Во многом причиной этому послужило то, что в России до начала XVIII в. практически отсутствовало крупное производство и, как следствие, обученные фабричному делу и оседлые рабочие. И хотя до середины XIX века в России происходил лишь процесс формирования предпосылок возникновения трудового законодательства, отдельные нормативные акты в сфере труда все же появлялись.

Первым из них является изданный 31 мая 1708 г. Указ Петра I, вводивший продолжительность трудового дня (14 часов в сутки с перерывом в 2,5 часа) и упоминавший про штрафы и наказания для рабочих (прогулы карались исключительно вычитанием дневной или недельной заработной платы). С 1741 г. на суконных и каразейных фабриках вводился рабочий день продолжительностью 14 часов с двухчасовым перерывом на обед в период с 1 марта по 1 октября, и с перерывом в один час в остальные месяцы.

Примечателен также изданный в период правления Екатерины II Закон 1785 г. о продолжительности работы ремесленников, которым продолжительность работы ограничивалась десятью часами в сутки, а также устанавливались для ремесленников воскресный и праздничный отдых. Положительный эффект от принятия закона, однако, нивелировался отсутствием какого-либо надзора за ремесленными заведениями, и, как следствие, отсутствием силы у принятого нормативного акта. [3]

С отменой крепостного права начинает динамично развиваться крупное производство, основанное на свободном труде. Вместе с тем, по отзывам современников, рабочий на фабрике и заводе считался «в сущности полной собственностью предпринимателя... Так называемая свобода договора была чисто юридической фикцией: капиталист, владея средствами и орудиями производства, мог делать со своими рабочими что хотел, так как последние, чтобы заработать кусок хлеба, вынуждены были соглашаться на всякие условия».

[5]

Распространенным явлением в фабричной и заводской жизни России конца XIX в. была система штрафов рабочим за опоздание на работу, недоброкачественность произведенного продукта, несоблюдение чистоты в жилых помещениях, непосещение в праздничные дни церковной службы. Характерно, что штрафы за указанные нарушения поступали в личное распоряжение предпринимателя. Общая негативная ситуация в рабочей среде поддерживалась также необоснованно длительной продолжительностью рабочего времени (доходила до 20 часов), низкой оплатой труда, отвратительным санитарно-гигиеническим состоянием фабрик и заводов, травматизмом и отсутствием заботы со стороны государства либо владельцев фабрик и заводов о больных и увечных рабочих. Указанные обстоятельства привели к тому, что в 70-80-х гг. XIX в. по стране прокатилась волна забастовок рабочих, а правительство «вступило на путь законодательных реформ в области фабрично-заводской жизни».

Первым осмысленным законом, регулирующим в России отношения между трудящимися и владельцами фабрик, следует считать Закон 7 августа 1845 г. «О воспрещении фабрикантам назначать в ночные работы малолетних менее 12 лет». [1] Косвенной причиной принятия этого закона следует считать резонансные волнения рабочих на Вознесенской бумагопрядильне недалеко от Москвы, которые обратили внимание правительства на порядок осуществления трудовой деятельности на московских фабриках. К выявленным нарушениям относились факты круглосуточной работы на многих фабриках, участие в большинстве случаев детей в ночной работе и т.д.

Основным ограничением по Закону 1845 г. явился запрет ночной работы малолетних, не достигших 12 лет, хотя следует согласиться с мнением М.И.Туган-Барановского о том, что практики применения этот закон не имел, так как не содержал ни надзорных механизмов исполнения норм, ни каких-либо карательных мер за нарушение отдельных требований данного нормативного акта. [4] Более того, по мнению современников, закон был принят лишь для «очистки совести», в Свод законов не попал и был необыкновенно скоро совершенно забыт.

Литература

1. ПСЗ. II собрание. СПб. 1846. Т. XX. С. 591. №19262.

2. Петрашко И.А. Уголовная ответственность за нарушение трудовых прав граждан: исторические аспекты и современное состояние // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2012. - №2. – С. 74-79.
3. Поссе В.А. История рабочего законодательства в России. Очерк. – СПб., 1906. С.48
4. Туган-Баранаовский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. Т.1. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. 2-е изд. - СПб., 1990. С.176
5. Тютрюмов Р. Фабричное законодательство в России. – М., 1908. С.9
6. Хрестоматия по истории государства и права России / сост. Ю.П. Титов. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2005. С.24

УДК 343

**ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И
УГОЛОВНОЕ ПРАВО****STATE LEGAL PRINCIPLES AND CRIMINAL LAW**

Панченко П.Н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – г. Нижний Новгород, зав. кафедрой уголовного права и уголовного процесса, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

Panchenko P.N., National Research University "Higher School Hi-economy" - Nizhny Novgorod, Head Department of Criminal Law and Criminal Procedure, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

e-mail: skgi_institut@mail.ru

Аннотация: Анализируются государственно-правовые закономерности, на которых основывается уголовное право, проводится их классификация, показывается их теоретическая и практическая значимость, влияние на смежные отрасли права.

Annotation: Examines the legal state laws upon which the criminal law, their classification is carried out, showing their theoretical and practical importance, impact on related areas of law.

Ключевые слова: закономерности, уголовное право, классификация, отрасли права.

Keywords: laws, criminal law, classification, industry of law.

Любая отрасль права содержит ряд институтов, без глубокого и всестороннего изучения которого невозможно осмысление и всей соответствующей отрасли права[1]. Известно, что уголовное право, как и все право в целом, формируется не произвольно, а основываясь на общих закономерностях государства и права. Разобраться в том, как это конкретно происходит – актуальная задача.

Государственно-правовые закономерности, на которых основывается уголовное право.

Государственно-правовые закономерности, на которых основывается уголовное право, возведены им в принципы. Например, *принцип законности* в уголовном праве есть ни что иное, как закономерность, состоящая в том, что любая «мерность» (мера) в борьбе с преступностью должна соответствовать закону, *принцип равенства граждан перед законом* – закономерность, состоящая в том, что лица, совершившие преступления, подлежат уголовной ответственности независимо от их личностных свойств, не относящихся к совершенным преступлениям, а следовательно, и к рассматриваемых в отношении их делам (пол, раса, национальность, убеждения и т.д.), *принцип вины* – закономерность, состоящая в том, что только виновно совершенные опасные деяния могут рассматриваться как общественно опасные, а следовательно, и как преступные, то есть влекущие уголовную

ответственность, *принцип справедливости* – закономерность, состоящая в соответствии борьбы с преступностью самим совершаемым преступлениям (в частности, их тяжести), а кроме того – не только закону, но и нормам морали и нравственности, *принцип гуманизма* – закономерность, состоящая в обеспечении, соблюдении и приоритете прав человека, а также в том, что назначаемые за преступления наказания должны быть умеренными, то есть минимально достаточными.

Есть в уголовном праве и закономерности, вытекающие из перечисленных принципов, но имеющие относительно самостоятельное значение – например, такие:

- применение уголовного закона по аналогии не допускается (если такое применение влечет расширение сферы уголовной ответственности или усиление последней);
- объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда не допускается, так как такое (без вины) причинение вреда не может рассматриваться как преступление;
- никто не может нести уголовную ответственность дважды (то есть повторно) за одно и то же преступление;
- наказания и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к совершившему преступление лицу, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства;
- основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом;
- преступность и наказуемость деяния определяется законом, действовавшим во время его совершения (если новый закон не устраняет преступность деяния, не смягчает наказуемость последнего и не улучшает иным образом положения лица, совершившего деяние);
- закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказуемость последнего или иным образом ухудшающий положение совершившего деяние лица, не имеет обратной силы, то есть не распространяется на деяния, совершенные до принятия и вступления в силу нового закона;
- российский закон действует не только на территории Российской Федерации, но и на пространстве всего Земного Шара, если речь идет о российских гражданах или постоянно проживающих на территории РФ лицах без гражданства либо иных лицах, посягающих на интересы Российской Федерации, ее граждан или постоянно проживающих на территории РФ лиц без гражданства;
- граждане Российской Федерации, совершившие преступления на территории иностранного государства, не подлежат выдаче этому (как и любому иному) государству;
- не опубликованный официально (для всеобщего сведения) закон не подлежит применению;
- лица с психическими аномалиями или находившиеся во время совершения запрещенного законом деяния в состоянии опьянения, если они признаны вменяемыми, подлежат уголовной ответственности на общих основаниях, но состояние психического расстройства учитывается в качестве смягчающего наказание обстоятельства;

- уголовной ответственности подлежат не только лица, которые довели начатые преступления до конца, но и те, которые их до конца не довели, в том числе те, которые только готовятся или лишь приступили к их совершению – соответственно и наказания назначаются таким лицам более мягкие (в соответствии со степенью осуществления преступного намерения, причинами, по которым преступления не были доведены до конца, и рядом других обстоятельств);
- добровольный отказ от доведения преступления до конца исключает уголовную ответственность за недоведенное до конца преступление – если же фактически совершенное деяние содержит состав иного преступления, то данное лицо подлежит уголовной ответственности лишь за это (иное) преступление, но как совершенное при смягчающем наказании обстоятельстве;
- уголовной ответственности подлежат не только участники (исполнители), но и соучастники преступления (организаторы, подстрекатели и пособники) – в соответствии с характером и степенью фактического участия лица в совершении преступления;
- необходимая оборона, крайняя необходимость и другие подобные предусмотренные законом обстоятельства исключают преступность формально преступного деяния, если не были нарушены условия правомерности совершаемых действий (бездействия).

Строго говоря, каждая уголовно-правовая норма (как и любая правовая норма вообще) фиксирует ту или иную закономерность. Отнюдь не случайно, что в основе термина «закономерность» термин «закон». Проанализировать в данной статье все уголовно-правовые нормы под углом зрения исследуемой темы не представляется возможным, а поэтому в дальнейшем основное внимание будет сосредоточено на закономерностях, состоящих в том, что достижение успехов в борьбе с преступностью возможно лишь на основе объединения на данном направлении всех имеющихся в распоряжении государства и общества сил и средств.

Государственно-правовые закономерности конкретизированного характера, проявляемые в преступности. Прежде всего, такой закономерностью является социальная обусловленность преступности, а следовательно, и ее исторически изменчивый характер. Преступность меняется с учетом наличия и активности факторов ее изменчивости. Ограничивающее, блокирующее и устраняющее воздействие на эти факторы ведет к снижению преступности. И, напротив, преумножение и активизация их ведет к росту преступности. Преступность существует, сохраняет свою остроту и растет не только потому, что ее факторы есть, преумножаются и активизируются, но еще и потому, что появлению, существованию, проявлению и активизации этих факторов не поставлены достаточно надежные заслоны, не ведется надлежащая работа по их ограничению, блокированию и устранению.

Факторы преступности – весьма многочисленны. Они называются обобщенно социальными потому, что порождены обществом, но на самом деле это не только

собственно социальные факторы (бедность, безработица, алкоголизм, наркомания, бесправие и т.д.), но и факторы политические (несовершенство власти: неповоротливость государственного аппарата, дублирование функций и т.д.), экономические (несовершенство экономики – неразвитость рынка, монополистические явления в экономике и т.д.), правовые (несовершенство законодательства: неполнота законодательного регулирования, пробелы, дублирования в нем, нарушение в правоприменении принципов права и т.д.), а также многие другие.

Каждый фактор преступности – самостоятельная закономерность, которая обязательно должна быть установлена и изучена, в том числе с позиций того, какие именно меры должны приниматься для ее ограничения, блокирования и устранения, так как без этого преступность не только будет оставаться довольно острой проблемой, но и будет продолжать обостряться и, в конце концов, может так случиться, что она буквально захлестнет общество. И общество будет уже не в силах воспроизводить свои ценности и само себя. Страна неизбежно будет сдавать позиции в своем развитии, станет вымирающей и со временем исчезнет с политической карты мира.

В свое время М.С.Горбачев, ограничиваясь лишь таким представлением о преступности, что «преступники обнаглели»[2], погубил СССР. Сейчас же, если не будут приняты экстренные и действенные антикриминальные меры, под откос может пойти судьба Российской Федерации – северной части России, доставшейся нам в наследство от дооктябрьских (1917 г.) и дореформенных (начало последнего десятилетия прошлого века) времен. Выразительный показатель тревожной тенденции в преступности состоит в том, что если на переломе 80-х и 90-х годов прошлого века ее рост обгонял *рост* численности населения, то в условиях переходного периода по существу тот же весьма тревожный рост преступности наблюдается в отдельные годы даже при фактическом *снижении* численности населения. Заметны также такие опасные тенденции, как, например, алкоголизация, наркотизация, люмпенизация, профессионализация, интеллектуализация, политизация и консолидация преступности.

Не покончено еще с бандитизмом, терроризмом, криминальным экстремизмом и сепаратизмом. Повсеместно и повседневно совершаются убийства и другие опасные насильственные и иные агрессивные преступления. Продолжают свирепствовать коррупция, хищения, экономические преступления, сговоры на товарных рынках и рынках услуг, похождения теневигов, рейдеров, разного рода «черных маклеров», в том числе убивающих людей за жилье, машины и другие ценности, аферистов на рынках ценных бумаг, поддельвателей денег, ценных бумаг и иных документов, организаторов и содержателей разного рода притонов.

Государственно-правовые закономерности конкретизированного характера, проявляемые в мерах по борьбе с преступностью. Одна из закономерностей борьбы с преступностью состоит в возрастании роли и значения данной борьбы в условиях переходного периода. Чем больше мы продвигаемся в этом периоде вперед – в своем

стремлении активизировать прогресс, стабилизировать позитивную динамику развития, ускорить процессы обновления, тем сильнее «дует встречный ветер» препятствующих всему этому явлений, в том числе в виде преступности, а следовательно, тем все больше возрастает потребность в целенаправленной борьбе с ней.

Впервые было обращено внимание на указанную закономерность еще в начале переходного периода – в контексте тогдашней обстановки в стране. Если преступность не будет «бита», утверждалось уже тогда, то «битой» окажется страна[3]. Так, собственно, оно произошло: необходимые антикриминальные меры не были приняты, и «великий и могучий» Советский Союз, как говорится, «приказал долго жить». Уже тогда подчеркивалось, что наращивание мер противодействия преступности, адекватных материальным, интеллектуальным и духовным возможностям общества – это не какая-то временная тенденция (пусть даже довольно длительная), а тенденция постоянная. Она должна проявляться до тех пор, пока будет существовать преступность. Конкретно данное положение звучало так: «...В течение всего периода, пока будет существовать преступность, борьба с ней будет активизироваться, осуществляться на все более высоком уровне, с мобилизацией все более широких, возрастающих возможностей, которыми будет располагать совершенствующееся и постоянно обновляющееся общество»[4]. И дело здесь заключается не только в том, что на фоне улучшающихся показателей развития преступность будет выглядеть все более нелепым, ненужным, опасным, а следовательно, и нетерпимым явлением в глазах общества, а в том, что всякая самоуспокоенность, а тем более ослабление позиций в борьбе с преступностью неизбежно будет означать и откат в развитии. При таких условиях все «плюсы» могут быстро поменяться на «минусы».

Заметим, что излагаемая здесь закономерность борьбы с преступностью, состоящая в том, что с усложнением общественных процессов множатся криминогенные факторы и им требуется постоянно противопоставлять что-то новое, а именно нечто более основательное и эффективное, чем то, что делалось в этом направлении ранее. Эта закономерность отнюдь не есть воспроизведение пресловутой сталинской «теории усиления классовой борьбы по мере продвижения страны по пути социализма» – в ее проецировании на проблему преступности и борьбы с ней. Если И.В.Сталин с помощью своей «теории» пытался обосновывать репрессии второй половины 30-х годов прошлого века, то наша теория усиления борьбы с преступностью по мере наращивания достижений развития заключается не в том, чтобы «раскручивать» репрессию, а в том, чтобы, умеряя ее потенциал, расширять и углублять меры предупреждения и сдерживания преступности.

Совершенно очевидно, что происходящие позитивные изменения в развитии (экономические, социальные и др.) сами по себе не только не снимают остроту проблемы преступности, но и высвечивают возрастающую опасность этого общественно опасного явления. И если такие позитивные изменения не подкреплены целенаправленными и постоянно активизирующимися антикриминальными мерами, то, не приходится

сомневаться, преступность быстро отреагирует на это своим очередным «вывертом», то есть всплеском. Что-то подобное произошло в нашей стране в начале второго десятилетия нового века, когда возрастающие материальные, интеллектуальные и духовные возможности, обусловленные выходом страны из трясины общемирового финансового кризиса 2008-2010 гг., не сопровождалась необходимой заботой о правоохранительных органах, в связи с чем они постепенно погрязли в коррупции, а кое-где даже стали переходить на сторону преступности, в том числе на основе совместного с криминалитетом участия в совершаемых им преступлениях, в том числе организованных.

Не случайно, отвечая на вопрос читателей «Аргументов и фактов» о том, почему тормозится борьба с коррупцией в полиции, председатель Национального антикоррупционного комитета Кирилл Кабанов, основываясь на преступлениях бывшего руководителя бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на пространстве СНГ Бокова, бывшего первого заместителя Департамента экономической безопасности МВД РФ Хорева, а также ряда других высокопоставленных чинов этого ведомства, утверждал, что «правоохранительные органы стали частью коррупционных организованных преступных групп и не дают в обиду своих подельников»[5].

Обнаружилось также то, что само по себе повышение уровня образования населения, возрастание в обществе удельного веса лиц с высшим образованием автоматически не приводит к снижению преступности. Более того, в среде лиц, совершающих преступления, возрастает численность лиц с достаточно высоким образованием. Происходит процесс так называемой интеллектуализации преступности, то есть, говоря другими словами, преступники стали более образованными. Но, естественно, менее сдержанными, нравственными, культурными. По-видимому, здесь сказалась общая тенденция падения нравов в стране, вызванная деградацией культуры, искусства, литературы, поэзии и т.д. Эту тенденцию оказалась не в силах перекрыть даже религия, интерес к которой в переходный период резко возрос. Факт остается фактом – преступники в настоящее время совершают свои преступления более утонченно, продумано, «грамотно». Особенно это проявляется в коррупционных, экономических, экстремистских, «наркооборотистых» и некоторых других преступлениях.

Государственно-правовые закономерности конкретизированного характера, относящиеся к отдельным видам и категориям преступлений. Показательны закономерности борьбы с преступностью, относящиеся к отдельным видам и категориям преступлений. Достоверно доказано, что чем более активнее ведется в том или ином населенном пункте борьба, например, с хулиганством, то тем меньше совершается в этом пункте иных насильственных и агрессивных преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких, включая причинение вреда здоровью различной тяжести, изнасилования, даже убийства. Точно так же, как активизация борьбы с должностной халатностью предупреждает, например, хищение в форме присвоений и растрат, а активизация борьбы с

вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий предупреждает преступления несовершеннолетних, в том числе таких, как, например, кражи, грабежи, разбойные нападения, вымогательства, угоны транспортных средств, групповые хулиганские действия.

Почему так происходит? Да потому что перечисленные преступления (хулиганство, халатность и др.) характеризуются повышенной (дополнительной) криминогенностью. Именно по этой причине статьи УК о названных преступлениях называются в юридической литературе нормами с двойной превенцией. Но если, допустим, хулиганство или халатность – это преступления, которые можно было бы назвать преступлениями-«эскалаторами» (так как они в условиях безнаказанности не только повторяются сами, но и, создавая соответствующие условия, «вбрасывают» в криминальную действительность еще и другие преступления), то преступления типа вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений или иных антиобщественных действий – это такие преступления, которые можно было бы назвать преступлениями-«подстрекателями», так как они не просто «тянут за собой» другие преступления (обуславливают их), а как бы еще и «толкают» их, то есть являются их *непосредственной* причиной.

Идя по намеченному пути, можно выделить еще и преступления-«организаторы» (например, преступления, предусмотренные ст. 208-210 УК) и преступления-«пособники» (ст. 174, 175 УК). Если первые соответственно *организуют* совершение преступлений, то вторые *способствуют* их совершению.

В принципе некриминогенных преступлений нет и быть не может. Любое преступление представляет собой благодатную почву для совершения новых преступлений. Поэтому довольно часто одно преступление влечет за собой другое, и притом не одно. А следовательно, пресекая одно преступление, мы, тем самым, перекрываем путь и многим другим. И напротив: позволяя преступлению совершиться, мы, тем самым, открываем путь и другим преступлениям. Но, как вытекает из сказанного выше, есть преступления, опасность которых определяется не только тем, что они опасны сами по себе, и не только тем, что имеют свое продолжение (повторение), но еще и тем, что они с достаточно высокой степенью вероятности вызывают преступления других видов. Это, повторяем, преступления с повышенной (дополнительной) криминогенностью, а именно преступления-«эскалаторы», - «организаторы», -«подстрекатели» и -«пособники». Однако есть еще и так называемые преступления-«провокаторы». Это, например, такие преступления, как побои, истязания, причинение вреда здоровью различной тяжести. Эти преступления опасны, помимо прочего, еще и тем, что вызывают межличностные конфликты, на почве которых в порядке соответствующей ответной реакции совершаются другие (нередко более опасные) преступления, в том числе убийства.

Итак, в числе преступлений с повышенной (дополнительной) криминогенностью можно выделить преступления-«эскалаторы», преступления-«провокаторы», преступления-

«организаторы», преступления-«подстрекатели» и преступления-«пособники». Все эти преступления, «производя» другие преступления, часто ударяют (как бы рикошетом) и по другим охраняемым уголовным законом объектам. Поэтому, осуществляя борьбу с такими преступлениями, мы, тем самым, спасаем от преступных посягательств не только те ценности, на которые эти преступления посягают *непосредственно*, но и те, на которые они посягают косвенно, но с весьма высокой вероятностью. И задача теории уголовной политики состоит в том, чтобы выявить эти преступления и осуществлять последовательную, неослабную и прицельную борьбу с ними – естественно, без снижения активности борьбы со всеми другими преступлениями.

Приведем в систематизированном и более полном виде основные сведения о преступлениях с повышенной (дополнительной) криминогенностью – с указанием на соответствующие статьи УК: преступления-«эскалаторы» – 119, 126, 131, 132, 134, 135, 138.1, 156, 166, 169-173.2, 180, 181, 185-187, 189-193, 195-197, 201-203, 211-214, 222-229.1, 231-235, 238, 242-242.2, 250-254, 267, 271-274, 275, 276, 278, 279, 283, 284, 285, 285.2, 286, 288-294, 298, 299-301, 303, 305-308, 310-316, 320-322, 324-327.1, 338, 340-344, 353, 355, 357-360; преступления-«провокаторы» – 115-117, 127-127.2, 139, 145.1, 149, 206, 296, 304, 318, 319, 329, 330, 334-336; преступления-«организаторы» – 208-210, 239, 241, 282.1, 282.2, 322.1; преступления-«подстрекатели» – 150, 151, 120, 179, 184, 204-205.2, 230, 240, 280, 302, 309, 333, 354; преступления-«пособники» – 174, 175.

Классификация государственно-правовых закономерностей конкретизированного характера, проявляемых в мерах по борьбе с преступностью. Вся совокупность таких закономерностей может быть классифицирована, в частности, на шесть групп, а именно на закономерности, определяющие: 1) саму потребность в борьбе с преступностью; 2) содержание данной борьбы; 3) тенденции ее развития; 4) ее принципы; 5) воздействие на лиц, совершающих преступления; 6) научные основы борьбы с преступностью.

В числе закономерностей, определяющих саму *потребность в борьбе с преступностью*, выделим, например, такие:

- преступность – общественно опасное, а поэтому противоправное (уголовно-противоправное) явление;
- преступность – социально обусловленное явление;
- преступность – исторически изменчивое явление;
- преодоление преступности – задача долговременного характера, а поэтому ее решение представляется возможным лишь в рамках достаточно продолжительных периодов;
- по мере усложнения общественных процессов задача борьбы с преступностью становится все более сложной, а поэтому ее решение требует постоянного наращивания соответствующих антикриминальных усилий;
- по мере общественного развития опасность преступности становится все более очевидной, а поэтому растет общественное внимание к проблеме преступности, преступность

становится все более нетерпимой, создаются условия для более широкого участия институтов гражданского общества и граждан в борьбе с ней;

- по мере общественного развития развенчивается миф о всеилии наказания, а поэтому нерациональное взвинчивание репрессии является не только бессмысленным, но и опасным;
- решающее значение в борьбе с преступностью имеют успехи экономического и социального характера – прежде всего, именно они способны обеспечить необратимость неуклонного и повсеместного преодоления преступности;
- успехи в борьбе с преступностью, адекватные успехам экономического и социального развития и обеспечивающие необратимость неуклонного и необратимого наступления на преступность, возможны лишь в случае целенаправленной, постоянно активизирующейся и совершенствующейся антикриминальной деятельности;
- по мере общественного развития повышаются роль и значение борьбы с преступностью как фактора данного развития, переустройства и обновления общества на началах цивилизованности и процветания;
- сужение объективных факторов преступности сопровождается некоторым расширением ее субъективных факторов, что требует их учета в правоохранительной деятельности;
- неучет этих факторов в правоохранительной деятельности влечет увеличение в структуре преступности удельного веса коррупции, финансовых и экономических преступлений, рецидивных, «молодежных», алкогольных и наркотических преступлений, преступлений организованных и профессиональных, преступлений, связанных с рынком ценных бумаг, теневой экономикой, «испытанием» досугом, негативными демографическими процессами, увеличением негативных явлений в расширяющихся международных отношениях, некоторым обострением проблем межнациональных отношений.

Закономерностями, определяющими *содержание борьбы с преступностью*, являются:

- соответствие борьбы с преступностью самой преступности;
- системный характер борьбы с преступностью, основанный на выработке стратегии и тактики данной борьбы, ее первоочередных задач, направлений, принципов, средств, методов и т.д.;
- экономическая, социальная и морально-нравственная обоснованность борьбы с преступностью;
- минимизация возможных негативных последствий данной борьбы;
- управляемость борьбы с преступностью.

Закономерности, определяющие *тенденции развития борьбы с преступностью*, таковы:

- повышение роли и значения правовых и организационных основ борьбы с преступностью;
- демократизация, гуманизация, дифференциация и индивидуализация данной борьбы;
- возрастание по мере роста субъективных факторов преступности роли правоохранительных органов в борьбе с ней;

- возрастание роли и значения в борьбе с преступностью опоры правоохранительных органов на другие государственные органы, на органы местного самоуправления, институты гражданского общества и непосредственно на граждан;
- непрерывное совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью – применительно к меняющейся преступности и складывающейся ситуации;
- необходимость постоянного повышения эффективности борьбы с преступностью;
- постоянная активизация борьбы с преступностью по всем направлениям данной борьбы;
- применение в борьбе с преступностью все более широкого спектра сил и средств;
- повышение роли и значения управленческих начал в борьбе с преступностью;
- повышение зависимости состояния преступности и правопорядка от деятельности правоохранительных органов по борьбе с ней;
- состояние преступности, ее динамика, структура и другие показатели все больше меняются в положительную сторону в зависимости от активности и качества работы правоохранительных органов;
- относительное снижение в структуре преступности удельного веса преступлений, борьба с которыми осуществляется наиболее эффективно.

Закономерности борьбы с преступностью, определяющие *принципы данной борьбы*, следующие:

- повышение роли и значения в борьбе с преступностью мер широкого социального плана, в том числе мер культурного и воспитательного характера;
- повышение роли и значения в борьбе с преступностью организованности, плановость и координированности;
- постепенное сужение пределов репрессивных мер борьбы с преступностью по мере снижения уровня преступности и позитивных изменений в качественных ее характеристиках – с одновременным расширением пределов предупредительных и сдерживающих мер;
- увеличение удельного веса фактов применения наказаний, не связанных с лишением свободы, постепенное превращение лишения свободы в исключительную меру;
- возрастание социальной активности граждан в борьбе с преступностью, а также в противодействии любому попустительству, покровительству и покровительству преступлениям;
- приток в правоохранительные органы «свежих» (здоровых) сил, в том числе из среды людей типа начальников цехов, участков, бригадиров, мастеров, прорабов, хорошо проявляющих себя в смысле социальной ориентированности – «цеховиков» в самом положительном смысле этого понятия;
- рост уголовно-политического сознания населения;
- последовательная оптимизация и рационализация борьбы с преступностью.

Закономерности борьбы с преступностью, *определяющие воздействие на лиц, совершающих преступления*, могут быть изложены, например, так:

- неисправимых преступников нет и быть не может;

- если преступник не исправляется, то это – «недоработка» общества, государства, права, правовой политики, законодательства, теории и практики его реализации, деятельности правоохранительных органов;
- возможности уголовного наказания в исправлении преступников ограничены, а поэтому они должны сочетаться со всеми иными возможностями в данной сфере, включая возможности, связанные с применением иных мер воздействия, в том числе воспитательных – в самом широком их понимании;
- исправительный эффект наказания максимален, если он сочетается с эффектом предупредительным и восстановительным;
- наказание должно быть неотвратимым в отношении тяжких и в особенности особо тяжких преступлений – что же касается иных преступлений (то есть нетяжких, а именно преступлений средней и небольшой тяжести), то стремление к обеспечению в отношении их неотвратимости наказания не только недостижимо, но и бесполезно, а во многих случаях и вредно, так как в отношении названных преступлений нередко более эффективным оказывается «суд собственной совести» – в особенности если такие преступления совершаются впервые, причем лицами, характеризующимися общей положительной ориентированностью;
- правоохранительные органы без опоры на другие государственные органы и органы местного самоуправления, на институты гражданского общества и непосредственно граждан не могут обеспечить свободу общества от преступлений – здесь требуется использование и объединение всех имеющихся в распоряжении государства и общества сил и средств.

Закономерности, определяющие *научные основы борьбы с преступностью*, таковы:

- повышение роли и значения научных основ борьбы с преступностью;
- возрастание роли и значения в данной борьбе учета ее закономерностей;
- возрастание роли и значения управленческих начал в сфере формирования и реализации научных основ борьбы с преступностью.

Познание закономерностей преступности и осуществляемых в целях борьбы с ней мер открывает новые возможности данной борьбы, способные обеспечить перспективу повышения ее эффективности. В числе их можно указать, в частности, на возможности обеспечения принципиальной необратимости преодоления преступности и позитивного изменения структурных и иных ее характеристик.

В конкретизированном виде возможности обеспечения принципиальной необратимости преодоления преступности могут быть изложены, например, так:

- повышение профессионализма сотрудников правоохранительных органов;
- повышение уровня их материально-технической оснащенности;
- повышение уровня их общей культуры.

Возможности позитивного изменения структурных и иных характеристик преступности, в частности, таковы:

- разработка стратегии и тактики борьбы с преступностью, их оптимальное сочетание, первостепенное внимание к борьбе с тяжкими и особо тяжкими преступлениями (прежде всего, насильственными и иными агрессивными), групповыми преступлениями (прежде всего, организованными), профессиональными, рецидивными и некоторыми другими наиболее распространенными и тревожными (тревожащими) преступлениями;
- опережающее воздействие на преступления с повышенной (дополнительной) криминогенностью, то есть на преступления, которые опасны не только как сами по себе, но и еще и тем, что активизируют собою и другие преступления;
- формирование некоторых новых подсистем борьбы с преступностью – например, подсистем борьбы с преступлениями чиновников, сотрудников правоохранительных органов, предпринимателей и некоторых других категорий лиц;
- установление, обеспечение и поддержание подконтрольности деятельности по борьбе с преступностью институтам гражданского общества и непосредственно гражданам.

В заключение подчеркнем, что формирование системы борьбы с преступностью, основывающейся (системы) на закономерностях как преступности, так и предпринимаемых в целях борьбы с ней мер, должно сопровождаться четкой установкой пределов данной системы. Уголовно-правовая система не должна переходить установленные ею же пределы, но она (система) должна предоставлять полную свободу действий другим системам (административно-правовой, гражданско-правовой и т.д.) для целей противодействия преступности. При этом названные другие системы не должны использовать (например, в антикриминальных профилактических или своих собственных целях) те меры, которые являются сугубо уголовно-правовыми, а именно используются для целей борьбы с преступностью.

В данной связи представляются неоправданными уголовно-правовые по своей сути размеры штрафов, установленные в июне 2012 года в административном законодательстве – для целей противодействия нарушениям порядка проведения собраний, митингов и других публичных мероприятий. Согласно классическим канонам права, штрафы в качестве административно-правовой меры должны распространяться на так называемые «карманные» деньги виновных, а в качестве уголовно-правовой меры – на их текущие доходы, то есть на доходы в пределах месячного заработка виновных. Превышение этих пределов (а это в настоящее время наблюдается не только в административном, но и в уголовном законодательстве) автоматически превращает штрафы в конфискацию имущества, которая в настоящее время, как известно – вне системы наказаний.

Литература

1. Долгополов К.А. Соотношение принципов уголовного права, уголовной ответственности и общих начал назначения наказания. Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2012. - №3. – с.115
2. Правда. 1989. 5 августа.

3. Панченко П.Н. Предмет и система научных основ советской уголовной политики (проблемы формирования и реализации теоретической концепции борьбы с преступностью в СССР. Дис. ... докт. юрид. наук. Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1990. С. 204-205.
4. Панченко П.Н. Предмет и система научных основ советской уголовной политики (проблемы формирования и реализации теоретической концепции борьбы с преступностью в СССР. Дис. ... докт. юрид. наук. Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1990. С. 206.
5. Кого из коррупционеров накажут? (редакционный материал) // Аргументы и факты. 2012. № 24. С. 47.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ
INTERNATIONAL LEGAL MECHANISMS FOR THE
PROTECTION OF CHILDREN

Родина М.Е., Ростовский (г. Ростов-на-Дону) юридический институт филиал ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, кандидат юридических наук

Rodina M.E., Rostov (Rostov-on-Don) Law Institute branch VPO "Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation", an assistant professor of business law, civil and arbitration process, PhD

e-mail: info@rui-rpa.ru

Аннотация: В статье рассмотрены механизмы защиты прав детей

Annotation: This article describes the mechanisms for the protection of children's rights

Ключевые слова: ребенок, защита прав детей, Женевская декларация прав ребенка

Key words: baby, child protection, the Geneva Declaration of the rights of children

Защита прав ребенка провозглашена в качестве основополагающего принципа в ряде международных документов. Начало современной международной унификации соответствующих норм было положено в 1924 г., когда была принята Женевская декларация прав ребенка. Она явилась первым документом, специально посвященным правам ребенка и предоставлявшим особую защиту детям независимо от расы и национальности. В ней впервые подчеркивалось, что забота о детях и их защита - это не только обязанность семьи, общества или даже отдельной страны, но и предмет заботы всего человечества[1].

Основные принципы международно-правовой защиты прав детей

Традиционно во многих подотраслях и институтах международного права дети считаются одной из уязвимых категорий. Сегодня проблемы защиты ребенка в частности и детства в целом приобретают особое значение и в межгосударственных отношениях, и в национально-правовом регулировании. Доклад ООН 2010 г. об осуществлении целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия, определяет как физические, так и общесоциальные факторы, говорящие о крайнем неблагополучии детей и семей на глобальном уровне. Так, каждый четвертый ребенок в возрасте до 5 лет в развивающихся странах по-прежнему не набирает в весе, что связано с проблемами неполноценного питания, нехваткой продовольствия, отсутствием качественных продуктов, низким качеством питьевой воды, плохим уходом за детьми, слабой инфраструктурой в области

санитарии и медицинского обслуживания. Доля детей с недобором веса является самой высокой в Южной Азии и составляет 46%[2]. Более 30 млн. детей в странах Африканского континента сегодня не посещают школьных учреждений. Состояние нищеты представляется, по мнению экспертов, основным барьером для получения образования, особенно среди девочек старшего возраста и проживающих в сельских районах[3].

Российские ученые-правоведы указывают, что "небольшой жизненный опыт, зависимость от родителей или иных законных представителей приводят к тому, что несовершеннолетний не имеет реальной возможности защищать свои права столь же эффективно, как это может делать взрослый человек. Отсюда, следовательно, возникает необходимость повышенной, по сравнению с другими субъектами права, правовой защиты законных интересов несовершеннолетних"[4]. Можно сказать, что эта же идея присуща современным принципам и нормам международного права, которые ориентированы на защиту прав детей, именно с учетом их особо зависимого от семьи и общества состояния. Всеобщая Декларация прав человека 1948 г.[5] в ч. 2 ст. 25 гласит: "Материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь. Все дети, родившиеся в браке или вне брака, должны пользоваться одинаковой социальной защитой". Статья 24 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. устанавливает право каждого ребенка без какой-либо дискриминации на такие меры защиты, которые требуются в его положении как малолетнего со стороны его семьи, общества и государства. В этой же статье закреплено право ребенка на регистрацию его рождения и получение им имени, а также на приобретение гражданства (ч. ч. 2, 3). Часть 3 ст. 10 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. также требует от государств-участников принятия особых мер охраны и помощи в отношении всех детей и подростков без всякой дискриминации, в том числе и по признаку семейного происхождения. Так, дети и подростки должны быть защищены от экономической и социальной эксплуатации; применение их труда в нравственно или физически вредных для них областях должно быть запрещено. Помимо этого, Пакт включает обязанности стран обеспечивать сокращение детской смертности и здорового развития ребенка (п. "а" ч. 2 ст. 12) и обязательного и бесплатного начального образования для всех (п. "а" ч. 2 ст. 13). Таким образом, уже первые послевоенные международные документы по правам человека предусматривают отдельное регулирование специального правового статуса детей и семей.

Необходимо обратить внимание на то, что каждое государство-участник международных договоров по правам человека само определяет, какие же меры поддержки детей и семьи будут им использоваться для реализации данных обязательств. Европейская, американская и российская модели построения семейно-брачных отношений и взаимоотношений индивида и государства по этому поводу различаются между собой. Первым двум присуще использование естественно-правовой концепции, направленной на утверждение природного происхождения неотъемлемых свобод человека, таких как право на

жизнь, достоинство, личную неприкосновенность, надлежащее обращение, семью. Поэтому для них ребенок является правоспособным уже с момента его рождения и вне зависимости от мнения родителей, что определяет приоритет его индивидуальности.

Российская модель во многом основана на общинной и социальной роли, которую играла семья исторически для своих детей, и более прочном фундаменте традиций и ценностей, которую она им передавала. Сегодня специалисты-демографы считают, что в России сложились две тенденции отношений между семьей и государством. Первая из них основана на доктрине "государства всеобщего благосостояния", которая "была настолько хорошо усвоена населением, что не исчезла даже после того, как семейная политика была сведена к минимуму". Вторая тенденция состоит в том, что в России существует и либеральная модель, "четко отделяющая частную сферу (семью) от публичной (государство)", когда семья самостоятельно компенсирует нехватку помощи со стороны государства[6]. Нужно отметить, что в идеале должны взаимодействовать обе тенденции, с тем чтобы государство выполняло только те функции семейной поддержки, которые оно обязано гарантировать согласно своим международным обязательствам, и семья не была бы предоставлена себе самой.

Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1986 г., определяет несколько общих принципов взаимоотношения семьи и государства по поводу заботы о детях:

- каждое государство уделяет первоочередное внимание благополучию семьи и ребенка (ст. 1);
- благополучие ребенка состоит в благополучии его семьи (ст. 2);
- забота о ребенке принадлежит прежде всего его родителям (ст. 3);
- при отсутствии или ненадлежащей заботе семьи на государстве лежит обязанность обеспечить ему заботу опекунов, усыновителей, воспитателей из другой семьи или специальных детских учреждений (ст. 4);
- при этом государство учитывает главным образом наилучшее обеспечение интересов ребенка (ст. 5);
- государства сами определяют эффективность национальных служб по заботе о детях и принимают соответствующие меры (ст. 7);
- ребенок всегда должен быть обеспечен именем, гражданством и законным представителем (ст. 8).

Как известно, рекомендательные нормы в международном праве не создают обязательств для государств-участников. Тем не менее вышеуказанные принципы являются основой для защиты детей, изложенной простым и понятным для компетентных властей и гражданского общества языком. Они в значительной степени применимы и к современным семейным отношениям, сложившимся в российском обществе. Ученые-социологи считают,

что "связи между детьми и родителями остаются довольно тесными. Помимо очевидной эмоциональной роли межпоколенных контактов они являются каналами передачи помощи в обоих направлениях"[7].

Российские эксперты выделяют две основные правовые формы защиты детей на национальном уровне: юрисдикционную и неюрисдикционную. К первой относятся все виды деятельности государственных органов, связанных с реализацией прав детей, которые могут быть связаны с административным или судебным производством. Под второй формой понимаются "действия граждан и негосударственных организаций по защите прав и охраняемых законом интересов, которые совершаются ими самостоятельно"[8].

Специальные принципы защиты прав детей в Конвенции о правах ребенка 1989 г.

Проблема определения возраста, в котором ребенок становится взрослым человеком, является достаточно сложной как в области физиологии и психологии, так и в правовой сфере. Юридическая наука связывает его наступление с правовым статусом лица и его дееспособностью. Конвенция о правах ребенка 1989 г. (РФ является ее участницей) в ст. 1 закрепляет норму о том, что "ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее". Налицо компромисс между системами международного и национального права по установлению возраста совершеннолетия. Е.О. Чинарян справедливо замечает: "Несмотря на то, что понятие "ребенок" рассматривается в социальном контексте, с правовой точки зрения очень важно дать определение данному термину или хотя бы обозначить его временные границы, так как ребенок как личность пользуется специальными правами, которые ей присущи только в данный период. Трудность данного определения в международном праве заключается в том, что существующие между государствами большие различия в сферах культуры, в вопросах религии, в политических, правовых системах делают невозможным дать точное определение понятию "ребенок", которое могло бы удовлетворить все заинтересованные стороны"[9].

В отличие от Кодекса о браке и семье РСФСР, который использовал термин "интересы детей", Семейный кодекс РФ 1995 г. говорит именно о правах детей, и каждый ребенок выступает при этом как субъект семейного права, участвующий на полноправной основе в семейных правоотношениях. Нужно учитывать и значение семьи либо опекунов и попечителей, ее заменяющих, в социализации детей, их адаптации к гражданскому обществу. А.М. Рабец говорит о том, что "социализация личности реально осуществляется путем совершения деятельности по обучению, воспитанию, образованию, что органично входит в процесс воспитания несовершеннолетнего... Если определять опеку и попечительство как форму устройства граждан, то под устройством следует понимать создание социального и правового благополучия, охрану прав и интересов граждан от их нарушений со стороны третьих лиц"[10].

Базовыми правами ребенка, закрепленными в Конвенции 1989 г., являются

следующие: право на жизнь, включая выживание и здоровое развитие (ст. 6); право на регистрацию после рождения, на имя и на гражданство, право знать своих родителей и получать от них заботу (ст. 7); право на сохранение индивидуальности, включая семейные связи (ст. 8); право на единство семьи и право на поддержание контактов с родителями, если это не противоречит интересам ребенка (ст. 9); право на воссоединение с семьей и выезд за пределы своей страны вместе с ней (ст. 10); право свободно выражать свои взгляды и быть заслушанным в ходе любой судебной или административной процедуры (ст. 11); право на свободу мнения, совести, религии (ст. ст. 12, 13); право на свободу ассоциаций и мирных собраний (ст. 15); право на невмешательство в частную жизнь (ст. 16); право на доступ к информации (ст. 17); право на особую защиту и помощь в случае отсутствия семейного окружения (ст. 20); право на получение статуса беженца совместно с членами семьи (ст. 22); право на здоровье (ст. 24); право на получение социального обеспечения (ст. 26); право на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития (ст. 27); право на образование (ст. 28); право на уважение своей принадлежности к национальному меньшинству (ст. 30); право на отдых и досуг, культурную и творческую деятельность (ст. 31); право на защиту от экономической эксплуатации (ст. 32)[11].

Данный перечень прав ребенка отражает многоплановые подходы к защите детей в целом: от подтверждения того тезиса, что ребенку принадлежат в равной степени все естественные, личные и частично гражданские и политические права, относящиеся к взрослому индивиду, до придания ему специальных "детских" преимуществ. Одновременно нормы Конвенции 1989 г. направлены на установление жестких запретов на такие действия в отношении детей, как: все формы физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствие заботы или небрежное и грубое обращение (ст. 19); выполнение работы, представляющей опасность для здоровья, служащей препятствием для получения образования или наносящей ущерб его здоровью, физическому, умственному, духовному, моральному и социальному развитию (ст. 32); употребление наркотических средств и психотропных веществ (ст. 33); все формы сексуальной эксплуатации и сексуального совращения (ст. 34); похищение детей, их контрабанда или торговля ими (ст. 35); пытки, жестокое или бесчеловечное обращение, смертная казнь, пожизненное тюремное заключение, незаконное лишение свободы (ст. 37); привлечение детей к участию в военных действиях (ст. 38); все другие формы эксплуатации, наносящие ущерб любому аспекту благосостояния ребенка (ст. 36)[12].

В списке строгих запретов можно увидеть применение норм уже существующих универсальных международных договоров к такому специфическому правовому институту, как защита и достойное обращение с детьми. Специалисты-правоведы оценивают Конвенцию о правах ребенка 1989 г. как "документ особого социально-нравственного значения, ибо она утверждает признание ребенка частью человечества, недопустимость его дискриминации, примат общечеловеческих ценностей и гармоничного развития личности.

Конвенция провозглашает приоритет интересов детей перед потребностями государства, общества, религии, семьи"[13]. На наш взгляд, Конвенция о правах ребенка является общепризнанной основой для формирования национального законодательства о детях и семье и обозначает международно-правовые стандарты для дальнейшей эволюции межгосударственных соглашений по защите детей в различных ситуациях.

Защита детей вне пределов государства их гражданства

Защита прав детей государством их гражданской принадлежности осуществляется как на его собственной территории, так и в пределах иностранного государства, где они могут находиться. Так, п. "h" ст. 5 Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. включает в число консульских функций "охрану, в рамках, установленных законами и правилами государства пребывания, интересов несовершеннолетних и иных лиц, не обладающих полной дееспособностью, которые являются гражданами представляемого государства, в особенности когда требуется установление над такими лицами какой-либо опеки и попечительства". Подобная норма часто включается и в содержание двухсторонних консульских конвенций. Поэтому представляется, что повседневная забота о детях, являющихся гражданами представляемого государства, с необходимостью входит в перечень должностных обязанностей консульских учреждений РФ.

Указ Президента РФ от 13 апреля 2011 г. N 444 "О дополнительных мерах по обеспечению прав и защиты интересов несовершеннолетних граждан РФ"[14] расширил список документов, удостоверяющих гражданство российских детей, для организации и оказания услуг в области здравоохранения, образования, социального обеспечения и других сферах.

Стоит отметить, что ст. 17 Конвенции СНГ о правах и свободах человека 1995 г.[15] указывает на право несовершеннолетнего лица "на особые меры защиты, требуемые его положением, со стороны семьи, общества и государства". Пункт "b" ст. 21 Конвенции о правах ребенка предусматривает возможность усыновления в другой стране в качестве альтернативного способа ухода за ребенком; при этом п. "c" данной статьи требует в таком случае применения таких же гарантий и норм, которые применяются в отношении усыновления внутри страны. В связи с этим вызывает недоумение та легкость, с которой российские органы опеки дают разрешение на иностранное усыновление детей, обладающих гражданством РФ, не получив зачастую достаточной информации о приемной семье. Удивляют также факты иностранного усыновления, которые показывают возможность быстро и без проблем изменить имя и гражданскую принадлежность российских детей, к примеру, имевшие место на территории США и Франции. Думается, что необходимо пресекать такие излишне поспешные действия усыновителей и установить систему дополнительного контроля за реализацией прав усыновленных детей в государстве их пребывания.

Минская конвенция стран СНГ о правовой помощи по гражданским, семейным и

уголовным делам тоже не может служить образцом для обеспечения эффективных мер мониторинга за приемными семьями. Нормы части III "Семейные дела" этой Конвенции направлены на регламентацию действий по усыновлению в соответствии с законодательством той страны, гражданином которой является усыновитель. При этом если усыновитель и усыновляемый ребенок обладают различным гражданством, то при усыновлении нужно получить согласие законного представителя и компетентного государственного органа и согласие самого ребенка. На этом формальные требования заканчиваются. Контроль за соблюдением прав детей после их усыновления нормами Конвенции не предусмотрен.

Гагская конвенция о защите детей и сотрудничестве в области межгосударственного усыновления[15] (РФ подписала ее в 2000 г., пока не ратифицировала) в ст. 1 устанавливает, что ее целью является создание гарантий осуществления межгосударственного усыновления только в интересах ребенка и с уважением его основных прав и обеспечение системы сотрудничества заинтересованных стран в этой области. (Армения, Азербайджан, Беларусь, Казахстан и Молдова уже являются участниками Гагской конвенции.) Представляется, что именно такой позиции должны придерживаться все проекты двусторонних международных договоров о правовой помощи по семейным делам, которые будут инициированы РФ. Защита прав ребенка на международном уровне может осуществляться в различных формах, посредством различных механизмов и различных органов и организаций. Основная проблема в этой области заключается в рекомендательном характере большинства принимаемых решений и отдаленности деятельности многих органов от реальной жизни и реальных прав конкретных лиц. Тем не менее нарастающее внимание общественности к проблемам защиты прав человека в целом и прав детей в частности является той движущей силой, которая способна повысить эффективность существующих механизмов защиты прав человека.

Литература

1. Марышева Н.И. Международная унификация в области семейного права: вопросы усыновления // Журнал российского права. 2012. N 5. С. 93 - 103.
2. Доклад ООН об осуществлении целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия. Нью-Йорк, 2010. С. 13.
3. Доклад ООН об осуществлении целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия. Нью-Йорк, 2010. С. 13.
4. Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю. Права человека: Учебник. М., 2006. С. 336.
5. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. – 1995. – 05 апреля.
6. Эволюция семьи в Европе: Восток-Запад. Сборник аналитических статей / Под ред. С.В. Захарова, Л.М. Прокофьевой, О.В. Синявской. М., НИСП. Вып. 3. С. 31.
7. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе: Сборник аналитических статей / Под ред. Т.М. Малеевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2007. Вып. 1. С. 541.

8. Маслова Н.Ф., Абашина А.Д. Детская безнадзорность и беспризорность в России: история, современность, пути преодоления: Учебно-методическое пособие. Орел, 2008. С. 110.
9. Чинарян Е.О. История создания и основные положения Конвенции о правах ребенка 1989 г. // Ученые записки РГСУ. 2010. N 4(80). С. 21.
10. Рабец А.М. Реформа законодательства об опеке и попечительстве в современной России: достоинства, просчеты, проблемы. М., 2009. С. 13.
11. Пчельников М.В. Деятельность общественных объединений в сфере экологического контроля в Российской Федерации // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2012. - № 2. – С. 102.
12. Морева Р.Б. Конвенция ООН о правах ребенка как источник международного права // Ученые записки РГСУ. 2010. N 4(80). С. 28.
13. СЗ РФ. – 2011. - N 16. - Ст. 2268.
14. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995) (вместе с "Положением о Комиссии по правам человека Содружества Независимых Государств", утв. 24.09.1993) // СЗ РФ. – 1999. - N 13. - Ст. 1489.
15. Конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления" (Заключена в г. Гааге 29.05.1993) // Международное частное право. Сборник документов.- М.: БЕК, 1997. С. 712 - 720. Конвенция вступила в силу 01.05.1995. Конвенция не вступила в силу для России.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЗАЩИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ АДВОКАТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ
PSYCHOLOGICAL AND ETHICAL FEATURES OF THE DEFENCE
COUNSEL SPEECH IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Романова В.А., РЮИ РПА Минюста России, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

Romanova V.A., Rostov Legal Institute (the Branch of Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation), the Senior lecturer in humanities, social and economic disciplines

e-mail: info@rui-rpa.ru

Аннотация: В статье говорится о влиянии убедительной речи адвоката на исход дела. Рассматриваются методы и приемы, которые широко используются для достижения поставленной цели. Поднимаются вопросы качества защитительной речи.

Annotation: The article refers to the influence of the persuasive speech of the defence counsel on the result of the proceeding. The article also considers methods and techniques that are commonly used to achieve this goal. The issues of quality of the speech for the defence are raised by the author of this publication.

Ключевые слова: ораторское искусство, адвокатская речь, психологические уловки.

Keywords: oratory, speech for the defence, psychological tricks

Оратор есть тот, кто любой вопрос
изложит со знанием дела,
стройно и изящно,
с достоинством при исполнении.
Цицерон.

Нельзя не согласиться с тем, что нет ни одной области человеческой деятельности, где плохая, малограмотная, не совсем понятная, несодержательная и скучная речь была бы по достоинству оценена.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ в гл.2, ч.1, ст.6 говорит о том, что в качестве одного из назначений уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

На защиту прав и законных интересов личности должен становиться, прежде всего, адвокат, в профессионализме которого, физическое лицо или организация должны быть уверены. Именно об этом говорится в ч.1 ст. 48 Конституции РФ, что «каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно».

В процессе оказания юридической помощи подсудимому адвокату понадобятся не только знания уголовно-процессуального законодательства, но также и владение искусством красноречия, ораторским искусством (риторикой).

Риторика – теория ораторского искусства, теория красноречия, наука об умении говорить красно, хорошо, так, как нужно в данном случае.

Речь – это не всегда способ выражения своих мыслей. Речь – показатель интеллекта, реклама способностей.

Необходимо отметить, что одной из проблем уголовного процесса в настоящее время является построение убедительной защитительной речи адвоката. Данный вопрос определяется тем, что, благодаря правильному изложению своей позиции, адвокат, во-первых, представляет интересы своего подзащитного, во-вторых, продумывает дальнейшую конструкцию судебных прений, и, в-третьих, подводит итог всему судебному разбирательству.

Немаловажными факторами убедительности речи являются также уверенность оратора в правоте своих суждений, личная убежденность в том, что сказанное истинно. Для достижения убедительности слов существуют специальные методы и приемы, которые широко используют ораторы для достижения поставленной цели.

Чтобы речь была убедительной для суда и юридически грамотной, адвокат в лаконичной форме отражает в ней всё необходимое из всего рассмотренного в судебном заседании.

При этом защитник всегда сталкивается с трудностями, обусловленными спецификой состава конкретного деяния, многообразием форм его совершения. Данные факты обязывают адвоката до своего выступления исследовать не только событие преступления, а также правильно определить структуру своей речи.

Речь адвоката способствует формированию убеждения судей и присяжных заседателей. Для этого она, прежде всего, должна быть понята составом суда, а также всеми слушателями. Значит, первое необходимое качество судебного выступления – ясность. Ясность – это умение говорить доступно, доходчиво о сложных вопросах.

Следующим элементом является точность, то есть соответствие высказывания замыслу оратора и явлениям действительности, является необходимым качеством судебной речи.

Адвокат должен хорошо знать материалы уголовного дела, о которых говорит. Понятийная точность зависит от точности словоупотребления, в частности от выбора

синонимов. Точность создается употреблением юридических терминов и клише: мотивы преступления, а не побуждения; возбудить уголовное дело, а не начать; дело выделено в отдельное производство, а не в самостоятельное; применить меры пресечения, а не принять.

Для достижения убедительности речи ораторы часто используют различные психологические уловки. В начале спора необходимо не противоречить оппоненту, иногда соглашаться с ним, после этого нанести «удар». Этот эффект, как правило, достигается при помощи фраз «С этим можно согласиться, но дело обстоит иначе», «Все это очень хорошо, однако, правильнее будет считать...». Далее целесообразно привести аргументы в поддержку своей точки зрения.

Опровержение также имеет важное значение для исхода дела. Опровержение – это логическая операция, направленная на разрушение точки зрения противоположной стороны, которая была высказана ранее, направленная на то, чтобы установить ложность и необоснованность ранее выдвинутого утверждения. Опровергнуть точку зрения противника можно при помощи проверенных фактов, которые противоречат опровергаемому суждению. Другим способом опровержения тезиса можно назвать выявление ложности следствий, которые вытекают из тезиса оппонента. Это так называемое «сведение к абсурду» того, что вытекает из тезиса. Суть такой ситуации в том, что сначала принимается позиция оппонента, затем указывается, в чем она выглядит неприемлемой, далее сводится к нелепости, и в итоге отвергается [1].

Адвокат должен дать судьям ответ на их сомнения в общем, защитник должен предложить судьям на рассмотрение и обсуждение все то, что поможет им окончательно сформировать свое мнение; все, что может отклонить судей от несогласия в утверждениями защитника.

Завести беседу с молчаливым собеседником далеко не просто, а ведь защитительная речь – именно такая беседа. Нужно уметь свою защитительную речь сделать такой беседой. Поэтому такое неприятное впечатление производит, когда защитник в суде говорит так, как будто судьи не имеют представления о содержании дела; когда защитник рассказывает судьям то, что они и так прекрасно знают; когда защитник применяет ненужные ораторские приемы; когда он пытается воздействовать на сознание судей только через их чувства; когда он усложняет стоящие перед судом вопросы, применяя квазинаучные методы, или устремляется в психологические дебри [2].

Речь защитника должна быть конкретной. Расплывчатые, не имеющие отношения к делу рассуждения делают речь не правильной, отторгают людей от дела, не вызывают интереса со стороны судей, не могут принести пользы для формирования истинного убеждения судей, а поэтому лишают ее убедительности. В речи следует говорить о конкретных обстоятельствах дела, конкретных доказательствах, делать конкретные выводы и т.д.

Таким образом, для того, чтобы речь адвоката была убедительной, необходимо соблюдать определенные законы логики, обладать умением строить логические выражения, а также владеть элементарными знаниями психологии.

Судьи доверяют защитнику только тогда, когда в нем сочетаются качества благоразумного, нравственно добропорядочного и здравомыслящего с высоким уровнем правосознания [3] человека, что нравственно-психологически предрасполагает их считаться с позицией и доводами такого оратора при вынесении решения по делу.

Адвокатская речь – одна из самых ответственных из всех речей. Ведь за выступлением судебного оратора часто стоит не просто судьба, но сама жизнь человека. Поэтому основная цель выступления оратора – юриста – воздействовать на суд, на присяжных заседателей, на аудиторию путем раскрытия новых фактов, расстановки соответствующих акцентов и главное – за счет обращения к воображению и эмоциям слушателей.

В настоящее время, в нашей стране не уделяется внимания обучению риторике юриста. Данные проблемы в образовании особенно ощутимы в деятельности адвокатов, от неадекватной речевой деятельности которых страдают публичные интересы частные интересы потерпевшего и подсудимого, особенно когда невразумительную речь произносит защитник, не владеющий ораторским искусством.

В заключении, следует отметить, что необходимо уделять большое внимание развитию культуры судебной речи и общего ораторского искусства. Основы красноречия нужно закладывать уже в период обучения детей в школе, так как именно школа должна воспитывать сознательное отношение учеников к языку.

Литература

1. Убедительность речи юриста // <http://deon.ru/ubeditelnost-rechi-yurista/>
2. Иванкина Н.Н. Основы судебного красноречия. – М.: Юристь, 2000.
3. Волков, А.А., Волков, С.А., Волкова, В.М. Темпоральное правосознание как форма индивидуального сознания // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2013. № 1(5). С. 24

УДК 343

**ТЕРРОРИЗМ – ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОГО ЗЛА
TERRORISM IS A PROBLEM OF THE MORAL EVIL**

Спасенников И.Г., Ростовский юридический институт (филиал) РПА Минюста России, доцент кафедры уголовного права и криминологии, к.ю.н., доцент

Spasennikov I.G., associate professor of the Criminal Law and Criminology Chair of Rostov Legal Institute (the Branch) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in Law, associate professor

Белянская Ю.Н., студентка 4 курса Ростовского юридического института (филиала) РПА Минюста России

Belyanskaya Y.N., the third year student of Rostov Legal Institute (the Branch) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation

e-mail: info@rui-rpa.ru

Аннотация: В статье освещается психологический аспект терроризма, его «моральная оболочка» или так называемый «человеческий фактор» при осуществлении террористических действий. Проблема актуальна для современного мира, так как борьба с терроризмом является одной из приоритетных задач безопасности государства. В документе выделены некоторые направления деятельности по противодействию терроризму, затронут вопрос о необходимости создания в России системы антитеррористического противостояния.

Annotation: In the article is the psychological aspect of terrorism, its «moral shell» or the so-called «human factor» in the exercise of terrorist activities. The problem is topical for the modern world, as the struggle with terrorism is one of the priority tasks of the security of the state. In the document highlights some of the activities on counter-terrorism, touched upon the issue of the need to create in Russia the system of anti-terrorist conflict.

Ключевые слова: Терроризм, террористический акт, психологический аспект, моральные ценности, силовые, правовые и воспитательные меры.

Key words: Terrorism, act of terrorism, psychological aspect, moral values, power, legal and educational measures.

Понятия «террор» и «терроризм» широко употреблялись во времена Французской буржуазной революции. В словаре Французской академии наук можно найти такое его определение, как «система страха». В Великобритании термин терроризм трактовался как «правление ужаса».

Согласно толковому словарю Ожегова, терроризм – это «политика и практика террора»; в словаре Даля – это устрашение смертными казнями, убийствами и всеми

ужасами неистовства. Правовое определение террористического акта в Уголовном кодексе РФ рассматривается как: совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

И это далеко не полный перечень существующих определений терроризма. Проанализировав их, не сложно прийти к выводу, что все они связаны единым смыслом – жестокость, насилие, устрашение.

Вполне справедливо в этой связи высказывание Кузиной С.И.: «Национальная безопасность России должна строиться исходя из сбалансированных интересов личности, общества и государства. Сферы интересов личности, общества и государства могут, пересекаясь, как укреплять, так и ослаблять, подрывать друг друга».[1]

Проблема терроризма в России обостряется с каждым годом, приобретая все новые и новые обороты. Как его только не называют: и «враг №1» и «чума XXI века», какие только меры не предпринимают для борьбы с ним, а его разрушительная сила не видит границ. Пока существует терроризм, невозможно установить абсолютную безопасность страны. Терроризм, как никакое другое преступление, наиболее тесно связано с глобальными социальными, политическими и экономическими противоречиями развития общества. В этой связи следует обратить внимание на психологический аспект терроризма, его «моральную оболочку» или так называемый «человеческий фактор» при осуществлении террористических действий.

Терроризм как будто эксперимент, который ставит определенная группа людей над способностью общества противостоять социальным болезням, он социально опасен, а этически неприемлем.

Надеемся, что разгадка такого феномена как терроризм заложена в самом человеке, его правосознании, моральном и нравственном восприятии процессов, протекающих в обществе, сохранении ценностей, существовавших еще в самые древние времена. К сожалению, ещё наблюдается и тенденция ослабления моральных ценностей, что приводит к таким проявлениям как терроризм, который в настоящее время превращается в некий бизнес, опутывающий всю Россию.

Определяя психологический портрет лиц, способных к совершению террористических актов, или тех, кого могут использовать руководители террористических групп для подобных деяний, необходимо отметить, что это лица, не сумевшие реализовать себя в политической сфере, но рвущиеся к власти и обладающие неким комплексом неполноценности. С ними смыкаются бандитствующие элементы, уже пролившие кровь и способные за деньги выполнить любой заказ террористических организаций.

Питают терроризм и различные группы маргиналов, отщепенцев и отбросов общества, хотя вероятность их привлечения здесь меньше. Важным источником пополнения кадров террористов являются наемники, побывавшие в разных конфликтных регионах, сражавшихся то на одной, то на другой стороне. Для их психологии важно одно: кто более заплатит, а часто они побуждаются просто «интересом убивать», «почувствовать власть над людьми», «показать свое превосходство над другими».

Не следует сбрасывать со счетов и лиц с различными психическими аномалиями, внушившими себе комплекс превосходства над другими. Надо заметить, что их деятельность стимулируется средствами массовой информации, раскрывающими не только способы и средства, используемые в террористических актах, но и популяризирующие личности их исполнителей. В психологическом плане процесс совершения террористического акта насыщен большим психологическим содержанием.

Нередко террористы испытывают «кайф» от самого процесса убийств, издевательств над жертвами, теракт является своеобразным способом снятия напряжения, нервной разрядкой. Поэтому следует обучать население соответствующему поведению в случаях, когда люди оказываются в положении заложников.

Одной из его основных психологических особенностей является демонстративность. Террористы - это люди, у которых произошло смещение понятий о смысле жизни и которые пытаются найти его в фанатическом служении идее. Средством воплощения этой идеи в жизнь они считают проявление агрессии, теракт. Возможно, они считают это героизмом, служением высокой идее, и эти действия наполняют их жизнь смыслом, которого она - в норме – лишена.

Проблема причин, психологических корней и мотивации терроризма имеет системный характер. С психологической точки зрения объективные факторы, детерминирующие все общественные процессы, находят свое социально-психологическое отражение в индивидуальном и групповом сознании в форме установок, стереотипов и доминирующих психологических состояний, которые и являются непосредственными мотивационными регуляторами поведения людей [2].

Таким образом, можно сделать вывод, что существует необходимость создать мировое сообщество психологов по разработке мер борьбы с терроризмом, так как построение психологического портрета террориста, его поведения, а главное причин, побудивших его к этому, является, по нашему мнению, важным шагом на пути к построению общества без террористических актов. Эта проблема актуальна для современного мира.

Абсолютно справедливо отмечает Долгополов К.А., который пишет: «Уголовно-правовые принципы-идеи - тесно связаны с уголовно-правовой политикой. Содержание уголовно-правовой политики включает следующие основные направления: определение принципов уголовно-правового воздействия на преступность, установление круга общественно-опасных деяний, признаваемых преступными (криминализация), и исключение тех или иных деяний из числа преступлений (декриминализация), установление характера наказуемости

общественно-опасных деяний (пенализация) и условий освобождения от уголовной ответственности и от наказания (депенатизация) и другие, связанные также с регулированием практики применения законодательства о борьбе с преступностью и с деятельностью государства по предупреждению преступлений» [3].

Как же практически реализуются меры борьбы с терроризмом? Если говорить о международных мерах, то борьба с терроризмом с 1934 года находится в центре внимания международных организаций, когда Лигой Наций был сделан первый шаг в объявлении этого явления вне закона. Известно, что с 1963 года под эгидой Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений международным сообществом было разработано 16 международных соглашений. В Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма в декабре 1994 года Ассамблеей вновь было обращено внимание на вопрос терроризма. Дополнением к этой Декларации в 1996 году было учреждение Специального комитета по терроризму. В рамках этого Специального комитета государства-члены с 2000 года также обсуждают проект всеобъемлющей конвенции о международном терроризме. Если эта конвенция будет принята, она дополнит существующую базу международных контртеррористических документов и укрепит следующие руководящие принципы, которые уже воплощены в других контртеррористических конвенциях последнего времени:

- важное значение установления уголовной ответственности за террористические преступления, с тем чтобы они стали юридически наказуемыми, а их исполнители подвергались преследованию или выдаче;
 - необходимость отмены законодательных актов, которые предусматривают исключения из такой уголовной ответственности по политическим, философским, идеологическим, расовым, этническим, религиозным или аналогичным основаниям;
 - настоятельный призыв в адрес государств-членов, с тем чтобы они принимали меры по предотвращению террористических актов;
 - подчеркивание того, что государствам-членам необходимо сотрудничать, обмениваться информацией и оказывать друг другу максимально возможное содействие в связи с предотвращением, расследованием и преследованием в отношении террористических актов.
- 25 июля 1998 г. Президентом РФ подписан Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» № 130-ФЗ. Цель закона – определение и законодательное закрепление правовых и организационных основ борьбы с терроризмом в Российской Федерации, порядка взаимодействия и координации действий субъектов, их прав и обязанностей, а также гарантии граждан, которым причиняется вред в связи с участием в проведении контртеррористических действий в результате террористических актов.

В России официально с терроризмом борется вся правоохранительная система и спецслужбы. Отряды, способные при необходимости вступить в схватку с терроризмом, созданы при всех силовых министерствах. В подчинение департамента ФСБ входят: группа

"А" ("Альфа"), группа "В" ("Вымпел"- специализируется на ядерном анти-терроре). Подразделения, готовые к схватке с террористами, созданы также при армии и полиции (отряд "Вега") и при силовых министерствах.

Главное российское подразделение антитеррора - спецгруппа "Альфа". "Альфе" часто удавалось совершать практически невозможное. Вспомнить можно многое: штурм дворца Амина в Афганистане (самую сложную задачу удалось выполнить без жертв среди советских тогда еще воинов), освобождение больницы в Буденовске, захваченной группой террористов во главе с Басаевым, когда спецназовцы несмотря ни на что (на плохую связь, нехватку времени для планирования операции, на лучшую оснащенность боевиков, на численный перевес с их стороны) спасли сотни человеческих жизней...

Самой же удачной операцией группы "Альфа" за последнее время оказалось освобождение заложников из театрального центра на Дубровке. Благодаря четко спланированной операции удалось практически невозможное: не допустить взрыва, а значит и обрушения всего здания и огромных человеческих жертв - более 750 заложников удалось спасти, однако 129 человек погибли. Бойцы "Альфы" доказали всему миру, что Россию нельзя поставить на колени.

К настоящему моменту в отряде насчитывается около 250 человек. За все время своей работы группа освободила более тысячи человек заложников в различных городах Советского Союза и России - Тбилиси, Минеральных водах, Сухуми, Сарапуле и многих других.

Что касается группы «В» или «Вымпел», информация об ее операциях не рассекречена, неизвестно ни о провалах группы, ни об удачно проведенных операциях. Известно, что она выезжала для участия в операциях в Афганистан, Мозамбик, Анголу, Вьетнам, Никарагуа. Об уровне подготовки бойцов говорит тот факт, что во время учений группа спецназовцев «Вымпела» из-под льда атаковала и захватила атомный ледокол «Сибирь». Во время реформирования ФСБ группа «Вымпел» была преобразована, и в настоящее время называется «подразделение В».

Для еще более плодотворных результатов, возможно, нужно применять как силовые, так и правовые, а также воспитательные меры. Необходимо учесть значимость каждой меры, чтобы создать в России систему антитеррористического противостояния, которую не под силу будет преломить ни одной террористической группе.

Если говорить о существующих правовых мерах по борьбе с терроризмом, то Уголовный кодекс РФ предусматривает наказания за терроризм (ст.205), захват заложника (ст. 206), организация незаконных вооруженных формирований и участие в них (ст. 208). Возможно, было бы неплохим методом антитеррора установить максимальные сроки за подобные преступления, вплоть до смертной казни непосредственно за террористический акт.

Несомненно, борьба с терроризмом – одна из приоритетных задач безопасности нашего государства. Можно выделить некоторые направления деятельности по

противодействию терроризму. Это и расширение профессиональной подготовки органов, задействованных в данной сфере, и усиление контроля за производством, оборотом и использованием огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, и пресечение финансирования террористической деятельности, а также, конечно, международное сотрудничество по вопросам противодействия терроризму.

Воспитательные меры, конечно, прежде всего, должны быть заложены в семье, как моральные ценности. Необходимо, чтобы каждый осознавал, что путь терроризма никогда не приведет к положительным результатам.

Каждый террористический акт, который происходил в России в тот или иной период времени, навсегда останется в памяти общества. Весь мир обошли кадры с таранящими башни Всемирного торгового центра самолётами, руинами взорванных жилых домов в Москве, театрального центра на Дубровке. Этот список можно продолжать достаточно долго. Полагаем, что происходившие события никого не оставили равнодушными. Для кого-то они стали настоящей трагедией.

Вывод только один – стоит задуматься всему миру о том, что никто не может предугадать, где террористы нанесут свой следующий удар и сколь страшным он будет. Это свидетельствует о том, что общество еще не выработало полноценной системы, способной полностью защитить человечество от этого морального зла, и проблема продолжает быть актуальной.

Но в то же время необходимо отметить, что попытки противостоять этому явлению, выработать систему антитеррористических мер предпринимаются постоянно. Ведется интенсивная работа, направленная на формирование общественного мировоззрения, способствующая антитеррористической просвещенности людей.

Кроме того, важно понимание неотвратимости наказания за терроризм. И результат также на лицо – только за последние пять месяцев текущего года на территории Северо-Кавказского Федерального округа уничтожено более 330 террористов и боевиков разного уровня.

Литература

1. Кузина С.И. Некоторые аспекты обеспечения национальной безопасности России. Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2012.- № 4. - С. 463
2. Пирожков В. Ф., Соснин В.А. Психологи о терроризме («круглый стол») // Государство и право. 1995. №4.
3. Долгополов К.А., Соотношение принципов уголовного права, уголовной ответственности и общих начал назначения наказания. Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2012. - №3. – с.116.

УДК 343.9

**ПРИЧИННЫЙ КОМПЛЕКС ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
CAUSAL COMPLEX OF FEMALE CRIME IN MODERN RUSSIA**

Спасенников И.Г., Ростовский юридический институт (филиал) РПА Минюста России, доцент кафедры уголовного права и криминологии, к.ю.н., доцент

Spasennikov I.G., associate professor of the Criminal Law and Criminology Chair of Rostov Legal Institute (the Branch) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in Law, associate professor

Путилина Е.А., студентка 4 курса Ростовского юридического института (филиала) РПА Минюста России

Putilina E.A., the third year student of Rostov Legal Institute (the Branch) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation.

e-mail: info@rui-rpa.ru

Аннотация: В статье раскрывается сущность женской преступности и её специфика. Изучены причины и условия совершения преступления. Предложены меры предупреждения и борьбы с женской преступностью.

Annotation: In the article the essence of female crime and the causes and circumstances of the crime. Proposed measures to prevent and reduce female crime.

Ключевые слова: Корыстные преступления, растраты, злоупотребление.

Keywords: Acquisitive crime, embezzlement, abuse of.

Под преступностью принято понимать правовое явление, которое существует в обществе, которое имеет свои характеристики и закономерности, влекущие за собой негативные последствия. При изучении преступности, как правило, выделяют мужскую и женскую.

Такая проблема как женская преступность относительно молодая. Женская преступность характеризуется определенной спецификой, именно это и позволяет рассматривать эту категорию преступлений как относительно самостоятельный элемент преступности.

Преступность женщин совершенно отличается от преступности мужчин, например, характером преступления, его последствиями, способами и орудиями совершения преступления, выбором жертвы и т.д. Преступления женщин отличаются от преступлений совершенных мужчинами большей эмоциональностью и необдуманностью, вспыльчивостью.

В данный момент рост женской преступности очевиден. Женщины сбывают наркотики, причиняют тяжкий вред здоровью, совершают экономические преступления, убийства.

Казалось бы, ещё в начале 20 века женская преступность не привлекала к себе такого огромного внимания: женщины совершали мало преступлений, и их социальная активность была совершенно невелика. Времена поменялись и функции женщин немного изменились. Особенности характеристики женской преступности определяется спецификой образа жизни женщин. В то же время эта преступность, конечно же, отражает общие закономерности преступности и ее изменений. Она выступает в качестве подсистемы общей преступности и органически с ней взаимосвязана.

Как уже было отмечено, что структура женской преступности абсолютно не повторяет мужскую, она во многом специфична и в значительной мере определяется только теми видами преступлений, которые присущи исключительно женщинам.

В структуре женской преступности преобладают корыстные преступления, а в группе корыстных – это те преступления, которые связаны с профессиональной деятельностью. На протяжении многих лет наиболее характерным для женщин было хищение государственного и общественного имущества, совершенное путем присвоения, растраты либо злоупотребления служебным положением.

Можно выделить тенденции криминализации женского пола:

- активность в экономической сфере;
- общественно-опасная преступность и её профессионализм.

Хочется обратить внимание на то, что темпы прироста числа выявленных женщин, совершавших кражи, за последние 6 лет почти в два раза выше, чем у мужчин.

Увеличивается, но незначительно, число выявленных женщин, совершивших взяточничество.

Насильственные преступления многие годы не были характерны для женщин и совершались ими, например, в семейно-бытовой сфере. Если обратить внимание на статистику, то мы увидим, что в 1992–1996 годах число женщин, совершивших такие преступления, увеличивалось, и в 1996 году каждый 14-й выявленный убийца – женщина.

У преступниц жертвами обычно становятся мужья, сожители, дети, ближайшие родственники. Мотивы могут быть различными: разрешение затянувшихся семейных конфликтов, стремление вырваться из семьи, иногда – корысть. Убийство детей – чаще в угоду сожителю и т. п.

Совершение преступлений в последние годы чаще всего связано с состоянием опьянения или с принятием преступниками наркотических средств. Из числа выявленных женщин-преступниц примерно 22–36% совершают уголовно наказуемые деяния в состоянии опьянения. И хотя преступления, связанные с использованием наркотиков, пока не приобрели еще больших масштабов, число совершающих эти преступления женщин растет [1].

Необходимо обратить внимание на тот факт, что увеличилось число преступлений среди несовершеннолетних девушек. В период с 1991-1997гг. количество преступлений среди несовершеннолетних преступниц составляло 31%.

Тяжкие преступления среди несовершеннолетних преступниц составляют 50% от числа всех преступлений.

Поведение таких девушек зачастую отличаются повышенной эмоциональностью, жестокостью и хладнокровием. Главной причиной совершения таких преступлений является плохое воспитание или полное его отсутствие. В неблагополучных семьях в 5 раз чаще вырастают дети, которые склонны к совершению преступлений. Так же нельзя не заметить то, что несовершеннолетние не боятся совершать противоправные деяния, лишь потому, что наказание предусмотрено не такое большое, как могло быть.

Полагаем, что в этой сфере нужны конкретные изменения, иначе наша страна сама будет растить преступниц и создавать для них все нужные для этого условия.

Характер совершаемых преступлений непосредственно связан с личностью самой женщины. Следует также обратить внимание на образование преступников, как правило, уровень образования женщин-преступниц всегда выше, чем у мужчин.

В настоящее время прирост женщин-преступниц с высшим образованием составляет 60-75%. Так же огромную роль для женщин играет семейное положение. Нужно подчеркнуть, что около 45% женщин в момент совершения преступлений были не одиноки. Конечно же, срок, отбываемый в местах лишения свободы, не может оказать благоприятное воздействие на семейную жизнь, очень велик процент разводов, после того, как женщины освобождаются из мест лишения свободы.

Очень часто женщины совершают преступления вместе с мужьями. Например, это могут быть хищения, мошенничество, в том случае, если они работают вместе. Очень часто бывает так, что женщина совершает сама преступление по месту работы, приносит «добычу» домой, при этом никогда не скажешь, что эта семья чем-то отличается от других. Многие мужчины, чувствуя, что женщина находится в психологической зависимости от него, пользуются этим, тем самым толкают её на совершение преступлений. Если у женщины привязанность к мужчине очень сильная, она ради него может совершить любые действия и о последствиях она не подумает.

Всем известно, что для самоутверждения и для повышения самооценки, женщинам нужны оценки со стороны и не редко именно это толкает некоторых женщин на совершение противоправных деяний, лишь для того, чтобы их заметили.

Необходимо отметить, что меньшая преступность женщин обусловлена физической слабостью и отрешенностью от общественной жизни, замкнутостью в кругу семейных обязанностей.

В настоящее время наше государство, которое не совсем оправилось от тяжелого мирового финансово-экономического кризиса, совершенно не решает вопрос, который связан с повышением уровня жизни населения, и это, конечно, негативно влияет на

формирование нравственности отдельных людей, их жизненных принципов и типов реакций на складывающиеся жизненные ситуации и даже конфликты.

Тяжёлое положение женщины и в быту: необходимость воспитания детей, приготовление пищи, отсутствие бытовых услуг государственных предприятий, ограниченный досуг. Раньше бы это объяснялось виной самого человека, если у него возникли проблемы в быту, семье развитие семьи во многом отстает от прогресса в экономике. Это отставание обусловлено общим отставанием сознания людей от изменения общественного бытия, но на сегодняшний день это уже совсем не объективно, так как источником этих проблем является общество, социальный устой, условия жизни.

Таким образом, обращая внимание на причины преступности среди женщин в настоящее время, отмечу, что их число колоссально выросло в общественном производстве, существенно ослабили главные социальные институты и в первую очередь семьи, а также социального контроля, возросла напряженность в обществе, усилились конфликты и враждебность между людьми.

Женщины стали активно участвовать в общественной жизни, это характерно даже и для тех регионов страны, где сохраняется традиционный образ жизни. В наше время они составляют примерно половину численности рабочих и служащих в сферах здравоохранения, народного образования, культуры и искусства, и других.

Последние 10 лет сформировалось мнение, что женщина, выполняя свои трудовые функции, улучшает материальное положение в семье. Вырастает её роль в решении семейных вопросов, но с другой стороны для неё открываются другие сферы, которые непосредственно связаны с материальными ценностями, что в какой-то степени провоцирует её на совершение преступлений. Всегда мало того, что ты сейчас имеешь, хочется всё больше и больше.

Многие женщины не выдерживают таких нагрузок, да и такая работа абсолютно непрестижна. Конечно же, этой работой не дорожат и могут её легко оставить, и в итоге источником получения средств к существованию становятся кражи, мошенничество, проституция и т. д.

Что же касается положения женщин на селе, то там велика доля ручного труда, плохо поставлено медицинское, торговое, культурно-бытовое обслуживание, не хватает развлечений, значительно меньше удобств в домах. Многие сельские поселения расположены вдалеке от крупных культурных центров. На селе короче продолжительность жизни, выше смертность детей и лиц трудоспособного возраста. Поэтому не странно, что женщины из деревень и поселков бегут в город, пополняя ряды городских бродяг, проституток, воровок, проявляют агрессивность, попав в новую среду и неудачно адаптировавшись в ней.

Следует отметить, что произошли социальные изменения женской природы. Эти изменения могут иметь (и уже имеют) весьма неблагоприятные последствия для общества,

его нравов, его духовной культуры, отношений между людьми. Огромный урон наносится воспитанию подрастающего поколения. Более того, мы сейчас живем в условиях, когда положение с женским трудом, женской занятостью будет еще больше и больше ухудшаться. А всё это происходит из-за того, что хозяйственный механизм вошел в противоречие с принципом социальных приоритетов. Приоритет за материальными благами, за прибылью, ориентир на повышение цен, смещают социальные цели на второй план. При отсутствии соответствующего правового механизма и при нашей плохой жизни вопрос о социальной защищенности и трудоустройстве женщин очень актуален, а так как на него должным образом не отвечают, то следовательно, обостряются конфликты.

Всем известно, что женщины наиболее остро чувствуют и переживают существующую в нашем мире напряженность, социальное неблагополучие, конфликтность, они более восприимчивы к этим событиям. Именно на них лежат важные обязанности по обеспечению семьи продуктами питания и другими благами, воспитанию детей, уходу за ними и т. д. Поэтому они всегда очень категорично реагируют на любые неблагоприятные процессы, угрожающие семье и особенно детям.

Убийство мужа, который постоянно терроризирует семью, угрожает - это одна из форм защиты, пусть и неправомерная. Из этого следует вывод, что женщина очень чувствительно относится к обидам, угрозам, унижениям и т.д. Их проще испугать и склонить к страху и тревоги.

Следует обратить внимание на то, что особо неблагополучно социально-экономическое положение молодых женщин из необеспеченных и малообеспеченных семей, которым почти закрыт доступ к модным трендам, предметам одежды, косметики и другим престижным вещам, которыми хочет обладать каждая девушка. А тот факт, что они не могут это иметь в своём распоряжении может их толкать (и толкает) на совершение краж, грабежей и разбоев, проявляемые же при этом жестокость и агрессивность.

Когда они совершают эти деяния, им кажется, что они мстят всему миру за свою несостоятельность.

Существует мнение в пользу того, что биологические особенности женщин, определяя или в некоторых случаях ограничивая количественные показатели отдельных видов преступности, не являются причинами их совершения. Но в то же время нельзя не учитывать, что женщины оказываются менее защищенными психологически от различных осложнений в их жизни. Как высказались в свое время известные авторы, «разумным отношением к этой проблеме могла бы стать так называемая «золотая середина»[2].

Нравственно-психологическая жизнь женщин отличается от нравственно-психологической жизни мужчин. Она также определяется их биологическими различиями. Рассматривая те факты, которые в итоге приводят к совершению преступлений, в первую очередь нужно учитывать характер общественной жизни женщины, то есть, все ситуации, которые возникают из-за того, что они очень заняты, а так же с характером отношений, возникающих на работе и дома [3]. Так же конфликты такого характера возникают из-за

того, что потребности женщин растут, а возможности их реализовать приближаются к минимуму. Вопросы материального характера приобретают существенное значение во время обострения различий в уровне материального обеспечения разных групп населения, особенно наступающих в очень короткий срок.

На изменениях в криминологической характеристике преступности женщин свой отпечаток оставили социальные, экономические изменения, а также изменения в духовной сфере жизни общества.

Многие считают, что женщина, существо слабое, что её можно перевоспитать, но всё что происходит вокруг, утверждает нам обратное. Если бы всё было так просто, мы бы не наблюдали то, что женщины стали совершать преступления. В проблематику профилактики преступлений нужно всматриваться глубже, если её рассмотреть, то можно с уверенностью сказать, что особое значение для профилактики преступности женщин имеет помощь семье, как бы малы не были наши возможности сейчас для такой помощи, в том числе в рамках специальных программ.

Опросы преступниц дают основания для вывода о том, что если бы такая профилактическая работа была проведена в момент возгорания конфликтной ситуации, то многие преступления не были бы совершены.

В 1995г. в Пекине состоялась конференция, которая была посвящена положению женщин. Там было предусмотрено, что нужно изменить целенаправленность бюджетных средств, для того, чтобы удовлетворять образовательные и медицинские потребности женщин, которые в этом нуждаются.

Что касается Российской Федерации, то была утверждена «Концепция улучшения положения женщин в России». Она предусматривает некоторые параграфы, которые могли бы улучшить положение женщин.

В настоящее время создаются разные по своей направленности общественные женские организации: профессиональные, по работе среди женщин, детей, в защиту семьи и т. п. Таких организаций в целом по России создано уже более одной тысячи. Набирают размах и комиссии при исполнительных органах по вопросам семьи и детства. Радует, что их активность становится заметнее, и они пытаются разработать такие мероприятия, которые помогли бы лучше адаптировать женщин к современным условиям, конечно же работа ещё не на высшем уровне, но всё к этому идёт.

В современном мире важное профилактическое значение приобретает система подготовки и переподготовки кадров. Необходимо учитывать особенности жизнедеятельности женщин разного контингента, матерей, вернувшихся после отпуска по уходу за малолетними детьми, женщин, отбывающих наказание.

Огромное количество женщин занимается предпринимательской деятельностью, и очень важно, чтобы со стороны государства была поддержка.

Необходимо учитывать, что преступления, которые совершают женщины, оказывают

на них огромное влияние. Они на это реагируют не так, как мужчины. Поэтому очень важно следить за тем, куда возвращаются женщины после тюрьмы. Большинство из них потеряли семью, разорваны отношения с детьми, профессиональные навыки потеряны. Необходимо их в кратчайшие сроки реабилитировать и возвращать к жизни.

Таким образом, при выявлении причин женской преступности считаем необходимым устанавливать негативные явления, проявляющиеся с их стороны, а так же те обстоятельства, которые порождают преступность. Этим могли бы заниматься не только правоохранительные органы, но и различные общественные организации, политические партии, женские организации и движения.

Полностью согласны с предложением Губки М.Н.: «В целях профилактики преступности женщин необходимо создавать и развивать инфраструктуры системы социальной и специальной (психологической и педагогической) помощи населению». [4]

Литература

1. Криминология: Учебник / под ред. акад. В.Н. Кудрявцева, проф. В.Е. Эминова. М.: ЦЮЛ «Щит», 2004. - 195 с.
2. Саруханян А.Р., Долгополов К.А., Обеспечение прав субъектов предпринимательской деятельности мерами уголовно-правового характера. Бизнес в законе. -2010. - №4.- с.81.
3. Криминология: Учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова. М.: ЗАО Юстицинформ, 2004.-379 с.
4. Губка М.Н. Теоретико-правовые исследования о женской преступности в современной отечественной юридической науке. // Право. Общество. Государство. Сб. научных трудов. РЮИ РПА МЮ РФ, Ростов-на-Дону. 2012. С. 325

УДК 347.91

**НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ,
ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОКУРОРАМИ ПОЛНОМОЧИЙ
В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ**
**SOME THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS
ARISING IN THE IMPLEMENTATION POWERS
OF THE PROSECUTOR IN CIVIL PROCEEDINGS**

Филимонова Е.А., РЮИ (филиал) РПА Минюста России, доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, кандидат юридических наук, доцент.

Акопова Н.С., г. Ростов-на-Дону, Прокуратура Ростовской области

Filimonova E.A., Rostov Legal Institute (the Branch of Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation), the docent of business law, civil and arbitration process Chair, candidate of law, docent

Akopova N.S., Rostov-on-Don, the Prosecutor's Office of the Rostov region

e-mail: lenarnd1008@mail.ru

Аннотация: Проанализированы некоторые теоретические и практические проблемы, возникающие при реализации прокурорами полномочий в гражданском процессе.

Annotation: Analyzed some theoretical and practical problems arising in the implementation powers of the Prosecutor in civil proceedings

Ключевые слова: прокурор, права человека, гражданский процесс

Keywords: Prosecutor, human rights, civil procedure

Проблема защиты прав человека приобретает особую значимость в период реформирования российского общества, поскольку состояние их обеспечения становится основным критерием демократичности государства, его приверженности правовым началам и общечеловеческим ценностям. Специфика проводимых правовых реформ заключается в том, что, с одной стороны, государство активно старается развивать нормативную базу, максимально пытаясь облачить все стороны общественной жизни в правовую оболочку, а с другой стороны, наше общество не успевает реагировать на такие интенсивные изменения [1]. В связи с этим в настоящее время актуальными становятся и проблемы реализации прокурорами полномочий в гражданском процессе.

Принятый в 2002 г. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) пошел по пути сужения полномочий прокурора по защите прав и законных интересов граждан в гражданском судопроизводстве, изменив соответствующим образом

круг и содержание его полномочий и основания участия в гражданском процессе. Как показала практика применения ГПК РФ, такой подход законодателя снижает возможность защиты прокурором прав и законных интересов граждан, препятствуя строгому соблюдению законности и предупреждению правонарушений.

Федеральным законом от 05.04.2009 г. № 43-ФЗ были внесены изменения в ст. 45 ГПК РФ. Указанное дополнение стало действенным шагом на пути к обеспечению полноценной защиты прокурором прав и законных интересов граждан в гражданском судопроизводстве. И все же новая редакция ч. 1 ст. 45 ГПК РФ не позволяет решить все принципиально важные вопросы по рассматриваемой проблеме.

Ограничение права на обращение прокурора в суд стало результатом судебно-правовой реформы, которая изначально была нацелена на возвышение роли судебной власти в России и стимулирование развития институтов гражданского общества. Это в целом правильный и неизбежный процесс. Однако не должны приветствоваться искусственно подгоняемые радикальные изменения законодательства, скопированные у стран с развитой демократией без учета специфики нашего российского общества, уровня его правовой культуры[2]. В России именно прокуратура с ее централизованной системой способна и должна обеспечивать в публичной сфере точное применение законов, единство законности, и неотвратимость ответственности за любое нарушение закона путем использования процессуально-правовых процедур. Такими процедурами являются конституционное, гражданское, арбитражное, административное и уголовное судопроизводства. Как справедливо отмечено М. Шакарян, в современных российских условиях, когда государство не может обеспечить реализацию конституционного положения о праве каждого на получение квалифицированной юридической помощи, в предусмотренных законом случаях – бесплатно, ограничение участия прокурора, осуществляющего правозащитную функцию в гражданском судопроизводстве, преждевременно[3].

Одна из проблем заключается в ограничении действующим законодательством (ст. 27 Закона о прокуратуре и ст. 45 ГПК РФ) круга субъектов, в защиту которых прокурор вправе обратиться в суд. По справедливому замечанию С. Бывальцевой, в этом случае получается, что и надзор может осуществляться лишь за соблюдением прав и свобод именно этих граждан, поскольку при отклонении (а то и просто игнорировании) органом или должностным лицом соответствующего акта реагирования прокурор лишен возможности обратиться в суд и восстановить нарушенное право в отношении иных граждан. Между тем очевидно, что любое полномочие по реагированию, не подкрепленное реальными мерами ответственности за неисполнение законных требований прокурора или правом обращения в суд, не может быть достаточно эффективным[4]. Более того, ограничение права прокурора на обращение в суд в защиту прав и свобод граждан, а также неопределенность формулировки ст. 45 ГПК РФ нередко приводят на практике к отказу судом прокурору в приеме заявления[5]. Предложением по устранению такой проблемы может стать расширение законодателем круга субъектов, в защиту которых прокурор вправе будет обратиться в суд.

Действующее гражданско-процессуальное законодательство и законодательство о прокуратуре порождают множество проблем в реализации прокуратурой своих правозащитных функций.

В целом Гражданский процессуальный кодекс РФ заслуживает весьма высокой оценки, он согласуется с новым правом Российской Федерации, отвечает международным стандартам в области правосудия и не должен создать особых, неразрешимых проблем в применении его судами. Тем не менее, федеральный закон «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» имеет некоторые особенности и вызывает ряд вопросов[6].

Федеральным законом о введении в действие ГПК РФ признаны утратившими силу и не подлежащими применению многочисленные законодательные акты Российской Федерации, РСФСР и СССР (ст. ст. 2 и 3). Однако в перечне этих актов нет норм Закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г, регулирующих участие прокурора в гражданском судопроизводстве (п. 4 ст. 27, п. 3 ст. 35, п. п. 1, 2 ст. 36).

Между тем некоторые положения Закона «О прокуратуре Российской Федерации» противоречат Гражданскому процессуальному кодексу РФ. Так, в соответствии с п. 4 ст. 27 Закона «О прокуратуре Российской Федерации» в случаях, «...когда нарушены права и свободы значительного числа граждан либо в силу иных обстоятельств нарушение приобрело особое общественное значение, прокурор предъявляет и поддерживает в суде или арбитражном суде иск в интересах пострадавших». В настоящее время таких полномочий по возбуждению в суде гражданских дел в защиту прав других лиц (по ГПК РФ) у прокурора нет. В силу ч. 1 ст. 45 ГПК РФ прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов РФ, субъектов РФ, муниципальных образований.

В соответствии с п. 3 ст. 35, п. п. 1, 2 ст. 36 Закона «О прокуратуре РФ» прокурор вправе вступить в дело (для дачи заключения) в любой стадии процесса, если этого требуют защита прав граждан и охраняемые законом интересы общества или государства, истребовать из любого суда любое дело или категорию дел, принести протест в апелляционном, кассационном, порядке или в порядке надзора на решение, определение, постановление суда, независимо от участия в деле. Эти положения также противоречат ГПК РФ. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 45 ГПК РФ прокурор вступает в процесс и дает заключение по делам о выселении, о восстановлении на работе, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, а также в иных случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и иными федеральными законами, в целях осуществления возложенных на него полномочий. Неявка прокурора, извещенного о времени и месте рассмотрения дела, согласно этой норме не является препятствием к разбирательству дела. Таким образом, теперь прокурор не может по своему усмотрению вступить в дело на любой его стадии (при производстве в суде

первой, апелляционной, кассационной инстанции), а также быть привлечен в дело по усмотрению суда, как это было возможно согласно ст. 41 ГПК РФ 1964 года.

ГПК РФ, исходя из конституционного принципа равноправия сторон (ст. 123 Конституции РФ), не предоставляет прокурору права на принесение протестов и истребование из судов дел. В соответствии п. п. 1, 2 ст. 36 Закона о прокуратуре прокурор вправе истребовать из любого суда любое дело или категорию дел, принести протест в апелляционном, кассационном порядке или в порядке надзора на решение, определение, постановление суда независимо от участия в деле.

Действующие федеральные законы должны быть приведены в соответствие с ГПК РФ. Согласно ст. 4 Федерального закона «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» федеральные законы и иные нормативные правовые акты, действующие на территории РФ и связанные с ГПК РФ, подлежат приведению в соответствие с Гражданским процессуальным кодексом РФ. Впредь до приведения в соответствие с ним федеральные законы и нормативные правовые акты с момента введения в действие ГПК РФ применяются в части, не противоречащей ГПК РФ (ч. 2 той же статьи). С учетом изложенного с 1 февраля 2003 г. не подлежат применению противоречащие ГПК РФ указанные выше положения Закона «О прокуратуре Российской Федерации».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что устранению соответствующих коллизий норм Гражданского процессуального кодекса РФ и Закона о прокуратуре, а также обеспечению надлежащей защиты прокурором прав и законных интересов граждан в гражданском процессе и достижению его целей будет способствовать наделение прокурора правом на обращение в суд с заявлением, а также вступление в дело на любой стадии процесса, если этого требует защита прав и охраняемых законом интересов граждан[7].

Процесс построения правового государства в России развивается не так быстро, как этого хотелось бы, и подчас противоречиво. Органы исполнительной власти за долгие десятилетия приучены к правовому нигилизму, неуважению к законам. В своей деятельности они по-прежнему нередко ориентируются на ведомственные нормативные акты, порой имеющие смысл, противоположный закону, на основании которого они были изданы. В общественном сознании также наблюдается явная недооценка права, недостаточная правовая культура, правовой нигилизм, которые порождены условиями, когда доминировали волюнтаристские, административно-командные методы управления и хозяйствования, когда пренебрегали правом «во имя высших классовых интересов», неверием в законодательные акты, которые зачастую недостаточно полно были гарантированы. Не способствуют устранению этого неверия и все еще высокий уровень преступности, нарушение принципов законности должностными лицами, в том числе и правоохранительных органов, отсутствие до сих пор надлежащего правового механизма защиты и охраны прав, свобод, чести и достоинства гражданина и личности. Практика свидетельствует, что в настоящее время особую опасность для государства и общества представляет правовой нигилизм, который исходит не только от

лиц, в той или иной мере заинтересованных в обходе закона, но и от представителей управленческого персонала, обязанных быть проводниками требований закона[8].

Изучение практики обращений прокуроров с заявлениями в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц, интересов публично-правовых образований в соответствии с ч. 1 ст. 45 ГПК РФ позволяет выявить следующее: во-первых, необходимость дальнейшего расширения сферы и активизации участия прокурора в гражданских делах, а во-вторых, особенности избрания способов защиты и применения норм процессуального права.

Так, например, Конституционный Суд РФ 27 февраля 2009 г. принял Постановление, в котором была дана негативная оценка нормам ГПК РФ, так или иначе связанным с недееспособностью граждан. Следует заметить, что прокуратура России, в отличие от судебных органов, предпринимала активные действия по защите правового статуса граждан до принятия этого Постановления.

Например, Пролетарский районный суд г. Ростова-на-Дону рассмотрел дело о признании К. недееспособной по заявлению ее сестры С. и удовлетворил его. Дело было рассмотрено в отсутствие К., не извещавшейся о времени и месте судебного заседания, с нарушением правила подсудности – в суде по месту жительства К., в то время как она в соответствии с определением суда о принудительном освидетельствовании находилась в психиатрической больнице, расположенной на территории другого района. В кассационном порядке законность решения суда не проверялась, так как К. не было известно о нем. Надзорную жалобу у нее не приняли в связи с недееспособностью. Решение районного суда было отменено судом надзорной инстанции. При новом рассмотрении дела в районном суде была назначена судебно-психиатрическая экспертиза и приостановлено производство по делу. По представлению прокурора определение о назначении экспертизы и приостановлении производства по делу было отменено в порядке надзора в связи с отсутствием необходимости в проведении экспертизы: К. работает, самостоятельна в личной жизни, живет у родственников, так как С., по заявлению которой было возбуждено дело, препятствует проживанию К. по месту ее регистрации. При рассмотрении дела по существу суду не были представлены доказательства наличия у К. психического расстройства, в связи с которым она не могла бы понимать значение своих действий или руководить ими. В итоге суд вынес решение об отказе в удовлетворении заявления о признании К. недееспособной[9]. Активная роль прокурора в предъявлении заявлений в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, т.е. круга лиц, который невозможно индивидуализировать. Изучение практики реализации права прокурора на обращение с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц выявляет ошибки в определении вида судопроизводства, состава лиц, участвующих в деле.

Так, Пролетарский районный прокурор предъявил несколько исков к юридическим лицам – частным коммерческим организациям «об обязанности представить сведения

индивидуального персонифицированного учета в системе обязательного пенсионного страхования». Третьими лицами в названных исках прокурор указал государственные учреждения – управление Пенсионного фонда Российской Федерации по Ростовской области, которым должны быть представлены сведения индивидуального персонифицированного учета. Пролетарский районный суд согласился с позицией прокурора в части определения им вида судопроизводства и состава лиц, участвующих в этих делах[10]. В силу ст. 15 Федерального закона от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» юридическое лицо или гражданин – работодатели и одновременно страхователи в системе обязательного пенсионного страхования обязаны представлять в органы пенсионного фонда сведения о работниках – застрахованных лицах[11]. Отношения, регулируемые нормами пенсионного права, – это публичные отношения, властеотношения, а не частные споры которые рассматриваются в порядке искового производства. При этом не имеет значения то обстоятельство, что ст. 245 ГПК РФ не называет пенсионные дела в числе возникающих из публичных правоотношений. Названная статья не содержит исчерпывающего перечня таких дел. Прокурор в таком деле – не истец, как, впрочем, в любом другом деле, в котором он участвует в соответствии со ст. 45 ГПК РФ. Он – прокурор. Заявителем, а не третьим лицом, в этих делах является соответствующее Управление Пенсионного фонда по Ростовской области, а юридические лица, не представившие сведения о работающих у них застрахованных лицах, являются не ответчиками, а другими заинтересованными лицами (ст. 34 ГПК РФ). Работники этих юридических лиц также являются заинтересованными лицами. Также Пролетарский районный суд г. Ростова-на-Дону рассмотрел иск прокурора, предъявленный им по результатам проверки в порядке надзора готовности к отопительному сезону ООО «Лукойл-Ростовэнерго», являющемуся поставщиком тепловой энергии по договору с ОАО «Ростовэнерго». Проверка выявила неподготовленность ООО «Лукойл-Ростовэнерго» к работе на резервном виде топлива в осенне-зимний период, в том числе на объектах социальной сферы – в школах, детских садах, жилищном фонде. Прокурор предъявил иск о понуждении ООО «Лукойл-Ростовэнерго» привести топливное хозяйство в рабочее состояние в срок до 1 сентября 2009 г. Нет сомнений в правильности определения прокурором вида судопроизводства. Оно является исковым. Однако иск прокурора направлен лишь в конечном счете на защиту прав неопределенного круга лиц – потребителей тепловой энергии. Истцом в этом деле является ОАО Ростовэнерго, ответчиком – ООО «Лукойл-Ростовэнерго». Неопределенным представляется круг третьих лиц на стороне истца. Однако иск прокурора и в такой ситуации в конечном счете предъявлен в защиту неопределенного круга лиц. Хотя возможно сомнение относительно подведомственности приведенного выше дела. Обеими сторонами в нем являются юридические лица - коммерческие организации, состоящие в гражданском правоотношении, связанном с их предпринимательской деятельностью. Участие в деле, подведомственном арбитражным судам, граждан в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования на

предмет спора, в соответствии с ч. 4 ст. 27 АПК РФ не изменяет подведомственности дела[12].

Распространенной является категория дел, возбуждаемых и рассматриваемых по заявлениям прокурора «в интересах РФ и неопределенного круга лиц», в которых по-разному формулируются требования (например, о снятии с регистрационного учета): «о признании не приобретшим право пользования жилым помещением и снятии с регистрационного учета», «о применении последствий ничтожной сделки, признании не приобретшим права пользования жилым помещением и снятии с регистрационного учета». Независимо от формулировки заявлений и отдельных особенностей этих дел суть их такова. Ответчик зарегистрирован в жилом помещении, право пользования которым принадлежит значительному кругу лиц на основании договоров, заключенных с нанимателем спорного жилого помещения не с целью проживания, а с целью последующей регистрации. В результате сложилась ситуация, когда в одном жилом помещении зарегистрировано столько граждан, что на каждого приходится 1–2 и менее кв. метров жилой площади. Естественно, ответчики не вселялись по месту регистрации. Ворошиловский районный суд г. Ростова-на-Дону отказал в принятии иска прокурора к М. в связи с тем, что прокурором не были представлены доказательства нарушения прав и свобод неопределенного круга лиц и интересов Российской Федерации. Кассационная инстанция согласилась с определением суда, дополнив аргументы суда первой инстанции указанием на то, что иск прокурора на самом деле вытекает из «частноправового спора», затрагивающего интересы конкретных (определенных) лиц. Прокурор Ростовской области обратился с представлением в суд надзорной инстанции, в котором указал на ошибочность выводов судов первой и второй инстанций. В заявлении прокурора было указано, что в соответствии со ст. 3 Закона Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места жительства в пределах Российской Федерации» целью регистрационного учета по месту жительства является не только обеспечение необходимых условий для реализации гражданином его прав и свобод, но и исполнение им обязанностей перед другими гражданами, государством и обществом. Далее прокурор назвал интересы неопределенного круга лиц и государства, которые могут быть нарушены регистрацией лиц, не проживающих по месту регистрации. В том числе прокурор указал на создание условий для противоправных действий зарегистрированного таким образом лица, затруднение контроля государства за выполнением им обязанностей перед государством, другими субъектами, искажение степени избирательной активности граждан. Президиум Ростовского областного суда отменил определения судов первой и второй инстанций, после чего Ворошиловский районный суд принял заявления прокурора города и вынес решения об их удовлетворении[13].

Как и в приведенных выше ситуациях, вызывает сомнение отнесение названных дел к исковому производству. Независимо от того, как сформулированы заявления прокурора, конечным пунктом в них является требование снять граждан с регистрационного учета.

Несмотря на обоснование, в частности, указанием на ничтожность сделок по приобретению права пользования жилым помещением, требование о снятии гражданина с регистрационного учета носит административно-правовой характер. Лица, участвующие в таком деле, – прокурор и заинтересованные лица. В таких делах нет истца и ответчика, третьего лица.

Если бы прокурор ограничил свое заявление просьбой признать недействительным договор о передаче права пользования частью жилого помещения, регистрирующий орган не мог участвовать в деле в качестве третьего лица, так как он не связан со сторонами договора частным материальным правоотношением. Вступившее в законную силу решение суда о признании договора недействительным является основанием снятия с регистрационного учета (ст. 7 Закона Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места жительства в пределах Российской Федерации»).

Можно привести множество других примеров, когда заявление прокурора, поданное в защиту неопределенного круга лиц и именуемое иском, направлено на защиту публичного интереса. Таковы, например, требования прокурора:

- обязать юридическое лицо устранить нарушения стандартов и технических нормативов при эксплуатации искусственных неровностей на улицах г. Новочеркасска;
- обязать юридическое лицо получить лицензию на право пользования недрами для добычи пресных подземных вод в г. Константиновске;
- обязать юридическое лицо разработать нормативы предельно допустимых выбросов вредных веществ в атмосферный воздух в г. Волгодонске;
- обязать юридическое лицо разместить в торговом помещении информацию о запрете реализации алкогольной продукции лицам, не достигшим совершеннолетнего возраста, в г. Батайске[14].

Приведенные выше требования прокурора явно направлены на защиту публичных интересов и не являются исковыми. Между тем изучение практики их рассмотрения судами выявило применение правил заочного производства (глава 22 ГПК РФ), допустимое лишь в исковом производстве.

Статья 46 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» предусматривает право прокурора (наряду с другими государственными органами, органами местного самоуправления, общественными объединениями потребителей) на предъявление исков в защиту неопределенного круга потребителей. Решение суда по такому иску о признании противоправными действий продавца (изготовителя, исполнителя) и прекращении этих действий имеет двоякое значение. Во-первых, оно выполняет превентивную функцию, предупреждая нарушения прав потребителей на будущее. Во-вторых, решение суда в защиту неопределенного круга потребителей имеет преюдициальное значение при рассмотрении исков самих потребителей независимо от того, что они не принимали участия в деле по иску в защиту неопределенного круга лиц.

Действующее гражданское процессуальное законодательство не предусматривает прямо право прокурора на обращение в суд с заявлением о выдаче судебного приказа по требованиям, названным в ст. 122 ГПК РФ. Однако изучение судебной практики показывает, что прокуроры обращаются с такими заявлениями, и суды удовлетворяют их. Наиболее распространенными являются приказы о взыскании начисленной, но не выплаченной работникам заработной платы, о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей и неустоек в связи с просрочкой выплаты алиментов. Однако при этом субъекты материальных правоотношений в заявлениях прокуроров именуется истцами и ответчиками, в то время как в соответствии с нормами главы 11 ГПК РФ их следует называть «взыскатель» и «должник». Судебный приказ - исполнительный документ.

В ч. 3 ст. 45 ГПК РФ установлено странное правило: «Неявка прокурора, извещенного о времени и месте рассмотрения дела, не является препятствием к разбирательству дела». Хотя на прокурора распространяются нормы ч. 3 ст. 167 ГПК РФ о праве суда рассмотреть дело в случае неявки кого-либо из лиц, участвующих в деле и извещенных о времени и месте судебного заседания, если ими не представлены сведения о причинах неявки или суд признает причины их неявки неуважительными. Правило это, очевидно, распространяется не только на прокурора, который должен давать заключение по делу, но и на прокурора, обратившегося в суд с заявлением в соответствии с ч. 1 ст. 45 ГПК РФ. Равно как на лиц, названных в ч. 1 ст. 46 и в ч. 1 ст. 47 ГПК РФ. К сожалению, вопрос о последствиях непривлечения прокурора к участию в деле вопреки положениям федеральных законов и неизвещения прокурора о времени и месте судебного разбирательства не ставится перед высшими судебными инстанциями, Генеральной прокуратурой РФ. Изучение судебной практики не позволило выявить массовые примеры отмены постановлений судов общей юрисдикции в связи с рассмотрением дела в отсутствие прокурора, не извещенного о времени и месте судебного заседания, равно как не привлеченного к участию в деле для дачи заключения по нему. И все же они есть.

Обязанностью суда в ходе подготовки дела, по которому в силу федерального закона прокурор должен дать заключение, является извещение о нем прокурора, а обязанностью прокурора – участие в таком деле. В связи с изложенным представляется неверным вывод судов, включая Верховный Суд РФ, о праве, а не обязанности прокурора участвовать в делах, названных в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ.

Участие прокурора в гражданском деле не нарушает право граждан и других субъектов на судебную защиту. Правовая позиция прокурора независимо от форм его участия в гражданском деле не может предопределять постановление суда по конкретному делу. Обязанностью суда является установление фактических обстоятельств на основе беспристрастного, всестороннего и полного исследования доказательств.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при наличии существующих проблем реализации полномочий прокурорами в гражданском процессе необходимо дальнейшее теоретико-практическое исследования в данном направлении. Одна из предусмотренных

Законом о прокуратуре мер реагирования прокурора – обращение в суд общей юрисдикции для защиты нарушенных прав и свобод человека и гражданина. Но действующее гражданско-процессуальное законодательство и законодательство о прокуратуре порождают множество проблем в реализации прокуратурой своих правозащитных функций.

Основными рекомендациями, направленными на совершенствование деятельности прокурора, являются устранение соответствующих коллизий норм ГПК РФ и Закона о прокуратуре, а также обеспечение надлежащей защиты прокурором прав и законных интересов граждан в гражданском процессе и достижению его целей, наделение прокурора правом на обращение в суд с заявлением, а также вступление в дело на любой стадии процесса, если этого требует защита прав и охраняемых законом интересов граждан.

Литература

1. Саруханян, А.Р. К вопросу об учете обыденного сознания в уголовном праве // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2013. № 2 (6). С. 174.
2. Генеральный прокурор России Владимир Устинов: государством должны править аристократы // Комсомольская правда. 2005. 25 янв.
3. Шакарян М. Гражданское процессуальное право: Учебник. М.: Проспект. 2005. С. 93.
4. Бывальцева С. Защита прав и свобод человека // Законность. 2008. № 9. С. 20-22.
5. Байкин И. Реализация права несовершеннолетнего на судебную защиту при предъявлении иска прокурором // Законность. 2008. № 4. С. 27-29.
6. Жидких А.А. Роль прокуратуры в правовом развитии России // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 6.
7. Бессарабов В.Г., Кашаев К.А. Защита российской прокуратурой прав и свобод человека и гражданина. – М.: Городец, 2009.
8. Бессарабов В.Г., Кашаев К.А. Указ. соч.С. 123.
9. Архивное дело № 2-1225/2009 // Архив Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону.
10. Архивное дело №2-1287-2009 // Архив Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону.
11. Собрание законодательства РФ. 1996. № 14. Ст. 1401.
12. Архивное дело №2-1133-2009 // Архив Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону.
13. Архивное дело №2-2257-2009 // Архив Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону.
14. Прокуратура Ростовской области. Методические рекомендации по предъявлению исковых заявлений о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и интересов социального характера. Ростов-на-Дону. 2010 // Официально не опубликовано.

УДК 343

**ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ВИНЫ В ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОМ
ПРОИСШЕСТВИИ**
THE PROBLEM OF ESTABLISHING FAULT IN ROAD TRAFFIC ACCIDENTS

*Черевко Н.В., РЮИ РПА Минюста России, старший преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин*

*Tcherevko N.V., a senior lecturer Department of Civil Disciplines the Rostov Institute of
Law of the Russian Legal Academy of the Russian Ministry of Justice*

e-mail: n.cherevko@bk.ru

*Аннотация: Статья посвящена исследованию вопроса о проблемах установления
вины в дорожно-транспортном происшествии в рамках производства по делу об
административном правонарушении.*

*Annotation: The article investigates the issue of problems of fault in a traffic accident in the
proceedings of an administrative offense.*

*Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, административное
правонарушение, установление вины в дорожно-транспортном происшествии.*

Keywords: accident, an administrative offense, establishing guilt in a traffic accident.

Дорожно-транспортное происшествие (далее - ДТП) это событие, в результате которого, имуществу лица может быть причинен ущерб или же самому пострадавшему будет причинен вред здоровью.

Гражданское законодательство предусматривает право пострадавшего на возмещение ущерба и компенсацию морального вреда. Условием предъявления таких требований является установление лица, в результате виновных действий которого имуществу пострадавшего причинен ущерб. Что касается компенсации морального вреда, то в этом случае ответственность несет владелец источника повышенной опасности, в результате взаимодействия с которым пострадавшему причинены физические или нравственные страдания.

Наличие вины в действиях лица презюмируется требованиями статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ).

Для наступления гражданско-правовой ответственности требуется наличие одновременно трех моментов: действия лица (водитель), участвовавшего в ДТП, наступление последствий в виде ущерба, и наличие причинно-следственной связи между действиями лица и наступившими последствиями. Отсутствие какого-либо из звеньев не

позволяет говорить о наличии вины лица (водителя) в дорожно-транспортном происшествии. В том случае, когда виновная сторона не признает своей вины в ДТП, наличие данной вины придется доказывать пострадавшей стороне. На практике доказать наличие вины бывает очень сложно, иногда очень дорого и практически всегда очень долго. Причина кроется в том, что единственная возможность установления вины в ДТП на сегодняшний день это обращение в суд в гражданско-правовом порядке.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее - ГПК РФ) содержит требование о том, что доказательствами по делу могут быть только сведения, полученные в предусмотренном законом порядке. На основании данных сведений суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, которые приводят стороны в обоснование своих требований или возражений против них (статья 55 ГПК РФ).

Законодатель при рассмотрении гражданских дел обязывает обе стороны представлять доказательства в подтверждение заявленных требований или возражений против них (статья 56 ГПК РФ).

Данные доказательства должны быть относимыми и допустимыми (статья 59-60 ГПК РФ).

В качестве доказательства вины в дорожно-транспортном происшествии стороны обычно предоставляют либо приговор суда, вступивший в законную силу, либо постановление по делу об административном правонарушении, по которому лицо привлечено к административной ответственности, вступившее в законную силу.

Если рассматривать указанные правовые акты, то необходимо акцентировать внимание на следующем.

Приговор суда, вступивший в законную силу, признается гражданско-процессуальным законодательством в качестве преюдициального доказательства, наличие которого освобождает сторону от доказывания, установленных приговором суда обстоятельств. Приговор суда подтверждает, что именно данное лицо совершило имевшие место действия (статья 61 п. 4 ГПК РФ).

Что же касается постановления по делу об административном правонарушении, то данный правовой акт лишь устанавливает наличие административного правонарушения, а именно: что это лицо совершило противоправное виновное действие, за которое Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КРФобАП) предусмотрена административная ответственность (статья 2.1. КРФобАП).

Законодатель определил, какие обстоятельства подлежат выяснению по делу об административном правонарушении, в том числе виновность лица в совершении административного правонарушения.

Иными словами постановление о привлечении гражданина к административной ответственности, вынесенное на основании протокола об административном правонарушении, составленного по результатам происшедшего дорожно-транспортного происшествия, свидетельствует лишь о нарушении водителем Правил дорожного движения

(далее - ПДД), допущенных им в данном ДТП.

Вина в нарушении Правил дорожного движения и вина в дорожно-транспортном происшествии – это абсолютно разные юридически значимые обстоятельства.

Получается, что ни протокол об административном правонарушении, ни постановление по делу об административном правонарушении ни содержат в себе сведения об установлении виновности лица в данном дорожно-транспортном происшествии.

Действующее в настоящее время требование об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств часто приводит к тому, что водители, в отношении которых составлен протокол об административном правонарушении, не оспаривают, вынесенное в отношении них постановление по делу об административном правонарушении. При этом они совершенно не задумываются о том, что данное постановление потерпевшая сторона предоставляет в страховую компанию в подтверждение вины данного водителя именно в ДТП, а не в нарушении ПДД. Страховая компания, устанавливая наличие страхового случая и принимая решение о выплате страхового возмещения, также исходит из доказанности этих же обстоятельств.

Водители чаще всего рассчитывают на то, что страховка по ОСАГО (обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств) покроет причиненный в результате ДТП ущерб, который пострадавшему выплатит страховая компания. И только когда сумма страхового возмещения оказывается недостаточной для покрытия суммы ущерба, и потерпевшая сторона обращается в суд с иском непосредственно к виновному лицу о взыскании недополученной суммы, водитель начинает оспаривать свою вину в ДТП.

При таких обстоятельствах суду ничего другого не остается, как привлечь к участию в деле в качестве третьего лица второго водителя, опрашивать обоих водителей, свидетелей по обстоятельствам ДТП и назначать автотехническую, а иногда и транспортно-трассологическую экспертизу.

В результате стороны несут расходы по оплате экспертизы и естественно вынесение решения по существу, и как результат реальное возмещение ущерба откладывается на многие месяцы.

Сложившаяся практика требует своего разрешения. Конечно же, требовать от законодателя изменения административного кодекса сложно.

Попытаемся разобраться, как можно решить данную проблему менее радикальными и доступными способами.

Можно было бы внести в протокол об административном правонарушении специальную графу о согласии или несогласии водителя с наличием его вины в дорожно-транспортном происшествии без проведения экспертизы. Это позволило бы сразу же при составлении протокола определить, кто виновен в ДТП, признает ли данное лицо свою вину. Учитывая низкую юридическую грамотность наших граждан, правильно было бы

расшифровать, какие последствия для водителя влечет признание им своей вины в ДТП.

В случае не признания своей вины в ДТП ни одним из водителей, работники полиции будут вынуждены проводить административное расследование и назначать необходимую экспертизу. Действующее административное законодательство в настоящее время предусматривает такую процедуру.

В результате те водители, которые не согласны со своей виной будут иметь возможность участвовать в этом расследовании сами и с участием адвокатов. Это позволит определить виновного лица в ДТП еще на стадии административного производства. В последующем, если дело будет рассматриваться в суде в гражданско-правовом порядке, суд уже будет располагать экспертизой, необходимость назначения дополнительной или повторной экспертизы суд будет решать с учетом всех представленных сторонами доказательств.

Конечно же, количество административных расследований в этом случае возрастет, как и объем работы полицейских. С другой стороны права, как граждан, так и страховых компаний будут больше защищены.

И вообще такая практика постепенно заставит и водителей, и сотрудников полиции более тщательно и взвешенно подходить к составлению документов по результатам происшедшего ДТП.

В настоящее время при решении вопроса о выплате страхового возмещения потерпевшему виновное лицо никоим образом не привлекается.

Поэтому можно рассмотреть и такой вариант, как включение в договор страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) пункта, в котором было бы прямо указано, что страховая компания выплачивает страховое возмещение за виновные действия страхователя, выразившиеся в нарушении Правил дорожного движения, приведших к дорожно-транспортному происшествию.

Подписав такой договор, страхователь будет знать, что, выплата страховщиком страхового возмещения выгодоприобретателю, презюмирует согласие страхователя на признание им своей вины именно в дорожно-транспортном происшествии (нарушении Правил дорожного движения приведших к ДТП и причинению вреда третьим лицам).

Тем самым, мы заставим страхователя возражать против выплаты страховщиком потерпевшему сумм страхового возмещения, если он привлечен к административной ответственности, но не признает своей вины в ДТП.

Сторонам придется, в этом случае, обращаться в суд для установления виновного лица в дорожно-транспортном происшествии.

Основная задача законодателя и в гражданском праве и в административном праве, это защищать права и охраняемые законом интересы граждан.

Трудно охранять права, если налицо коллизия закона.

С другой стороны сами граждане не стремятся к защите своих прав и спохватываются уже тогда, когда страховщики выплачивают потерпевшим страховые возмещения, а затраты

страховщика потерпевшего компенсируются страховщиком виновника ДТП, либо когда к ним предъявляются требования о возмещении ущерба, компенсации морального вреда.

Внесение предлагаемых изменений в документы, оформляемые при заключении договора страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств либо в протоколы о привлечении к административной ответственности позволит решить имеющуюся проблему с установлением вины в дорожно-транспортном происшествии.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть вторая : Федеральный закон от 26.01.1996г. № 14-ФЗ (в ред. от 3.12.2012) // СЗ РФ. – 1996. – 29 янв. – № 5. – Ст. 410;
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14.11.2002г. № 138-ФЗ (в ред. 14.06.2012) // СЗ РФ. – 2002. – 18 ноября. - № 46. – Ст. 4532;
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30.12.2001г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – 7 янв. – № 1 (часть 1). – Ст. 1.

УДК 93

**ЗАЛОГ И ДОМАШНИЙ АРЕСТ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРЕМЕНЕНИЯ
PLEDGE AND HOME ARREST:
PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE REFERENCE**

*Гулакова В.Ю., Северо-Кавказский Федеральный университет, к.ю.н., доцент,
доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека*

*Соловцова Е.А., Северо-Кавказский гуманитарно-технический институт,
старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности и
криминалистики*

*Gulakova V., Ph.D., North-Caucasian Federal University, associate professor,
assistant professor of legal culture and the protection of human rights*

*Solovtsova E., North Caucasus Humanitarian-Technical Institute, senior teacher of
organization of law enforcement and of criminalities*

e-mail: gsv26@mail.ru

Аннотация: Анализируются основные проблемы применения залога и домашнего ареста, поднимается вопрос о причинах не популярности рассматриваемых мер пресечения, излагаются предложения по совершенствованию норм, регламентирующих залог и домашний арест.

Annotation: Analyzes the main problems of application of bail and house arrest, the question on the reasons for popularity is not considered preventive measures set out proposals to improve the rules governing bail and house arrest.

Ключевые слова: меры пресечения; залог; домашний арест; заключение под стражу; подозреваемый; обвиняемый; уголовное судопроизводство.

Key words: preventive punishment; pledge; house arrest; detention; the suspect; accused; criminal proceedings.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ в ст. 97 называет семь видов мер пресечения, из которых залог, домашний арест и заключение под стражу являются наиболее суровыми и применяются к подозреваемому или обвиняемому только по решению суда.

В настоящее время наблюдаются тенденции гуманизации процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве, в связи с чем, актуальным является изучение проблем применения мер пресечения, не связанных с лишением свободы, применяемых по решению суда.

Альтернативой заключения под стражу традиционно признано считать залог и домашний арест. Такой вывод можно сделать из анализа нормы, предусмотренной ч. 7.1.

ст. 108 УПК РФ, где указано, что в случае отказа в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судья по собственной инициативе вправе при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 УПК РФ, и с учетом обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК РФ, избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде залога или домашнего ареста.

В отечественном уголовном судопроизводстве домашний арест и залог как меры пресечения известны давно. В разные исторические периоды, в зависимости от господствующих экономических отношений в обществе, изменялась практика применения уголовно-процессуальных мер пресечения.

Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. предусматривался домашний арест (ст. 416), который состоял в нахождении обвиняемого дома под охраной. Допускалось также ограничиться обязательством лица не покидать место жительства и снять охрану. УПК РСФСР 1922 г. (ст. 160) и УПК РСФСР 1923 г. (ст.ст. 144, 157) предусматривали домашний арест, который состоял в лишении обвиняемого свободы в виде изоляции на дому, с назначением стражи или без таковой. Таким образом, некоторый опыт применения домашнего ареста уже имел место в национальной уголовно-процессуальной практике: эта мера действовала с 1864 по 1903 г., а затем с 1922 по 1926 г. [1].

Залог в русском праве как мера пресечения впервые появилась в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., а до того в качестве схожей меры пресечения предусматривалось личное ручательство (отдача на поруки), т. е. надежное поручительство в том, что обвиняемый по преступлениям, наказуемым кратковременным арестом, денежным взысканием, выговором в присутствии суда и т. п., не скроется и станет являться в суд, когда будет приказано.

В отличие от УПК РСФСР 1922, 1923, 1960 гг. Устав уголовного судопроизводства предусматривал детальную регламентацию применения залога при производстве в мировых судах и общих судебных установлениях, при кассационном пересмотре, судопроизводстве по преступлениям и проступкам административного управления и по делам смешанной военной и гражданской подсудности (ст.ст. 77, 79 – 83, 125, 175, 416, 418, 423 – 429 и др.).

УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. в качестве имущественных мер пресечения, помимо залога, предусматривали еще и имущественное поручительство, которое состояло в получении от организации или лица, достаточно для этого состоятельного, подписки, что они обязуются уплатить известную сумму в случае неявки обвиняемого к следователю или в суд. Залог представлялся в денежной форме или в виде иного имущества, которое могло быть внесено в суд самим обвиняемым или другим лицом, или организацией в обеспечение явки обвиняемого к следователю или в суд. Сумма имущественного поручительства или залога определялась следователем в соответствии с тяжестью обвинения, с силой улик, имеющих по делу против обвиняемого, имущественным положением поручителя или залогодателя и другими обстоятельствами дела (ст. 154 УПК 1922 г., ст. 157 УПК 1923 г.).

УПК РСФСР 1960 г. предусматривал лишь то, что сумма залога определяется органом, избравшим данную меру пресечения в соответствии с обстоятельствами дела (ч. 2 ст. 99).

После введения в действие УПК РФ в 2002 году, законодатель полагал, что регламентируя нормы о залоге и домашнем аресте, они будут активно применяться и станут, как уже было сказано выше, альтернативой заключения под стражу. Однако, как показала следственно-судебная практика, должностные лица, осуществляющие производство по уголовным делам, по-прежнему отдавали предпочтение подписке о невыезде и заключению под стражу. Это было связано, прежде всего, с отсутствием в уголовно-процессуальном законодательстве правил и порядка осуществления указанных мер.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами Федеральным законом от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ [2] ст. 106 УПК РФ принята в новой редакции, а Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ [3] норма о домашнем аресте также принята в новой редакции, в соответствии с которой данная мера пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в полной либо частичной изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением ограничений и (или) запретов и осуществлением за ним контроля.

В соответствии с ч. 2 ст. 107 УПК РФ домашний арест избирается на срок до двух месяцев, а порядок его продления определяется правилами ст. 109 УПК РФ.

Однако, несмотря на то, что прогресс в уголовно-процессуальном регулировании залога и домашнего ареста налицо, правовые нормы, значительно обновившие данные меры пресечения, до сих пор не заработали в полную силу.

Говоря о залоге, следует отметить, что в ч. 2 ст. 106 УПК РФ отсутствует указание на уведомление следователя или дознавателя о ходатайстве подозреваемого или обвиняемого перед судом о применении залога. В подобной ситуации сторона обвинения утрачивает инициативу в избрании необходимой с их точки зрения меры пресечения. Кроме того, в ст. 106 УПК РФ следовало бы предусмотреть участие в суде при избрании залога стороны обвинения (следователя или дознавателя).

Также необходимо предусмотреть ограничения применения рассматриваемой меры пресечения. На наш взгляд, залог применим только к лицам, впервые совершившим преступление. Данное положение следует закрепить в ст. 106 УПК РФ, указав на запрет применения залога к рецидивистам, как это сделано, например, в ст. 73 УК РФ. Федеральным законом РФ от 16.10.2012 года № 172-ФЗ [4] в ст. 73 УК РФ внесены изменения, касающиеся, в частности, запрета назначать условное наказание рецидивистам.

Возникает ряд вопросов в ходе применения нормы о домашнем аресте (ст. 107 УПК РФ). Во-первых, в новой редакции ст. 107 УПК РФ отсутствует упоминание об основаниях применения домашнего ареста. В ч. 3 ст. 107 УПК РФ действующей редакции указано, что домашний арест применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого по решению

суда в порядке, установленном ст. 108 УПК РФ. В предыдущей редакции ст. 107 УПК РФ в ч. 2 отмечалось, что домашний арест в качестве меры пресечения избирается в отношении подозреваемого или обвиняемого по решению суда при наличии *оснований* и в порядке, которые установлены статьей 108 УПК РФ.

Это означает, что теперь для избрания меры пресечения домашний арест достаточно общих оснований, указанных в ст. 97 УПК РФ и не требуется специального основания, указанного в ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Учитывая то, что домашний арест предполагает как частичную, так и полную изоляцию от общества в жилом помещении и является альтернативой заключения под стражей, на наш взгляд, не следовало законодателю исключать специальное основание, присущее именно этим двум мерам пресечения – подозрение или обвинение в совершение преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения.

Во-вторых, в соответствии с ч. 7 ст. 107 УПК РФ, суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого и фактических обстоятельств при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения может ему запретить и (или) ограничить: 1) выход за пределы жилого помещения, в котором он проживает; 2) общение с определенными лицами; 3) отправку и получение почтово-телеграфных отправлений; 4) использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет. В зависимости от тяжести предъявленного обвинения и фактических обстоятельств подозреваемый или обвиняемый может быть подвергнут судом всем запретам и (или) ограничениям, перечисленным в ч. 7 ст. 107 УПК РФ, либо некоторым из них.

Отсутствие в законодательстве четко прописанных оснований применения к лицу конкретного ограничения или запрета приводит к тому, что фактически суд на свое усмотрение применяет ограничения или запреты к подозреваемому или обвиняемому. К сожалению, не единичны случаи применения домашнего ареста, например, к лицу, совершившему преступления экономического характера, в отношении которого суд применяет ограничения, не мешающие ему осуществлять свою профессиональную деятельность. В таких случаях мера пресечения не выполняет своего основного назначения. По ходатайству следователя или дознавателя, в производстве которого находится уголовное дело, ограничения могут быть изменены судом, но на это нужно время. Это является одной из причин предпочтения, которое следователи и дознаватели отдают заключению под стражу.

Таким образом, в целях активизации применения домашнего ареста в качестве меры пресечения следует законодательно закрепить основания применения судом конкретных ограничений и запретов. При этом основания могут быть разграничены по тяжести

совершенного деяния, по виду совершенного преступления, учитывать особенности личности подозреваемого, обвиняемого.

Литература

1. Российское законодательство X – XX веков: в 9-ти томах. Т.9 / под ред. О. И. Чистякова. - М.: Юридическая литература, 1984 – 1994.
2. Федеральный закон от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации от 12 апреля 2010 г. - № 15. - Ст. 1756.
3. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации от 12 декабря 2011 г. - № 50. - Ст. 7362.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 16 октября 2012 г. № 172-ФЗ «О внесении изменения в статью 73 Уголовного кодекса» // Российская газета № 240, 18.10.2012.

УДК 340.13

**ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
PLANNING AS A FORM OF SALES EXECUTIVE POWER**

Труфанов М.Е., профессор кафедры административной деятельности и организации деятельности ГИБДД Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор

Trufanov M.E., professor of administration and organization of the traffic police Krasnodar University of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor

Аннотация: В статье представлена точка зрения автора о том, что планирование обладает специфическими признаками формы государственного управления, однако, в силу отсутствия нормативности и преимущественного организационного содержания может рассматриваться только как неправовая форма.

Annotaton: The point of view of the author is presented in article that planning possesses specific signs of a form of public administration, however, owing to lack of a normativnost and the primary organizational contents can be considered only as an unlawful form.

Ключевые слова: государственное управление, планирование, плановый акт, правовая форма реализации исполнительной власти, неправовая форма реализации исполнительной власти.

Keywords: public administration, planning, planned act, legal form of realization of executive power, unlawful form of realization of executive power.

Государственная управленческая деятельность всегда обретает определенное внешнее выражение (форму), и таким образом как бы опредмечивается. Формы управленческой деятельности - реальные, видимые, фиксированные проявления деятельности субъекта управления. Функционирование исполнительных органов государственной власти и местного самоуправления реализуются в конкретных действиях и решениях, которые имеют свое внешнее выражение. Под формой реализации исполнительной власти в административно-правовой литературе понимается внешне выраженное действие органа исполнительной власти, осуществляемое в рамках его компетенции и вызывающее определенные социально-значимые последствия. Другими словами, форма реализации исполнительной власти характеризует, то каким образом проявляется властная деятельность органа исполнительной власти в отношении других

субъектов публичных отношений. Всякая форма включает в себе совершение конкретными субъектами определенных действий, которые специфическим образом раскрывают содержание управленческого воздействия.

Формы реализации исполнительной власти обеспечивают возможность реализации управленческих функций и мероприятий практически во всех сферах и отраслях государственной и общественной жизни. Многообразие задач и функций исполнительных органов государственной власти и местного самоуправления обуславливает существование различных форм реализации их полномочий, которые предусматриваются в законах и подзаконных нормативно-правовых актах. При этом орган управления или его должностное лицо не лишены возможности действовать по своему усмотрению: в каждом конкретном случае, для решения стоящей задачи, они могут творчески подходить к выбору подходящей формы реализации своих полномочий.

Вид конкретной формы деятельности определяется характером действий исполнительных органов по осуществлению возложенных на них функций. В одних случаях данные действия влекут за собой юридические последствия, в других - нет.

Традиционно принято выделять: правовые формы, посредством которых устанавливаются нормы права, фиксируются управленческие решения и действия, имеющие юридический смысл и неправовые, организационные формы, посредством которых фиксируются и осуществляются определенные индивидуальные либо коллективные действия (оперативно-организационные мероприятия, материально-технические операции). К признакам исполнительной власти, наряду с универсальностью и предметностью относиться организующий характер.

Далеко не все специалисты, обратившиеся к вопросу форм реализации исполнительной власти, рассматривают планирование как форму. В крайнем случае, его сохраняют для рассмотрения в самостоятельном разделе или главе, тем самым оставляя место для вопроса. А есть ли основания считать планирование правовой или неправовой формой?

Планирование работы органа исполнительной власти по основным направлениям деятельности осуществляется на основе Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, Бюджетного послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, программы социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу и плана действий Правительства Российской Федерации по ее реализации, Сводного доклада о результатах и основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации, плана законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации, планов заседаний Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов Российской Федерации. Оно применяется в целом ряду видов управленческой деятельности. Круг проблем, с которыми сталкиваются органы исполнительной власти, очень велик, и поэтому к планированию в разных ситуациях подходят по-разному. В литературе даются различные

формулировки планирования:

- это процесс определения соответствующих будущих действий через последовательность выборов этих действий;
- это научное предвидение и формирование программ;
- это процесс подготовки решений для осуществления последующих действий, направленных на достижение целей возможными средствами.

Организация работы по планированию имеет особое значение для органов исполнительной власти всех уровней. План - это специальный акт управления. Например, в Положении о стратегическом планировании и контроле в органах исполнительной власти Ярославской области даже записано, что документ долгосрочного стратегического планирования (т.е. план) – это правовой акт, утверждаемый Правительством области, содержащий решения относительно развития области в целом, отдельных территорий, отдельных социальных и экономических отраслей, отдельных функций органов власти. Однако, несколько сбивает с толку заявленное в том же Положении определение, согласно которому Программа Правительства области на среднесрочный период - это нормативный правовой акт, утверждаемый Правительством области на период от 3 до 6 лет), являющийся документом среднесрочного стратегического планирования и служащий основанием для разработки областных целевых и региональных программ, содержащий. Другими словами, план выступил в качестве нормативного правового акта.

Безусловно, существо и содержание любого плана составляют плановые показатели, но они не являются правилами (нормами). Они всегда должны быть адресными, рассчитанными на установленный срок, иметь организационное значение. А так же они исчерпываются однократным (возможно продолжительным) исполнением и силу теряют по истечении планового периода независимо от исполнения. Утверждение плана формирует особую творческую атмосферу в коллективе: повышает ответственность руководителя и исполнителей; создает конструктивную напряженность, оказывает организующее воздействие. В доказательство тому, можно привести Распоряжение от 11 июля 2011 года, утвержденное Правительством Тюменской области «О порядке планирования работы органов исполнительной власти Тюменской области». Среди основных видов планов (два из трех) имеют организационное значение. Это план организационных мероприятий органов исполнительной власти Тюменской области на месяц и план организационных мероприятий органов исполнительной власти Тюменской области, проводимых с участием Губернатора области.

Учитывая, что правовые формы всегда влекут за собой четко выраженные юридические последствия, а деятельность субъектов государственного управления всегда юридически оформлена как требуется для реализации компетенции каждого конкретного государственного органа, у нас есть основания утверждать, что планирование не является правовой формой. В подтверждение тому отметим следующее:

- элементы плана не изменяют и не отменяют норм права. Плановый акт принципиально отличается от нормы права: в нем нет и не может быть гипотезы;

- содержание плана органически сочетается с ресурсным обеспечением возможности его исполнения;

- он не обеспечен сам по себе санкциями;

- и наконец, приобретает обязательную силу после утверждения в виде определенной системы показателей.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
HISTORICAL SCIENCE**

УДК 94 (47+57)

**ЭТНОДЕПОРТАЦИЯ КАК ФОРМА НАСИЛЬСТВЕННОЙ МИГРАЦИИ
НАСЕЛЕНИЯ И СРЕДСТВО УКРЕПЛЕНИЯ СТАЛИНСКОЙ МОДЕЛИ
ТОТАЛИТАРИЗМА**

**ETHNIC-DEPORTATION AS A FORM OF VIOLENT MIGRATION OF PEOPLE AND
METHODS OF STRENGTHENING OF STALIN'S FORM OF TOTALITARIANISM**

Лагутин М.С., Ростовский юридический институт Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, кандидат исторических наук

Вагапов М.Р. Ростов-на-Дону, Ростовский юридический институт Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, студент 3 курса заочной формы обучения

Lagutin M.S., PhD historical science, the assistant professor of the Chair of humanitarian of federal public budgetary educational institution of higher education «The Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation»

Vagapov M.R., the third year student of Rostov Legal Institute (the Branch) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation

e-mail: rostovchik@list.ru

Аннотация: кратко освещена одна из форм укрепления сталинского тоталитарного режима – депортации, показаны отвратительные методы её осуществления в отношении ряда народов нашей страны.

Annotation: The article examines one of form of strengthening of Stalin's totalitarian regime – deportation. Cruel methods of its realization concerning the series of nations of our country are presented.

Ключевые слова: репрессии, враг народа, геноцид, спецпереселенец

Key words: repression, enemy of the people, genocide, special-settler.

Любая форма тоталитаризма имеет общие черты, но основной задачей этого отвратительного политического режима является самосохранение и самоукрепление. С этой целью сталинизм активно, и, не без успеха, осуществлял как индивидуальные, так и

массовые политические репрессии. Позорными были преступления органов правопорядка и госбезопасности против отдельных, часто незаурядных, личностей, постыдной являлась попытка осуществления геноцида в отношении казачества, поволжских немцев, поляков, крымских татар, турок-месхетинцев, прибалтийских, кавказских и других народов нашей страны.

Внутреннюю политику сталинизма, в упрощенной форме, можно ёмко выразить словами: «режиму плохо, когда согражданам хорошо». И чтобы жизнь народам СССР «не казалась мёдом», а становилась всё «лучше и веселей», Коммунистическая партия, лично, товарищ Сталин, Правительство страны, слуги народа, принимали и утверждали, а карательные органы всегда, довольно успешно, осуществляли решения о депортации соотечественников, для которых, собственно, и строилось светлое будущее.

Эти печальные мероприятия стали проводиться сразу же после Октябрьского (1917 г.) переворота большевиков. Народы Северного Кавказа, интегрировавшись в новый общественный строй, как и другие этнические общности нашей страны, стремились к реализации собственных интересов, выражению и защите национального быта, традиций. Но решение этих задач, в условиях жёсткой административно-командной системы управления, было затруднено: не учитывалась национальная специфика и веками сложившийся образ жизни. На почве остроты земельных отношений между казачеством, другими этническими группами и партийно-советскими органами власти возникало, мягко говоря, недопонимание. Одними из первых, ужасающим актам преследования, подверглись казаки. Генсек успешно «разделял и властвовал» миллионами человеческих судеб и жизней.

Народы и этносы южного региона, первыми выразили нежелание изменять прежний уклад. Решение спорных вопросов носило конфликтный характер. Ожесточенное сопротивление казаков нововведениям Советов закончилось проведением репрессивных мер со стороны большевиков.

В первые послеоктябрьские годы, в принудительном порядке, выслались десятки тысяч казаков. Неоценим моральный ущерб, а материальный составлял сотни миллионов золотых рублей. Обещания по возмещению убытков, частично, были выполнены ...по прошествии более 70 лет, то есть, жизни трёх поколений!

Продолжительное время стабилизировать ситуацию не удавалось. Осложняла её установка ЦК РКП (б) - не допускать никаких компромиссов, никакой половинчатости в отношении казачества. Весной 1920 г. подверглись переселению около 9 000 семей казаков - сунженцев. В конце октября 1921 г. та же участь постигла дополнительно 15 000 казаков. И.В. Сталин замечал: "Недавнее восстание казаков (осень 1920 г.) дало подходящий повод и облегчило выселение, земля поступила в распоряжение чеченцев" [1]. Какая неподдельная забота о малоземельных горцах! Нет! Это старая, как мир, политика всех тиранов создания, усиления и использования противоречий, различий или разногласий между двумя или более сторонами для контроля над ними.

Земли приходили в упадок и запустение. Не «доходили» до Советского руководства на далёком Кавказе высочайшие распоряжения о земельной рокировке.

Социалистическое переустройство сельского хозяйства в конце 20-х — в начале 30-х гг., сопровождавшееся проведением коллективизации, отрицательно отразилось и на жизни не выселенного казачества. В ходе второй волны репрессий десятки тысяч казаков - "кулаков" были депортированы на Урал, в Сибирь и Среднюю Азию. Из спецконтингентов юга России создавались целые страницы. Казаки-выселенцы передавались хозяйственным организациям, использовались на кирпичном производстве, лесоповале, рудниках, в дорожном строительстве, мелиорации. Их адаптация в новых регионах протекала довольно сложно. Одновременно, разрабатывались комплексы нормативных актов, регламентирующих пребывание в ссылке. Все они были нацелены на вечное закрепление в новых местах расселения выселенных граждан. Не содействовала правовому положению спецпоселенцев и принятая 5 декабря 1936 г. Конституция СССР. Ответной реакцией стало массовое бегство из "кулацкой ссылки". С 1932 г. по 1940 г. 629042 человека покинуло места определённые для проживания, возвращено - 235120. Режим содержания казаков ужесточался, а возвращение политических прав поселенцам усложнялось.

Основными причинами переселения народов и групп населения в 20-е – 30-е гг. прошлого века являлись:

- 1) выступления против колхозного движения, идейных установок партийных и советских органов;
- 2) превентивные основания.

В период Великой Отечественной войны:

- 1) поддержка внедрявшегося нового немецкого режима и участие в бандповстанческом движении определённой части населения;
- 2) отдельные случаи оказания помощи немецким оккупантам.

Насильственное выселение народов и этносов, хотя и имело многовариантность, но проводилось по единому сценарию, а формы и методы не блистали разнообразием.

С репрессиями в отношении казаков, крестьян - единоличников, середняков, а тем более кулаков, всё, по мнению партийного, руководства, понятно. Раз «социально чуждые элементы» жили зажиточно (по меркам того времени), «не пухли от голода» и не прозябали в нищете - добро пожаловать в «солнечный Магадан», Сибирь, Среднюю Азию. Безусловно, вместе с семьями. Если родственник служил в РККА, правоохранительных органах или госбезопасности, он присоединялся к депортированным, лишаясь званий и наград. Тезис о презумпции невиновности предавался забвению.

Примечательно, что трагические акции были приурочены к праздничным датам Советского государства - Дню Красной Армии или годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Каждая операция по переселению тщательно подготавливалась и имела, так называемую, юридическую основу. Принимались необходимые постановления, указы органов государственной власти. Общее руководство возлагалось на ГКО, НКВД СССР, Отдел по борьбе с бандитизмом, Управление НКВД по краям, областям и автономным республикам, Отдел по спецпереселениям.

В свете современного развития исторической и юридической науки, определённый интерес представляет процесс выселения вайнахского народа, на котором, хотелось бы остановиться несколько поподробнее.

Первым «звоночком» к организации спец. мероприятий стала короткая, но ёмкая речь Л. Берия, который, в мае 1942 г., на Бюро Чечено – Ингушского обкома ВКП (б), пригрозил навсегда «изгнать чечено – ингушский народ с кавказской земли», если местные коммунисты не восстановят, якобы, «свергнутую» Советскую власть в республике [2]. Такое заявление он бы не сделал без одобрения и команды «фас» сверху. Ведь не одно решение, в те годы, не принималось без ведома Отца народов.

Озвучено это одобрение было 11 февраля 1943 г., когда И.В. Сталин вынес вопрос о ликвидации Чечено – Ингушской АССР и о повсеместном выселении вайнахов на заседание Политбюро ЦК ВКП (б) [3]. В июньском номере журнала «Родина» за 1990 г. приводился текст документа - выборки из протокола этого заседания. Судя по источнику, все члены Политбюро и ЦК ВКП (б), как и было заведено, поддержали Генсека. А.А. Андреев, Н.А. Вознесенский, А.А. Жданов, В.М. Молотов высказались за немедленную ликвидацию Чечено – Ингушской АССР, а Л.П. Берия, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, Н.С. Хрущев – за то, чтобы депортацию провести, но после изгнания немцев. А.И. Микоян не был против выселения, но полагал, что это может навредить репутации Советского Союза за рубежом [4]. В конечном счёте, решили, что с депортацией следует подождать до того времени, пока войска вермахта не будут оттеснены подальше от этой «неспокойной» кавказской республики.

Показателен и следующий факт, ошеломивший всех жителей республики. В начале марта 1942 г. распоряжением партии и правительства был отменён призыв чеченцев и ингушей на службу в РККА, а, следовательно, на войну. Т.е. вайнахи, неожиданно для себя и вопреки всякой логике, были лишены конституционного права защищать свою Родину.

Апофеозом этой жестокой и нечистоплотной кампании, которую целенаправленно проводили Сталин, Берия и подвластные им карательные органы, явились постановления Совнаркома СССР от 14 октября 1943 г. «О депортации чеченского и ингушского народов» и Государственного Комитета Обороны СССР от 31 января 1944 г. «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской АССР».

Исследователи подсчитали, что в целом переселение чеченцев и ингушей обошлось стране, находившейся в состоянии войны, в 150 миллионов рублей, на которые можно было построить около 1000 танков «Т-34» [5].

29 января 1944 г. была утверждена Инструкция о порядке проведения выселения чеченцев и ингушей, в преамбуле, к которой, говорилось, что «выселению подлежат все жители Чечено-Ингушетии по национальности чеченец и ингуш» [6].

31 января Л.П. Берия доложил на заседании ГКО СССР о полной готовности к началу операции по депортации вайнахского народа в Казахскую и Киргизскую ССР. И.В. Сталин одобрил принятые меры и назначил дату начала переселения – 23 февраля 1944 г. Решение ГКО было немедленно доведено до сведения членов ЦК ВКП (б), СНК СССР, ЦК КП Казахстана и Киргизии, а также СНК этих республик. Спецсвязью была послана информация о принятом решении в Чечено – Ингушский обком ВКП (б) и Совнарком республики. По требованию Сталина, об этом, в республике узнал лишь ограниченный круг лиц: секретари обкома, Председатель Президиума Верховного Совета ЧИАССР, Председатель СНК республики, наркомы НКВД, НКГБ и Прокурор. 20 февраля в Грозный прибыло высшее руководство НКВД СССР во главе с Берией, Он и четыре главных помощника: комиссары госбезопасности 2-го ранга, генерал-полковник Б.З. Кобулов, С.Н. Круглов, И.А. Серов, и командующий внутренними войсками страны генерал-полковник А.Н. Апполонов, получили, на время проведения операции, практически всю полноту власти в Чечено-Ингушетии. Предусматривалось привлечь к этой операции и остальных руководителей карательных органов: наркома НКГБ, комиссара госбезопасности 1-го ранга, генерала армии В.Н. Меркулова, начальника ГУРК «СМЕРШ», комиссара госбезопасности 2-го ранга, генерал-полковника В.С. Абакумова.

Для проведения данного «гос. мероприятия», получившего наименование «Чечевица», использовались войска НКВД, уже «отличившиеся» в аналогичных акциях по депортации карачаевцев и калмыков.

Л. Берия, ежедневно докладывал лично Сталину о подготовке акции. Иосиф Виссарионович, как всегда, внимательно наблюдал...

Согласно постановления ГКО СССР № 5073 сс от 31 января 1944 г., подписанного заместителем председателя ГКО В.М. Молотовым, предусматривалось «направить в феврале-марте с.г. для расселения в Казахскую ССР спецпереселенцев до 400 тысяч человек и Киргизскую ССР – до 90 тысяч человек... Расселение спецпереселенцев производить с учётом их трудоустройства» [7].

За несколько месяцев до событий 150 тысяч чекистов и военнослужащих, под видом пехотных и артиллерийских подразделений, прибывших с фронтов на отдых, были расквартированы по всей территории Чечено-Ингушетии.

Ранним утром 23 февраля 1944 г., в частях и подразделениях НКГБ и НКВД, прозвучал радиосигнал «Пантера»: приступить к повсеместной депортации населения. Под предлогом всенародного празднования дня Красной Армии в городах и аулах республики мужчин созывали на митинги и сходы. Как только сбор состоялся, они были окружены и заслушали Приказ ГКО о депортации. После обыска людей стали отправлять на ближайшие

железнодорожные станции для отправки на восток. Одновременно, во все дворы, были направлены солдаты, которые приказывали оставшимся в домах старикам, женщинам, детям, в течение 10 – 15 минут собраться и направиться на соседнюю станцию. На равнине Чечни за несколько часов были расстреляны сотни беззащитных людей, в основном, тех, кто не мог передвигаться. Расстреливали по любому поводу, например, за неправильно понятый приказ, зачитанный по-русски, хотя многие языка не понимали. По свидетельствам современников, ещё хуже обстояло дело в горных районах. Так, 27 февраля 1944 г., в высокогорном ауле Хайбах, были расстреляны и сожжены заживо жители нескольких селений и аулов Галанчожского района в количестве более 700 человек» [8].

С началом мероприятия Берия докладывал Сталину: «Сегодня, 23 февраля, на рассвете начали операцию по выселению чеченцев и ингушей. Выселение проходит нормально. Заслуживающих внимания происшествий нет. Имели место 6 случаев попытки к сопротивлению со стороны отдельных лиц...». А через несколько дней, он же, информировал Вождя: «...В проведении операции принимали участие 19 тысяч оперативных работников НКВД – НКГБ и СМЕРШ и до 100 тысяч офицеров и бойцов войск НКВД, стянутых с различных областей, значительная часть которых до этого участвовала в операциях по выселению карачаевцев и калмыков и, кроме этого, будет участвовать в предстоящей операции по выселению балкарцев...» [9]. Лаврентий Павлович не скрывал, что использовал, ранее накопленный опыт, для экономии средств!!!

180 эшелонов набитых растерянными, ничего не понимающими горцами, мчали в холодные степи Средней Азии. При большом скоплении народа в вагонах, антисанитарных условиях следования тысячи людей заболели и умерли в дороге. Трупы категорически запрещалось хоронить. Данный запрет унижал человеческое достоинство, противоречил религиозным нормам.

14 марта 1944 г. Л.П. Берия отчитался перед Политбюро ЦК ВКП (б) об «успешно проведенной операции» по выселению чеченцев, ингушей и других народов, по итогам которой многие получили государственные награды. Были награждены: орденами Суворова и Кутузова различных степеней – 30 человек, орденами Красного Знамени – 79 человек, Отечественной войны 1-й степени – 47 человек, 2-й степени – 61 человек, орденом Красной Звезды – 120 человек, медалью «За отвагу» – 258 человек, медалью «За боевые заслуги» – 111 человек.

Парадокс заключается в том, офицеры и солдаты, получали высокие **боевые** (!) награды за то, что расстреливали членов семей воинов – вайнахов, которые сражались на передовых различных фронтах Великой Отечественной войны против немецко – фашистских оккупантов. Многие меняли имена и фамилии, национальность, т.к. поступило распоряжение об отзыве из армии чеченцев и ингушей, с последующим препровождением их в ссылку. Часто командиры не выполняли этот приказ и укрывали своих бойцов – вайнахов, с которыми прошли самые суровые годы боёв. Так было с М. Висаитовым, известным разведчиком из отряда Д. Медведева А. Цароевым и другими.

Депортированных расселили: в Киргизии – 88 649 спецпоселенцев, в Казахстане 402 922 человек» [11].

В первые же месяцы выселения от болезней, голода и холода погибли 70 тысяч человек. С 23 февраля 1944 г. по 1957 г. потери чеченцев и ингушей составили более 200 тысяч человек. Отдельные авторы называют и другую цифру – почти 300 тысяч [12].

В период депортации «в целях укрепления режима поселения для высланных... чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и пр. установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства.

За самовольный выезд (побег)... виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ» [13].

Важно подчеркнуть, что Сталин и Берия не делали исключений из общего правила: выселялись все представители данного народа - колхозники, рабочие, творческая интеллигенция, руководство республики и, даже, Герои Советского Союза...

Не менее важным наказанием, чем сама депортация, стало формирование общественного мнения в стране. Перед прибытием к местам, определённым для проживания спецконтингента, местных жителей активно «информировали» о приближении генетико-паталогических убийц, бандитов, педоканнибалов и т.п. Но пропагандистская машина была сломана мудростью народа, который быстро разобрался и убедился, что кавказцы - изгой трепетно относятся к общечеловеческим ценностям, а понятия чести, совести, уважения к старшим, гостеприимства являются доминирующими в национальных культурах горцев.

Однако, последствия проведённой в те годы массовой античеченской пропагандистской кампании, частично, ощущаются и в наши дни.

«Отец народов» чтит историю и понимал, что даже исчезнувший народ, к примеру, латиняне Древнего Рима, остаётся в человеческой памяти до тех пор, пока жива его культура и традиции. Поэтому, в Чечено-Ингушетии было уничтожено большинство этнографических памятников. Массовым актам вандализма подвергались кладбища: сотни тысяч надгробных стел использовались для строительства дорог, свинарников, мостов. Безжалостно уничтожались горные средневековые башни, мечети, склепы. Из 300 башен Аргунского ущелья уцелело менее 50 [13] - памятники материальной культуры подлежали уничтожению, а история – забвению!

В мае 1944 г. Берия отдал приказ НКВД зачистить Кавказский регион от представителей репрессированных народов, не оставив не одного человека. В Грузии, Дагестане, Краснодарском крае, Ростовской и Астраханской областях были выявлены и отправлены в места ссылки 4 146 чеченцев и ингушей. Эти мероприятия проводились до конца 1945 г. На переселение отправлялись даже те чеченцы и ингуши, которые отбывали сроки заключения в тюрьмах и лагерях.

Вайнахи, в начальный период депортации в новых местах проживания, представляли, практически, дармовую рабочую силу. Затем, только в конце 40-х – начале 50-х гг., стали получать за свой труд практически такое же материальное и моральное вознаграждение, какое получали остальные.

Национальный контингент вынужденных переселенцев Северного Кавказа составил более 680 тысяч человек [15].

Важной стороной было юридическое оформление ликвидации государственности народов. В Конституции РСФСР особо оговаривалось изменение границ между республиками. Подобная акция могла осуществляться исключительно с согласия тех сторон, которые стремились провести это действие. Согласие должно было утверждаться решением Президиума Верховного Совета РСФСР по представлению союзных республик.

Такое право административным нажимом было нарушено. Народы, переселялись, превращаясь автоматически в национальные меньшинства в новых регионах проживания с вытекающими отсюда последствиями, а республики, автономные области ликвидировались. Их территории, решением центральных руководящих органов власти или передавались соседним республикам, краям, или превращались в новые административные единицы (Ставропольский округ, Грозненская область). Изменялись названия городов, поселков и аулов.

Юридический документ, служивший как бы основой для осуществления того или иного действия, связанного с вынужденным переселением, появлялся гораздо позднее, чем проведение самой акции, и носил "оправдательный" характер.

Правовую базу под депортационные мероприятия подгоняли нормативные акты — "Положение о спецпереселенцах", "Положение о спецкомендатуре". Эти "документы" расширяли правовую деятельность в отношении "поруганных и наказанных" народов и национальностей.

Большими правами по соблюдению законности в отношении спецпереселенцев наделялась Прокуратура СССР, её ведомства. На пресечение любых агрессивных мер по отношению к спецконтингенту в период депортации внимания не обращалось.

Но, не смотря ни на что, спецконтингент активно действовал на трудовом фронте. Не было сферы производства, в которой не использовались бы трудовые навыки переселенцев. В колхозах Средней Азии работали представители всех депортированных народов Северного Кавказа. По данным докладной записки Л.П. Берия (июль 1944 г.) в Казахстане и Киргизии в 1946 г. из 131 480 семей 111 980 - работали в колхозах [16].

Немаловажной задачей являлось определение правового поля, которое включало бы правила поведения спецпереселенцев, участие их в производственной и общественной жизни, право получения оплаты за свой труд, право на образование, социальное обеспечение и т.д. Взаимоотношения спецпереселенцев и работодателей регламентировались правом, но, в условиях спецучреждения оно носило относительный характер. Однако труд давал

возможность спецпереселенцам поддерживать своё материальное положение на минимальном жизненном уровне.

И ещё один парадокс того времени. Спецпереселенцы, и особенно интеллигенция, коммунисты, комсомольцы принимали участие в выборных кампаниях, проявляли повышенный интерес к получению образования, поддерживали тесные связи с народами, в окружении которых они проживали.

Первые мероприятия по реабилитации репрессированных граждан начались с тех же с кого и пошёл сам процесс - с казаков. В 30-е годы, с возрождением боевых соединений, их стали привлекать на службу Отечеству, что нашло отражение в принятом ЦИК СССР 20 апреля 1936 г. Постановлении "О снятии с казачества ограничений по службе РККА".

После смерти И.В. Сталина началось смягчение положения лиц, находившихся на спецпоселении. Все вопросы, связанные с реабилитацией репрессированных граждан, рассматривались Президиумом ЦК КПСС. В начале июля 1954 г. состоялось заседание Президиума ЦК КПСС с повесткой дня "О снятии некоторых ограничений в "правовом" положении спецпоселенцев". В 1955 г., Президиумом ЦК КПСС было принято Постановление "О снятии ограничений по спецпоселениям с членов КПСС, кандидатов КПСС, членов их семей", а в ноябре того же года последовало и постановление Совета Министров СССР "О снятии со спецпоселения участников Великой Отечественной войны, лиц, награждённых орденами и медалями Советского Союза, и преподавателей учебных заведений".

16 июля 1956 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР "О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны". Важным документом является Приказ МВД СССР № 055 от 25.01.1957 г. "О разрешении проживания и прописки ...чеченцам, ингушам и членам их семей в местах, откуда они были выселены". Семьям была оказана помощь со стороны колхозов и совхозов в строительстве жилых домов и надворных построек, проводились меры по жизнеобустойству, выделялись необходимые денежные средства. К февралю 1958 г. в Чечено-Ингушетию прибыло более 20 000 вайнахских семей. Они активно включались в производство и общественную сферу. Восстанавливались национальные и государственные образования. Были восстановлены: Кабардино-Балкарская и Чечено-Ингушская АССР. Вместо бывшей Карачаевской Автономной области была образована Карачаево-Черкесская Автономная область.

В конце 80-х годов начался новый этап реабилитации репрессивных граждан, связанный с дальнейшим расширением демократизации общества.

Основополагающими документами явились: Декларация "О признании незаконными, преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав" (1989 г.) и Закон РСФСР "О реабилитации репрессивных народов" появившийся 26 апреля 1991 г., а так же Закон РСФСР "О

реабилитации жертв политических репрессий". Продолжалась разработка нормативной базы реабилитации, включая и реабилитацию народов Северного Кавказа. Президент России принял Указ от 15 июля 1992 г. "О мерах по реализации Закона "О реабилитации репрессивных народов" в отношении казачества". В его положениях, в последующих нормативных актах определялись меры по экономической и культурной реабилитации вырождающегося казачества.

В 1995-1997 гг. началась осуществляться выплата компенсаций материального ущерба, нанесенного спецпереселенцам.

Развитие событий на Северном Кавказе в 90-х гг. прошлого века, вызывает необходимость обращения к такой важной стороне проблемы, как причины противоречий и конфликтности в отношениях между народами. Они разнообразны, но их генезис идентичен: поиск врага, этнические чистки, массовый исход населения с территории своего проживания. В частности, события в Чечне вызвали бурную миграцию из республики, прежде всего, в соседние субъекты Федерации и в центральные области России, так называемого, русскоязычного населения (хотя, таковым является всё население РФ).

Причины современной напряженности, можно видеть в последствиях Октябрьского (1917 г.) переворота, после которого через "игры" с народами, их переселение, всевозможные политические манипуляции, изъятие и передачу земель за лояльное отношение к Советам формировалась искажённая государственная политика в сфере национальных отношений на Северном Кавказе.

История любого государства не бывает, либо "белой и пушистой", либо сплошь негативно-чёрной. Так и к прошлому нашей огромной, но, к сожалению, многострадальной Родины, необходимо относиться комплексно, с учётом всех нюансов, объективно рассматривать непростые ситуации и процессы. Однако, попытка геноцида ряда народов, не может быть оправдана какой - то необходимостью, объяснена сложившейся ситуацией. Произошедшее, противоречило как всем общечеловеческим нормам, так и духовными установками любых религиозных конфессий. Но это наше прошлое, о котором нельзя как забывать, так и превращать в повод для мести. Мстить мёртвым - глупо, так же как и существовавшему тогда режиму. А разжигать вражду между народами – значит попирать действующую ныне Конституцию. Да и кому с кем враждовать: потомкам репрессированных вайнахов с потомками репрессированных казаков или с русскими, которые пострадали в период сталинского режима не менее других народов?!

Как показывает современная политическая обстановка в России безусловная победа в национальном вопросе оказалась за народной мудростью, которая, не смотря на политические ухищрения выбрала интернациональное взаимотолерантное содружество народов и этносов нашей Родины, презрев ксенофобию и любые проявления национализма! «Задача государства – разработка и проведение взвешенной национальной политики в рамках правового поля с учётом всех особенностей межнациональных отношений, сложившихся в современной политической реальности» [17].

Литература

1. Сталин И.В. Собрание сочинений. – Т. 4. 1947. С. 399–400.
2. Авторханов А. Мемуары. – М., 2005. – С.521–522.
3. См.: Хатуев И., Сардалов И. Депортация чеченского народа: свидетельства, факты, воспоминания. Нальчик. 2012. с. 12.
4. Чеченцы: история и современность. Под ред. Айдаева Ю.А. – М., 1996. – С. 263.
5. Газета Гумс (Гудемес). – 2006. – 18 февраля.
6. Ибрагимов М., Хатуев И. Правда, о участии народов Чеченской Республики в Великой Отечественной войне. Грозный. 2006. с. 23.
7. Там же, с.23.
- 8] Ибрагимов М. Хатуев И. Вклад чеченского народа в победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны. Грозный. 2005. с. 36.
9. ГАРФ. Ф.Р. – 9401. оп. 2, д. 64, л. 160.
10. Из архива И. Сталина. http://www.ng.ru/specfile/2000-02-29/10_top_secret.html
11. Ибрагимов М., Хатуев И. Чеченская Республика в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Нальчик. 2007. с. 97.
12. См.: Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнология чеченской войны).– М., 2001; Некрич А. Наказанные народы.– Нью-Йорк, 1978, с. 148.
13. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного полселения лиц, выселенных в отдалённые районы Советского Союза в период Великой Отечественной войны» 26 ноября 1948 г. <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/481126.htm>
14. См.: Документы из архива Иосифа Сталина: Постановление № 255 - 74 сс. О заселении и освоении районов бывшей Чечено-Ингушской АССР. 9 марта 1944 г.; Постановление от 22 марта 1944 г. Об образовании Грозненской области в составе РСФСР. http://www.ng.ru/specfile/2000-02-29/10_top_secret.html
15. Российская историческая политология: Учебное пособие. - Ростов н/Д., 1998. - С. 571.
16. Документы из архива И. Сталина. http://www.ng.ru/specfile/2000-02-29/10_top_secret.html
17. Кузина С.И. Мультикультурализм и этническая идентичность // Философия права. – 2012. – №5. – С.101.

КАИН И АВЕЛЬ – ЛОГИКА МИФА
CAIN AND AVEL – THE LOGICIAN OF THE MYTH

Пикалов Д.В., НОУ ВПО «Северо-Кавказский гуманитарный институт», доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, кандидат исторических наук, доцент

Pikalov D. V., North-Caucasian Institute for the Humanities, "assistant professor of humanities, social and economic disciplines, Ph.D., associate professor

e-mail: skgi_institut@mail.ru

Аннотация: В статье автор рассматривает мифологический сюжет о противостоянии земледельца и пастуха, характерный для ряда культур Древнего Востока.

Annotation: In article the author considers a mythological plot about opposition of the farmer and the shepherd, characteristic for a number of cultures of the Ancient East.

Ключевые слова: история, мифы, логика

Keywords: history, myth, logic

Библейская история о двух братьях, Каине и Авеле, до сегодняшнего дня является одной из самых странных и нелогичных легенд Ветхого Завета. Ева, жена первочеловека Адама, родила от него Каина, «и сказала: приобрела я человека от Господа». После родила Авеля - «и был Авель пастырь овец, а Каин был земледелец». Далее каждый из братьев приносит в дар Богу плоды трудов своих, и Бог принимает жертву Авеля – «от первородных стада своего и от тука их», и не принимает жертву Каина – «от плодов земли». Объяснение Бога относительно принятия даров вообще непонятно: «...если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним». Далее Каин зовет своего брата в поле и убивает его. И тут начинается совсем непонятное. Бог пытается узнать у Каина где его брат и, не получив вразумительного ответа, заявляет: «И сказал [Господь]: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле». Каин становится изгнанником, «поселился в земле Нод, на восток от Едема. И познал Каин жену свою; и она зачала и родила Еноха. И построил он город; и назвал город по имени сына своего: Енох» [1]. Т.е. после братоубийства Каин вполне нормально живет под защитой Бога, его потомство множится и процветает.

История о Каине и Авеле оставляет больше вопросов, чем дает ответов: остается только догадываться, что это за недобрые дела совершает Каин и что за грех лежит у дверей его; зачем Каин зовет Авеля именно в поле и там его убивает, и почему Бог не знает, что случилось в этом поле; почему земля отверзла уста свои принять кровь Авеля, хотя в тексте говорится, что земля за это прокляла Каина; и что это за наказание изгнанием такое, когда изгнанник строит город, плодит потомство и живет припеваючи под защитой Бога? И почему имя Авеля значит «пастух», а Каина – «кузнец» [2]?

На все эти вопросы вразумительного ответа текст Библии не дает. Как не дают его древние и современные толкователи Библии, ограничиваясь утверждением, что «грех Каина» это его зависть к брату или изначальное несовершенство вызванное грехопадением Адама и Евы. Оно и понятно, ведь как пишет М. Дуглас «...оскверняющий человек всегда неправ. Он либо сделал что-то не так, либо просто пересек какую-то черту, которую нельзя было пересекать...» [3].

Собственно, можно было бы и ограничиться этими объяснениями, если бы у соседей древних иудеев – египтян и шумеров, не было аналогичного мифологического сюжета, о противостоянии земледельца и скотовода. И если в случае с древними иудеями, которые изначально были скотоводами и только позже, поселившись в Ханаане, перешли к земледелию [4], сюжет о «плохом земледельце» и «хорошем скотоводе» еще можно как-то разумно объяснить, то вот аналогичные сюжеты в земледельческих древнеегипетской и шумеро-аккадской культурах противоречат здравому смыслу. Но ведь «логика мифологического мышления отличается от логики реалистической» [5], поэтому очень часто исследователи впадают в ошибку, пытаясь интерпретировать мифы с позиций здравого смысла.

Тут нужно в первую очередь учесть, то что, задачей творцов Библии, древнеегипетских и шумерских мифов было не объяснение и упорядочение мира, а упорядочение мифов, доставшихся им с глубокой архаики. То, что создателей мифов менее всего волновал вопрос, а как на самом деле обстояли дела, совершенно естественно, поскольку их мышление является мифоцентристским.

В то же время нужно обязательно пояснить, что мифология, особенно древнейшая мифология, чужда каких-либо элементов рациональной логики, а основана на своих собственных законах. Именно поэтому этнографы, записывающие мифы, никогда не встречались с феноменом целостной мифологической системы, в которой различные фрагменты мифологической картины, различные мифологические сюжеты или отрывки сюжетов сплетались бы в сколько-нибудь законченный геометрический узор, складывались в целостную систему. Это обстоятельство привело к тому, что исследователи-этнографы и фольклористы делали эту работу сами. Даже такая полная и хорошо сохранившаяся до нашего времени мифология как греческая, была систематизирована и упорядочена не античными авторами, а европейскими учеными (Р. Грейвс, А.А. Тахо-Годи, Н.А. Кун и др.).

Вместе с тем, тот факт, что сами древние греки, судя по всему не только не имели никакой целостной (*целостной в нашем понимании*) мифологической картины, но и не испытывали нужды в какой бы то ни было ее систематизации, оставался без объяснения. Что тогда говорить о культурах стоящих на более низком уровне развития.

Вот как, к примеру, описывал трудности сбора мифов у папуасов маринд-аним П.Вирц: «...Лишь немногие островитяне умеют рассказывать. Некоторые знают много мифов, но изложить их не могут. Их рассказ представляет обычно какой-то фрагмент без начала и конца, и бывает иногда весьма нелегко понять, о чем идет речь, особенно вначале. Однако со временем я заметил, что во всей области, населенной маринд-аним, большинство мифов рассказывается одинаково, с незначительными отклонениями... Дело, следовательно, было лишь за тем, чтобы записать в разных местах рассказы как можно большего числа информантов. Получив, таким образом, общее представление обо всем материале, можно было дополнить фрагменты отдельных мифов другими. Это был единственно возможный путь. Каждый рассказчик, как правило, начинает свое повествование с того, что ему в данный момент пришло на ум. Чаще всего, бывает, сразу даже трудно уловить какой бы то ни было смысл, какую-то последовательность. Но некоторое время спустя, удается опять услышать фрагмент того же мифа. Так составляешь о нем все более и более полное представление и можешь уже сам выяснить недостающие частности, задавая вопросы. (...) Встретить островитянина, который знал бы целый миф с начала и до конца, удавалось редко. К тому же у многих мифов и нет начала. Они представляют собой, скорее, продолжение, соединяются, переплетаются, переходят один в другой. Как правило, каждый предпочитает рассказывать лишь те мифы, которые ему наиболее близки, т.е. относятся к кругу его тотемно-мифологического родства» [6].

Любопытно: многим собирателям мифов, похоже, просто не приходило в голову, что фрагментарность мифа, его отрывочность и несвязность - это не досадное недоразумение, а, так сказать, фундаментальный факт, свидетельствующий об очень существенной черте бытования мифа в первобытном социуме. Движимые лучшими побуждениями, этнографы стыковали друг с другом различные фрагменты «одного и того же мифа», пытались реконструировать картину этого мифа как целостную и последовательную. П. Вирц и Г. Неверман честно признаются, что их книжные тексты не являются буквальными воспроизведениями слышанного ими. «Маринд-аним далеко не всегда рассказывали мифы в полном виде, не обязательно передавали их как цельные нарративы: нередко какие-то мотивы и эпизоды, мифологические образы и реминисценции всплывали в разговорах, обнаруживались в составах ритуалов, вспоминались в связи с какими-либо предметами и т.д. Наблюдателям приходилось подчас самим восстанавливать рассказ как целое, объединять отдельные эпизоды и т.д.» [7] Но ведь реальное существование мифа в первобытном обществе не имело какого бы то ни было подобия целостности, так как мифы представляют собой особую форму бытования семантических полей предметов и явлений окружающего

человека мира. Но вот с какой стати эти семантические поля должны быть каким-то образом упорядочены? [8]

Философ А.М. Лобок [9] обратил внимание на одну особенность, замеченную П. Вирцем. «Оказывается, можно «знать много мифов, но не уметь их изложить». Важное наблюдение, подчеркивающее то принципиальное обстоятельство, что мифы по своей сути не есть рассказы, не есть повествования; а есть нечто существенно другое. Иначе - как можно знать миф, но не уметь его рассказать? Это, кстати, то обстоятельство, на которое обращали внимание многие этнографы: миф в первобытном обществе - не повествование, не рассказ, а прежде всего особый способ бытования сознания человека. Но что это за бытование сознания? В своей исходной ипостаси миф - это всего лишь размытое смысловое поле предмета, которое еще только должно когда-нибудь превратиться в рассказ. Иррациональность мифа станет более понятна, «если мы вспомним, что древние не удовлетворялись простым пересказом своих мифов... Они драматизировали мифы, видя в них особую силу, эффективность которой можно было повысить декламацией» [10].

И вот наступает такой момент в истории народа, когда возникает необходимость письменно зафиксировать многообразие этих смысловых полей, собрать множество рассказов в подобие единого текста. И авторы Ветхого Завета, древнеегипетские или шумерские жрецы сталкиваются с теми же проблемами, которые позже преодолел П. Вирц и другие этнографы XIX-XX веков, т. е. с фрагментарностью, разрозненностью и несистематичностью повествования. Но так как создатели Ветхого Завета, как и древнеегипетские и шумерские жрецы, были сами носителями мифологического сознания, то они не пытались, в отличие от этнографов XIX-XX века, «дополнить фрагменты отдельных мифов другими», а приводили их, как говорят, из первых рук. И их совершенно не смущала нелогичность и определенная бессвязность их повествования.

И вот как так получилось, что мирный земледелец Каин, труд которого менее всего связан с насилием и агрессией, убивает скотовода Авеля? Ведь убийство, как способ добывания пищи и организации жизни скорее присущ именно скотоводу. *«Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу, и Авель также принес от первородных стада своего и от тука их»* [12]. Не живых же животных, в самом деле, жертвовал Авель Богу? В том же Бытие далее описывается обряд жертвоприношения Авраама, которым Бог хотел испытать его: *«Авраам устроил жертвенник и разложил на нем дрова. Он связал Исаака, положил его поверх дров на жертвенник, достал нож и занес над сыном»* [12]. То есть можно с полным основанием говорить, что жертвы Богу Авеля были связаны с убийством. Но в легенде о Каине и Авеле, убийцей выступает мирный земледелец. Исторический опыт показывает, что обычно насилие и агрессия исходила от скотоводческих культур. Кочевники-иудеи, скифы, сарматы, гунны, арабы, монголы воспринимали земледельческое население, как добычу.

«Древние иудеи страстно желали навсегда обосноваться на плодородных равнинах. Но характерно, что они мечтали о землях, «текущих млеко и медом», а не о землях изобилующих урожаями, подобных тем, какие представляли себе в загробной жизни египтяне... Организованные государства древнего Ближнего Востока были земледельческими, но ценности земледельческой общины противоположны ценностям кочевого племени, а в особенности – их крайнего типа – кочевников пустыни. Уважение оседлых земледельцев к безличной власти и зависимость, принуждение, налагаемое организованным государством, означают для кочевника непереносимую нехватку личной свободы. Вечная забота земледельца обо всем, что связано с явлением произрастания, и его полная зависимость от этих явлений представляются кочевнику формой рабства. Более того, для него пустыня чиста, а картина жизни, которая в то же время есть картина гниения, отвратительна» [13].

Ветхий Завет содержит массу примеров этого конфликта идентичностей кочевника и земледельца, кровавого противостояния двух ценностных систем: *«И прогневался Моисей на военачальников, тысяченачальников и стона начальников, пришедших с войны, и сказал им Моисей: [для чего] вы оставили в живых всех женицин? ...итак убейте всех детей мужеского пола, и всех женицин, познавших мужа на мужеском ложе, убейте; а всех детей женского пола, которые не познали мужеского ложа, оставьте в живых для себя»* [14]. Гнев Моисея вызвало то, что командиры после победы над мадианитянами, приказали убить только мужчин вражеского племени.

В Ханаане мы видим поголовное истребление местного населения кочевниками иудеями. При взятии Иерихона они *«...предали заклятию все, что в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, все истребили мечом»* [15]. Также поступили с городом Гай: *«Когда Израильтяне перебили всех жителей Гая на поле, в пустыне, куда они преследовали их, и когда все они до последнего пали от острия меча, тогда все Израильтяне обратились к Гаю и поразили его острием меча. Падших в тот день мужей и жен, всех жителей Гая, было двенадцать тысяч. Иисус не опускал руки своей, которую простер с копьем, доколе не предал заклятию всех жителей Гая; только скот и добычу города сего сыны Израиля разделили между собою, по слову Господа, которое Господь сказал Иисусу. И сожгет Иисус Гай и обратил его в вечные развалины, в пустыню, до сего дня»* [16].

Как отмечает М. Элиаде, ведомая во имя Яхве война была священной. «Участвующие в ней воины освящены (*quiddes*, «освящать») и должны блюсти ритуальную чистоту. Что же касается добычи, то она «предавалась заклятию», т.е. ее надлежало целиком уничтожить, принести в жертву Яхве» [17]. Семитский термин «заклятый» *hèrèṁ* происходит от корня, означающего «священное» [18].

С другими ханаанскими городами обошлись так же, как и с предыдущими: *«И пошел Иисус и все Израильтяне с ним из Македа к Ливне и воевал против Ливны; и предал Господь и ее в руки Израиля, [и взяли ее] и царя ее, и истребил ее Иисус мечом и все дышащее, что находилось в ней: никого не оставил в ней, кто бы уцелел [и избежал]...»* [19], «и предал

Господь Лахис в руки Израиля, и взял он его на другой день, и поразил его мечом и все дышащее, что было в нем, [и истребил его] так, как поступил с Ливною» [20], и так город за городом, пока «всю добычу городов сих и [весь] скот разграбили сыны Израилевы себе; людей же всех перебили мечом, так что истребили всех их: не оставили [из них] ни одной души» [21], и не «поразил Иисус всю землю нагорную и полуденную, и низменные места и землю, лежащую у гор, и всех царей их: никого не оставил, кто уцелел бы, и все дышащее предал заклятию» [22].

Судя по такой тактике, первоначально кочевники-иудеи, как и позже монголы Чингисхана, не имели намерений покорить земледельческие народы Ханаана и управлять ими. Отсюда и тактика выжженной земли, которую мы видим в Книге Иисуса Навина. Иерихон не просто был разрушен, всякая попытка восстановить его объявлялась преступлением: «...Иисус поклялся и сказал: проклят пред Господом тот, кто восставит и построит город сей Иерихон; на первенце своем он положит основание его и на младшем своем поставит врата его» [23]. И даже позже, когда иудеи согласно Ветхому Завету попали под власть филистимлян, мы видим поведение настоящих кочевников: «И пошел Самсон, и поймал триста лисиц, и взял факелы, и связал хвост с хвостом, и привязал по факелу между двумя хвостами; и зажег факелы, и пустил их на жатву Филистимскую, и выжег и копны и нежатый хлеб, и виноградные сады и масличные» [24]. Можно со всем скепсисом относиться к рассказу о лисицах, несущих привязанные факелы. Но тот факт, что объектом мести Самсона стали именно «копны и нежатый хлеб, и виноградные сады и масличные» крайне важен, ведь память об этих деяниях бережно хранилась и фиксировалась, а исполнитель предстает перед нами в образе национального героя.

Точно так же вели себя монголы по отношению к земледельческому населению. Презрение монголов к земледельцам было глубоким и всеобъемлющим. Люди, не носившие меча и питавшиеся тем, что росло из земли, а не мясом, были в их глазах чем-то вроде скота. Гнать в нужное место толпу крестьян было для них так же естественно, как гнать стадо коров, и обозначалось в их языке теми же терминами [25]. В работе Д. Уэзерфорда много раз указывается, что монголам Чингисхана был ненавистен сам уклад жизни земледельцев. Так, при захвате Северного Китая, «монголы не только планомерно сжигали города, но также затрачивали много времени и труда на разрушение ирригационных систем, что приводило к полному запустению больших территорий» [26]. Кочевники Чингисхана «приходили не для того, чтобы завоевывать и управлять, а для того, чтобы убивать, разрушать и грабить...» [27] - отмечает Уильям Дюрант в своей многотомной «Истории цивилизации». Монголы «не только сравнивали с землей города и разрушали замки, но также вырубали виноградники, сжигали сады, вытаптывали поля» [28]. Действия, по сути, ни чем не отличающиеся от тех, что мы видим у библейский Самсона или Иисуса Навина.

«Здесь мы вплотную подошли к осознанию — обнаружению — важнейшей ступени, отделявшей кочевника-охотника от оседлого земледельца. Разница их трудовых занятий

была лишь внешним отличием. Глубинная же социально-психологическая несовместимость состояла в другом. Земледелец жил в государстве, каждый член которого как бы отказался от естественного права человека на самозащиту и передоверил её кому-то другому: солдату, полицейскому, судье, стражнику, королю, тюремщику, палачу. Освобождённый от задач гражданского и военного управления, земледелец мог все свои силы и время отдавать полезному труду. Не то кочевник-охотник. Внутри племенной структуры он сохраняет за собой все права и обязанности самозащиты — себя, своей семьи, своего рода-племени. Он и воин, смело идущий на бой с любым иноплеменником. Он и судья, знающий законы и обычаи отцов, следящий за исполнением их в своей семье и у соседей. Он и палач, приводящий в исполнение «приговор» над нарушителем. Он и верховный властитель, решающий на племенном совете, когда напасть на врага или на богатый караван, а когда отступить в безопасное укрытие. Эта ключевая разница и составляла главное препятствие для перехода кочевых народов в стадию оседлого земледелия. Кочевник мог научиться у земледельца приёмам вспашки и орошения земли, мог заставить себя попотеть на уборке урожая и постройке дома, на заготовке сена для скота. Но он не мог и не хотел расстаться со своими священными правами, которые давала ему принадлежность к племени, со своим обширным «социальным я-могу». Земледелец, при всём его богатстве, выглядел в глазах кочевника бесправным бедолагой, утратившим понятие о чести, потому что он отказался от права защищать свою честь и свободу с оружием в руках. Это откровенное презрение, которое нищий и отсталый кочевник выказывал преуспевающему земледельцу, было отмечено тысячу раз в воспоминаниях и путевых заметках. Гордость бедуина, монгола, индейца, черкеса вошла в поговорки, заставляла цивилизованный мир проявлять почтительную опасливость по отношению к охотникам и кочевникам» [29].

Но все это не объясняет, откуда в мифологии кочевников-иудеев взялся сюжет об убийстве земледельцем скотовода. Но мы забываем, что в традиционных культурах миф оказывается негативной матрицей реального культурного порядка. «Строгий и изоциренный ...социальный порядок, царящий в первобытном обществе, получает в мифе свое наоборотное отражение. А ...беспорядок и подчеркнутая асоциальность поведения тотемных предков словно бы имеет в виду порядок, господствующий в данном племенном сообществе. Скажем, если культурной ценностью данного племени является какой-то определенный тип брачной регуляции, то именно этот, а не какой-либо другой тип брачной регуляции будет дразняще ниспровергаться мифом. Мол, предки людей во времена сновидений жили ТАК, и оттого это закончилось ЭТИМ, и потому люди не должны жить ТАК, а должны жить ИНАЧЕ. И таким образом любой, самой мелкой детальке социально организованного пространства мифологическое сознание противопоставляет своего рода хаотический, асоциальный коррелят. Любая социальная связь имеет свой наоборотный миф, в котором она, во-первых, разрушена во всевозможный хаос, и только, во-вторых, стягивается за пределами этого искусственно сконструированного мифом хаоса в некую нехаотическую единицу» [30]. Рукотворный хаос мифа оказывается инструментом формирования

социального порядка. Кочевник-иудей, ведущий себя по отношению к земледельцам Ханаана как хищник, убивая и грабя их, хранит и воспроизводит в своих обрядах миф о земледельце Каине – убийце и грешнике.

И если в своих ритуалах и обрядах кочевники-иудеи воспроизводили мифологический сюжет об убийстве земледельцем скотовода, то оборотной стороной этих ритуалов становится утверждение социально-культурных норм, того самого поведения кочевников по отношению к земледельцам, которые мы фиксируем в истории. И мотивы греховности и изгнания Богом Каина - это способ дистанцирования от земледельца и самое главное, обоснования своего хищнического поведения по отношению к нему у кочевника-иудея. Через несколько тысячелетий иудеи столкнутся с подобным же отношением к ним в Европе, где до сегодняшнего времени существуют представления о том, что они «обладают зловещим, хотя и неопределимым, преимуществом в сфере коммерции» [31], чем и оправдывалась их дискриминация в недалеком прошлом.

Литература

1. Бытие (4, 1-24).
2. Элиаде М. История веры и религиозных идей. В 3 т. – М.: Академический проект, 2008. - Т. I. – С. 209.
3. Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. - М., 2000. – С. 170.
4. Щедровицкий Д.В. «Дождь ранний и поздний» (ритуал вызывания дождя в Библии и его аллегорическое осмысление на рубеже античности и средневековья) // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – М., 1988. – С. 2007.
5. Голан М. Миф и символ. – М., 1992. – С. 80.
6. Мифы и предания папуасов маринд-аним. - М., 1981. - С. 25-26.
7. Там же. - С. 17.
8. Лобок А. М. Антропология мифа. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – С. 127.
9. Там же. - С. 127-130.
10. Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. - СПб., 2001. – С. 13.
11. Бытие (3, 3-4).
12. Там же (3, 3-4).
13. Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. Указ. соч. – С. 291
14. Числа (31, 14-18).
15. Книга Иисуса Навина (6, 20).
16. Там же. (8, 24-28)
17. Элиаде М. Указ. соч. – С. 229.

18. Там же. – С. 229.
19. Книга Иисуса Навина (10, 29-30)
20. Там же. (10, 32)
21. Там же. (11, 14)
22. Там же. (10, 29-40; 11, 5-22)
23. Там же. (6, 25)
24. Книга Судей (15, 4-5)
25. Уэзерфорд Д. Чингисхан. М., 2005. – С. 92.
26. Там же. – С. 119.
27. Durant Will. The Age of Faith. - New York: Simon and Schuster. 1950. - P. 340.
28. Уэзерфорд Д. Указ. соч. – С. 148.
29. Ефимов И. Грядущий Аттила. – М., 2008. – С. 162-163.
30. Лобок А. М. Указ. соч. - С. 267.
31. Дуглас М. Указ. соч. – С. 157.

**ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ
PEDAGOGIGS AND PSYCHOLOGY**

УДК 159.9

**ПРОБЛЕМА СИСТЕМНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ
THE PROBLEM IS THE SYSTEM OF PSYCHOLOGICAL
STUDIES OF PERSONALITY**

Волков А.А., Северо-Кавказский федеральный университет, профессор кафедры психологии, доктор психологических наук, доцент

Волкова В.М. Северо-Кавказский федеральный университет, доцент кафедры теории и истории государства и права, кандидат юридических наук, доцент

Volkov A.A., North-Caucasian Federal University, Professor, Department of Psychology, Doctor of Psychology, Assistant Professor

Volkova V.M. North-Caucasian Federal University, Associate Professor of the Theory and History of State and Law, PhD, Associate Professor

e-mail: volkoffss@yandex.ru

Аннотация: Под понятием личностный смысл скрывается одна из важнейших проблем – проблема системного психологического исследования личности. Предметная направленность человека, творящего себя самого в процессе свободной деятельности, является связующей нитью между субъектом и миром.

Annotation: The notion of personal meaning lies one of the major problems - the problem of systematic psychological study of personality. Subject area man, the creator himself in the free activity is the link between the subject and the world.

Ключевые слова: личностные смыслы, смысловые образования, смысловые системы, обобщенные смысловые образования, частные смысловые образования, вербальный смысл, операциональный смысл.

Keywords: personal meanings, semantic formation, semantic systems, generalized sense of education, private education meaningful, verbal meaning, operational meaning.

Традиционно в психологической науке понятие «смысл» неразрывно связано с понятием «личность». Это во многом определяет тот факт, что разработка проблемы смысла нашла свое отражение в различных аспектах изучения свойств личности.

В одних школах личность рассматривается в связи с анализом ее деятельности (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), в других центральное место занимает изучение психологических отношений личности (В.Н. Мясищев), в третьих – личность исследуется в связи с общением (К.А. Абульханова-Славская, А.А. Бодалев, Б.Ф. Ломов) или в связи с установками (Д.Н. Узнадзе, А.С. Прангишвили).

Несмотря на различие подходов к изучению личности, в качестве одной из ведущих характеристик выделялась направленность, которая выступала в качестве смыслового отношения человека к объективной действительности. В различных концепциях эта характеристика раскрывалась по-разному: как «динамическая тенденция» (С.Л. Рубинштейн), «смыслообразующий мотив» (А.Н. Леонтьев), «основная жизненная направленность» (Б.Г. Ананьев), «доминирующие отношения» (В.Н. Мясищев). По мнению Б.Ф. Ломова, направленность является системообразующим свойством личности, определяющим ее психологический склад. «В глобальном плане направленность можно оценить как отношение того, что личность получает и берет от общества (имеются в виду материальные и духовные ценности), к тому, что она ему дает, вносит в его развитие» . Наиболее полное отражение проблема смысла нашла в рамках деятельностного подхода, где личность, ее структура, формирование и развитие обуславливались различными аспектами жизнедеятельности: «личностные смыслы» (А.Н. Леонтьев), «смысловые образования», «смысловые системы» (А.Г. Асмолов и др.), «обобщенные смысловые образования» (Б.С. Братусь), «частные смысловые образования», «вербальный смысл» (В.К. Вилюнас), «операциональный смысл» (О.К. Тихомиров).

В основу деятельностного подхода легли многие положения, изложенные в рамках культурно-исторической концепции Л.С. Выготского. Он один из первых в отечественной психологии обратился к проблеме смысла как к психологической категории.

Разрабатывая проблему высших психических функций, соотношения аффекта и интеллекта, Л.С. Выготский ставит вопрос о смысловой регуляции деятельности. Определяя смысл, как совокупность всех психологических факторов, сложное динамическое образование, он вводит понятие смыслового поля, под которым понимается осознаваемая человеком актуальная ситуация его поведения. По его мнению, осмысление человеком ситуации в ходе реальной деятельности влечет за собой изменение смыслового поля и реальных действий в ситуации. Динамика реальной ситуации превращается в динамику мысли, при этом обязательно обнаруживается обратное движение – превращение динамики мысли в жесткую и прочную динамическую систему реального действия. Именно данный процесс и делает деятельность реально. В каждом интеллектуальном движении содержится соответствующее ему эмоциональное отношение к действительности. Это динамическая смысловая система, как некий целостный компонент, включает в себя аффективные и интеллектуальные процессы в их единстве, позволяет проследить движение от мотива и потребности к мысли, а от нее к деятельности. Возникающее переживание (аффективное

отношение действительности), являясь формой единства эмоционального и аффективного, выступает единицей динамической смысловой системы.

Анализируя структуру человеческой деятельности, устанавливая объективные отношения между ее компонентами, А.Н. Леонтьев показал, что смысл создается в результате отражения субъектом отношений, существующих между ним и тем, на что его действия направлены как на свой непосредственный результат (цель). Именно отношение мотива к цели, указывает А.Н. Леонтьев, порождает личностный смысл, подчеркивая при этом, что смыслообразующая функция в этом отношении принадлежит мотиву. Возникая в деятельности, смысл становится единицами человеческого сознания, его «образующими»: «предмет, имеющий для меня смысл, есть предмет, выступающий как предмет возможного целенаправленного действия; действие, имеющее для меня смысл, есть соответственно, действие, возможное по отношению к той или иной цели».

Для человека в начале смысл выступает как общественное значение, и лишь потом как смысл для него самого. Воплощение смысла в значениях – это отнюдь не автоматически и одномоментно происходящий процесс, а психологически содержательный, глубоко интимный процесс: «индивид просто «стоит» перед некоторой «витриной» покоящихся на ней значений, среди которых ему остается только сделать выбор», что эти значения (представления, понятия, идеи) «не пассивно ждут его выбора, а энергично врываются в его связи с людьми, образующие круг его реальных событий». Поэтому если в отдельных жизненных обстоятельствах индивид вынужден выбирать, то это выбор не между значениями, а между сталкивающимися общественными позициями, которые посредством этих значений выражаются и осознаются.

По его словам, за понятием личностный смысл скрывается одна из важнейших проблем – проблема системного психологического исследования личности. Предметная направленность человека, творящего себя самого в процессе свободной деятельности, является связующей нитью между субъектом и миром. По словам А.Н. Леонтьева: «личностные смыслы, как и чувственная ткань сознания, не имеют своего «индивидуального», своего «не психологического» существования. Если внешняя чувственность связывает в сознании субъекта значения с реальностью объективного мира, то личностный смысл связывает их с реальностью самой его жизни в этом мире, с его мотивами. Личностный смысл и создает пристрастность человеческого сознания»[2].

В дальнейшем положения, изложенные в трудах Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева, нашли свое отражение в разработках проблемы смысла, связанных с различными аспектами деятельности.

Так, О.К. Тихомировым было разработано положение о смысловой структуре мышления. Характеризуя процесс решения мыслительной задачи, О.К. Тихомиров и В.А. Терехов в качестве основной характеристики этого процесса выделяют «развитие смыслов определенных элементов ситуации»[5]. Развитие смысла осуществляется через

участие одного и того же элемента в работе разных систем. Это своего рода итог поисковых операций. Сами включаемые элементы преобразуют деятельность уже существующих систем «Результатом такого исследовательского процесса является постепенное, углубляющееся и меняющееся в ходе решения одной задачи отражение ситуации – ее невербализованный операциональный смысл для человека». Под операциональными смыслами понимается наиболее динамичное смысловое образование, осуществляющее внутреннюю регуляцию деятельности «явление индивидуального психического отражения, не совпадающее полностью с объективным значением элемента, с фиксированным в общественном опыте его значением, отличное от личностного смысла объекта, обусловленного мотивацией деятельности, и от перцептивного образа».

Проблема соотношения смыслов и эмоциональной сферы нашла свое отражение в теории В.К. Вилюнаса. Согласно этой теории биологические смыслы открываются человеку в форме эмоций «Эмоциональные переживания представляют собой конкретно-субъективную форму существования биологического смысла». Личностный смысл, как более высокое образование, получает свое развитие в сознании. При этом собственно эмоциональной в нем остается только основная, «первоначальная» часть. В.К. Вилюнас вводит понятие «смысловые содержания», которые «...отражают отношение <...> воздействий к удовлетворению потребностей субъекта...». При этом смысловые образования не порождаются самой деятельностью и не представляют того продукта, который фиксирует ее предметное содержание.

На обусловленность смысла волевыми процессами обращает внимание Ф.Е. Василюк. Жизненный мир, как онтологическое поле индивида, по мнению Василюка, расслаивается на «витальность», отдельные жизненные отношения, внутренний мир и жизнь как целое. Каждому онтологическому полю соответствует свой тип активности, содержание внутренней необходимости, релевантные условия и адекватный тип критической ситуации. Самый значимый тип критической ситуации – кризис – соотносится Ф.Е. Василюком с жизнью в целом. При этом, воля выступает как ведущий тип активности, реализация внутреннего замысла – внутренней необходимостью, а трудность и сложность – условиями. Критические ситуации, провоцирующие смыслопорождение, рассматриваются в различных типах жизненных миров – внутреннем (простом и сложном) и внешнем (легком и трудном). Сочетание этих миров обуславливает тип конфликтной ситуации для человека, накладывая отпечаток индивидуальности на весь процесс порождения смысла и его результат. Для объяснения данной схемы Ф.Е. Василюк использует понятие «переживание», обозначающее внутреннюю деятельность, обеспечивающую перенесение жизненных событий и восстановление равновесия и отражает особую деятельность субъекта – смыслопорождение. Деятельность смыслопорождения отличается от процесса смыслообразования, который Василюк считает функцией мотива. Специфика данной деятельности заключается в особенности кризисных жизненных ситуаций, актуализирующих переживание, которое в

свою очередь, направлено на «...преодоление некоторого «разрыва» жизни, это некая восстановительная работа, как бы перпендикулярная линии реализации жизни» [37, с. 25].

Смысл, как целостная совокупность жизненных отношений, у Ф.Е. Василюка является своего рода продуктом мотивационно-ценностной системы личности и понимается как нечто «...внутреннее и субъективное», отличное от продукта внешней практической и внутренней объективной познавательной деятельности [10]. Функцией мотива является процесс смыслообразования, обуславливающий направление и побуждение поведения человека. Система ценностей выступает в данном случае как «психологический орган» измерения и сопоставления меры значимости мотивов, соотнесения индивидуальных устремлений и «надындивидуальной сущности» личности [10]. Ф.Е. Василюк полагает, что в ходе развития личности ценности претерпевают определенную эволюцию. Первоначально они существуют только в виде эмоциональных реакций на их утверждение или нарушение. Впоследствии ценности последовательно приобретают форму «знаемых» мотивов, мотивов смыслообразующих и, наконец, одновременно смыслообразующих и реально действующих. Одновременно в процессе приобретения новых мотивационных качеств происходит своего рода скачок в степени осознанности ценностей, в результате которого «ценность из «видимого», из объекта превращается в то, благодаря чему видится все остальное, – во внутренний смысловой свет» [10].

Таким образом, ценность, став реальным мотивом и являясь источником осмысленности бытия, ведет к личностному росту и совершенствованию – «ценность внутренне освещает всю жизнь человека, наполняя ее простотой и подлинной свободой».

Литература:

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т 5. – М.: Педагогика, 1982.
2. Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия /Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1977.
4. Там же, с.153.
5. Тихомиров О.К., Терехов В.А. Значение и смысл в процессе решения мыслительной задачи //Вопр. психологии. – 1969. – № 4. – С. 66–84.
6. Тихомиров О.К. Психология мышления. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
7. Там же.с.50.
8. Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
9. Там же, с.87.
10. Василюк Ф.Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций //Психол. журнал. – 1995. – Т. 16. – № 3. – С. 90–101.

11. Василюк Ф.Е. Типология переживания различных критических ситуаций //Психол. журнал. – 1995. – Т. 16. – № 5. – С. 35–48,с.35.
12. Там же.
13. Там же.с.122-125.
14. Там же.с.127.
15. Там же.с.125.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ INFORMATION FOR AUTORS

Уважаемые авторы!

Журнал «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» приглашает к сотрудничеству преподавателей вузов, научных работников, аспирантов и соискателей. Обращаем ваше внимание на то, что к публикации в Вестнике принимаются статьи, соответствующие заявленным рубрикам и обладающие научной новизной. Решение о включении статей и других материалов в журнал принимает редакционная коллегия, которая не гарантирует публикацию всех предоставленных материалов.

Рукописи и дискеты (диски) как опубликованных, так и неопубликованных материалов не возвращаются.

Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, технических, социологических, психологических и иных данных, имен собственных, цитат и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Статьи, опубликованные или принятые в другие издания, не принимаются.

Максимальный объем статьи (статей) для одного автора или коллектива соавторов составляет 15 страниц, минимальный – 4 страницы: Публикация бесплатная. *Всем авторам будет роздан 1 экземпляр журнала.*

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить и лицензионный договор, который можно скачать на сайте института www.skgi.ru

Электронную версию печатного издания можно будет **скачать бесплатно** на сайте института: www.skgi.ru

Научные направления журнала:

1. Экономические науки;
2. Юридические науки;
3. Философские науки;
4. Социологические науки;
5. Исторические науки;
6. Политические науки;
7. Физико-математические науки;
8. Технические науки;
9. Педагогика и психология;
10. Филологические науки.

Текст статьи, представленный автором, будет принят редакцией к рассмотрению

только в случае соблюдения автором следующих условий оформления:

- **формат бумаги** – А4 (21 см х 29.7 см);
- **ориентация** книжная;
- **поля**: левое – 2,5 см, верхнее, нижнее, правое – 2 см;
- **текстовый редактор** Microsoft Word;
- **шрифт** Times New Roman;
- **размер шрифта** 14;
- **межстрочный интервал** полуторный;
- **абзацный отступ** 1,25.

Название файла содержит номер тематического направления и фамилии всех авторов: например, *Иванов*.

В левом верхнем углу первой страницы печатается **УДК (ББК)** (*шрифт* – жирный), ниже через строку **название статьи** строчными буквами без переносов (*шрифт* – жирный, *выравнивание* – по центру) на русском и английском языках, затем через строку **инициалы и фамилии авторов, город и место работы** (*выравнивание* – по центру) на русском и английском языках, через строку – **аннотация** на русском и английском языках, ниже через строку – **ключевые слова** на русском и английском языках.

Аннотация объемом не более 3 строк должна кратко излагать предмет статьи и основные содержащиеся в ней выводы, **ключевые слова** (3 до 6 слов) должны отражать проблематику публикации. *Шрифт* – курсив, *форматирование* выравниванием по ширине страницы.

Текст статьи выравнивается по ширине. При наборе текста не следует делать жесткий перенос слов со знаком переноса. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения должны быть расшифрованы при первом появлении их в тексте. **Разделы и подразделы статьи** нумеруются арабскими цифрами, выделяются полужирным шрифтом и на отдельную страницу не выносятся.

Необходимо различать в тексте **дефис (-)** (например, черно-белый, бизнес-план) и **тире (—)** (Ctrl+пробел+ «—»).

Если вы используете кавычки, они должны иметь вид так называемых «елочек» (« »). Если в тексте встречаются внутренние и внешние кавычки, то они должны различаться, например: ООО «Издательство “Макрос”».

Таблицы в тексте должны быть выполнены в редакторе Microsoft Word (не отсканированы и не в виде рисунка). Таблицы должны располагаться в пределах рабочего поля. Таблицу при переносе на следующую страницу не разрывать (не копировать шапку, не делать отступы клавишей Enter). Таблицы нумеруются сверху. **Форматирование номера таблицы и ее названия**: *шрифт* обычный, *выравнивание* – слева. **Форматирование таблицы**: *шрифт* обычный, *размер шрифта* 12 пт, *выравнивание* – по центру, *межстрочный интервал* - одинарный.

Пример:

Таблица 1 – Название таблицы

№п/п			

Рисунки размещаются в рамках рабочего поля. Допускается использование рисунков в форматах JPEG и GIF. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров и быть представлены единым элементом. Используемое в тексте сканированное изображение должно иметь разрешение не менее 300 точек на дюйм. *Положение рисунка* – в тексте. Рисунки нумеруются снизу, **подпись под рисунком** выравнивается по центру.

Пример:

Рисунок 1 – Название рисунка

Количество таблиц в документе **не более 3-х**, количество рисунков – **не более 5**.

Формулы должны быть набраны с использованием формульного редактора Microsoft Equation 3.0 или Math Type, выравниваются по центру, их номера – в круглых скобках по правому краю.

Нумерация страниц и колонтитулы не используются.

Ссылки на литературу в тексте указываются в квадратных скобках с указанием номера источника, например: Текст статьи ...текст статьи ... [1]. Текст статьи ... [2] и т.п.

Список литературы приводится в конце статьи и должен быть озаглавлен «**Литература**» (*шрифт* полужирный, *форматирование* – по центру). Используемые источники должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ 7.1-2003(форматирование выравниванием по ширине страницы).

На отдельном листе прилагаются сведения об авторах

Статьи принимаются по адресу: 355041, г. Ставрополь, ул. Лермонтова 312-А, (Северо-Кавказский гуманитарный институт) или по электронной почте skgi_institut@mail.ru

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Порядок рецензирования рукописей, представляемых для публикации в журнале «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, представляемых для публикации в журнале «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» (далее - Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, представляемых авторами для публикации в журнале «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» (далее - Журнал)
2. Каждая рукопись, представленная в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.
3. Рукопись научной статьи, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет соответствия рукописи научной статьи профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.
4. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии Журнала, имеющий наиболее близкую к теме статьи научную специализацию. Редакция имеет право привлекать внешних рецензентов, как правило, имеющих ученую степень и(или) ученое звание, а также специалистов-практиков.
5. Рецензенты уведомляются о том, что представленные для рецензирования статьи являются частной собственностью авторов и содержат сведения, не подлежащие разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.
6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензии предоставляется автору рукописи по его письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.
7. Рецензия в обязательном порядке должна быть предоставлена по соответствующему запросу экспертных советов в Высшую аттестационную комиссию Министерства образования и науки Российской Федерации.
8. Сроки рецензирования рукописей:
 - 8.1. Главный редактор Журнала рассматривает представленную к публикации рукопись в течение десяти дней с момента получения рукописи редакцией.
 - 8.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.
 - 8.3. В сроки, указанные в п.п. 8.1. и 8.2. Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.
 - 8.4. По согласованию редакции и рецензента, рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью включения статьи в ближайший номер Журнала.
9. Содержание рецензии.

- 9.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:
- 9.1.1. соответствие содержание статьи ее названию;
 - 9.1.2. актуальность темы исследования;
 - 9.1.3. научная новизна полученных результатов;
 - 9.1.4. целесообразность публикации статьи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;
 - 9.1.5. подача материала (язык, стиль, используемые категории и обороты).
- 9.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору и редакции по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного и методического уровней рукописи.
- 9.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:
- 9.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати;
 - 9.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати с внесением технической правки;
 - 9.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати после устранения автором замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту;
 - 9.3.4. рекомендовать отказать в публикации статьи в открытой печати по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню Журнала.
10. В случае принятия рецензентом решения, указанного в п.п. 9.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, статья считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.
11. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в п.п. 9.3.2 - 9.3.4 Порядка, текст рецензии в обязательном порядке направляется автору рукописи.
12. В случае отрицательной оценки рукописи в целом, рецензент должен убедительно обосновать свои выводы.
13. В случае принятия рецензентом решения рекомендовать рукопись к принятию к публикации, статья принимается к публикации в Журнале с обязательным уведомлением автора.
14. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение трех лет с момента их подписания рецензентом

THE ORDER OF REVIEWING MANUSCRIPT

The order of reviewing manuscript submitted for publication in the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin»

1. This order of reviewing manuscript submitted for publication in the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin» (hereinafter – The order) determinates the order of reviewing manuscript of scientific articles submitted by authors for publication in the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin» (hereinafter – the Bulletin).
2. Every manuscript submitted to the Editorial staff of the Bulletin must pass a reviewing procedure.
3. Scientific article manuscript received by Editorial staff is considered by the Chief editor for the Bulletin profile adequacy, requirements for registration and then sent to a specialist reviewing.
4. Reviewing is done by the member of the Editorial staff who has the closest scientific specialization with the topic of article. Editorial staff has the right to engage external reviewers, generally with scholastic degree and (or) academic degree, as well as practitioners.
5. Reviewers are notified that the articles submitted for review are the private property of the authors and contain information that is not to be disclosed. Reviewers are not allowed to make copies of articles and pass them to third parties.
6. Reviewing is confidential for the article's authors. Reviews can be passed to the author of the manuscript upon his written request, without the signature and the names, position and job of reviewer.
7. Review must be provided upon request of advisory councils to the Higher Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of Russian Federation.
8. Terms of reviewing manuscripts:
 - 8.1. The chief editor of the Bulletin considers the submitted manuscript within ten days of receipt the manuscript.
 - 8.2. Specialist reviews the manuscript within fourteen days from the moment he gets the manuscript from the chief editor.
 - 8.3. Weekends and holidays established by the legislation of the Russian Federation are not included in the terms mentioned in p.p. 8.1 and 8.2 of the Order.
 - 8.4. According to Editorial staff and reviewer' agreement reviewing can be done in a shorter time to include the article in the next Bulletin edition.
9. The content of review.
 - 9.1. The review must include expert estimation of the manuscript for the following options:
 - 9.1.1. line content of the article to its name;
 - 9.1.2. topicality of the theme;
 - 9.1.3. scientific novelty of the results;

9.1.4. suitability of publishing the article taking into account the previously issued literature on this subject;

9.1.5. presentation of the material (language, style, categories and speed).

9.2. The reviewer may make recommendations to the author and Editorial staff to improve the manuscript. Reviewer comments and suggestions should be objective and based on principles, pointed at improving the scientific and methodological level of the manuscript.

9.3. Final part of the review must contain one of the following decisions:

9.3.1. recommend accepting the manuscript for publication in the press;

9.3.2. recommend accepting the manuscript for publication in the press with technical editing;

9.3.3. recommend accepting the manuscript for publication in the press after removal of the author of the reviewer comment and re-review;

9.3.4. recommend to refuse publishing article in the press because of its non-compliance to requirements of the scientific level of the Bulletin.

10. If the reviewer decides as it mentioned in p. 9.3.3 of the Order modified (revised) author's article must be repeatedly sent to reviewing.

В случае принятия рецензентом решения, указанного в п.п. 9.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование. If the reviewer takes the similar decision the article is excluded and is not to be considered any more.

11. In the case the reviewer takes decisions mentioned in p.p. 9.3.2. – 9.3.4 of the Order the review's text must be sent to the manuscript author.

12. In the case the manuscript gets the negative assessment in general the reviewer must convectively justify his conclusions.

13. In the case the reviewer recommends the manuscript to publication the article is to be published in the Bulletin with obligatory notification of the author.

14. The originals of the reviews are stored in the Editorial staff for three years from the moment of the reviewer signing.